

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (68) 2024

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Артюхов, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, директор Иркутского юридического института — филиала Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — 22761.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редактор
Т. В. Рассказова

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
20.03.2024.

Дата выхода в свет:
27.03.2024.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 21,5.
Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 500 экз. (1 — 250).
Заказ 13.

Цена по подписке
на 2024 г.
по каталогу
«Пресса России»
1544 руб. 00 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2024

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, главный эксперт-специалист отдела организации деятельности временных формирований МВД России, сформированных для решения задач в особых условиях, управления организационного обеспечения комплексного применения сил и средств ОВД, функционирующих в особых условиях, Главного управления оперативного реагирования МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Мирзозов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, начальник НИЦ № 2 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

М. А. Шматов, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2024. —
No 1 (68). — 172 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
500 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles
and bibliographic lists
are placed on the Scientific
electronic library
(www.elibrary.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

No 1 (68)
2024

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, Deputy Head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, Lecturer at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, Professor at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law of Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Artyukhov, Associate Professor at the Operational-Investigative Activity and Special Equipment Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences.

M. T. Ashirbekova, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

A. A. Aubakirova, Head of the Department of Professional and Psychological Training and Management of Internal Affairs Bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Senior Researcher of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination of the South Ural State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

M. V. Bavsun, Deputy Head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, Professor at the Document Examination Department of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. G. Glebov, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Juridical Sciences, Full Professor.

O. P. Gribunov, Head of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

I. S. Dikarev, Head of the Law Institute of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

O. B. Dronova, Professor at the Department of Criminalistic Techniques of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

Editor
T. V. Rasskazova

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
20.03.2024.

Date of publication:
27.03.2024.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 21,5.
Conventional print sheets 20,0.
500 copies (1 — 250).
Order 13.

Subscription price
for the 2024
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1544 rub. 00 kop.
(2 number).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2024

N. A. Egorova, Professor at the Criminal Law Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

S. G. Eremin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. A. Zaitseva, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

E. I. Zamylin, Professor at the Criminalistics Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

S. V. Katkov, Chief Expert-Specialist of the Department for Organizing the Activities of Temporary Formations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Formed to Solve Problems in Special Conditions, Department of Organizational Support for the Integrated Use of Forces and Means of Internal Affairs Bodies Operating in Special Conditions, Main Directorate of Rapid Response of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

V. L. Kubyshko, Deputy Minister of the Interior of Russia, Candidate of Pedagogical Sciences.

L. V. Lobanova, Head of the Criminal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. F. Lugovik, Professor at the Operational-Investigative Activity Department of the Interior Bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, Vice-Rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

D. M. Mirazov, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. L. Osipenko, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for Scientific Work, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

N. V. Pavlichenko, Chief Researcher for the Study of Problems of the History of the Ministry of the Interior of Russia of the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, Professor at the Criminal Proceeding Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

V. A. Ruchkin, Professor at the Department of Forensic Examination and Physical Materials Science of the Volgograd State University, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

A. S. Samodelkin, Head of the Research Center No. 2 of the National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Docent.

K. K. Seitenov, Professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor.

O. V. Strilets, Professor at the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

M. A. Shmatov, Professor at the Department of Preliminary Investigation of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

S. A. Yanin, Professor at the Investigation Work Organization Department of the Educational and Scientific Complex on the Preliminary Investigation in the Interior Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Juridical Sciences, Docent.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово

8

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Азаров В. А.

Действительно ли отказ от «общецивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве гибелен для России?

11

Аширбекова М. Т.

О категории «юридическое препятствие» применительно к некоторым основаниям прекращения уголовного дела

20

Гаврилов Б. Я.

О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства и его роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства

29

Дикарев И. С.

Процессуальное положение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве

38

Дорошков В. В.

Взгляды ученых на современное российское уголовное правосудие

46

Зайцева Е. А.

Участие сведущих лиц в суде первой инстанции сквозь призму реализации принципа состязательности сторон

53

Колоколов Н. А.

Генезис (конструкция), консервация, выявление и исправление (деконструкция) ошибок, допущенных субъектами уголовного процесса (детальный анализ судебной практики) (часть 1)

61

Кутуев Э. К.

Принудительный характер обыска и выемки в уголовном процессе (новое или хорошо забытое старое)

74

Манова Н. С.

Основания оправдания и постановления оправдательного приговора

80

CONTENTS

Introduction

CRIMINAL PROCEDURE

Azarov V. A.

Does the abandonment of the "global international trend" in criminal justice actually harm Russia?

Ashirbekova M. T.

On the "legal obstacle" category related to certain grounds to terminate the criminal case

Gavrilov B. Ya.

On the acting state of the criminal procedure law and its role to improve efficiency of some institutions of criminal proceedings

Dikarev I. S.

Procedural status of the person who entered into a pretrial cooperation agreement

Doroshkov V. V.

Scientists' views on acting Russian criminal justice

Zaitseva Ye. A.

Participation of competent persons in the court of first instance by implementing adversary principle of the parties

Kolokolov N. A.

Genesis (construction), preservation, identification and correction (deconstruction) of errors made by subjects of criminal proceedings (detailed analysis of judicial practice) (part 1)

Kutuev E. K.

Forced nature of search and seizure in criminal proceedings (new or well-forgotten old problems)

Manova N. S.

The bases for justification and the resolutions of an acquittal

<i>Муратова Н. Г.</i> Цифровые учеты мониторинговых сведений по уголовным делам, или О Концепции единого цифрового уголовного дела (в продолжение дискуссии)	88	<i>Muratova N. G.</i> Digital sector statistics of monitoring information in criminal cases, or On the Concept of a unique digital criminal case (continued discussion)
<i>Насонова И. А.</i> Правообеспечительные механизмы, применяемые в ходе предварительного расследования	97	<i>Nasonova I. A.</i> Law enforcement mechanisms used at the stage of preliminary investigation
<i>Николюк В. В.</i> Оперативно-разыскные аспекты производства неотложных следственных действий	105	<i>Nikolyuk V. V.</i> Operational search aspects of completing urgent investigative actions
<i>Овсянников И. В.</i> Совершенствование регламентации порядка доследственного производства и правоприменительной практики с учетом кадрового некомплекта в органах внутренних дел	114	<i>Ovsyannikov I. V.</i> Improvement to regulate order for pre-investigation proceedings and law enforcement practice considering staff shortage in the interior bodies
<i>Павленков Р. В., Колосович М. С.</i> Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства	120	<i>Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S.</i> Transparency of activities of authority subjects of criminal proceedings
<i>Печников Г. А.</i> Отличие формальной логики от диалектики и уголовный процесс	133	<i>Pechnikov G. A.</i> The issue of differing formal logics from dialectics and criminal procedure
<i>Поляков М. П.</i> Сохранение и созидание научных школ как самая насущная проблема науки уголовного процесса	140	<i>Polyakov M. P.</i> Preservation and creation of scientific schools as the most important problem of the science of criminal procedure
<i>Смолькова И. В.</i> Правовая природа передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (глава 55 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)	149	<i>Smolkova I. V.</i> Legal nature to transfer a convicted person to serve his / her sentence in the state, whose citizen he / she is (chapter 55 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation)
<i>Тарасов А. А.</i> Следственные группы в современном уголовном процессе России	157	<i>Tarasov A. A.</i> Investigative groups in the modern criminal procedure of Russia
<i>Химичева О. В., Тутынин И. Б.</i> Избрание меры пресечения: о проблеме оснований для ее правильного выбора	163	<i>Khimicheva O. V., Tutynin I. B.</i> Determining a measure of restraint: on the issue related to the reasons for its correct solution

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

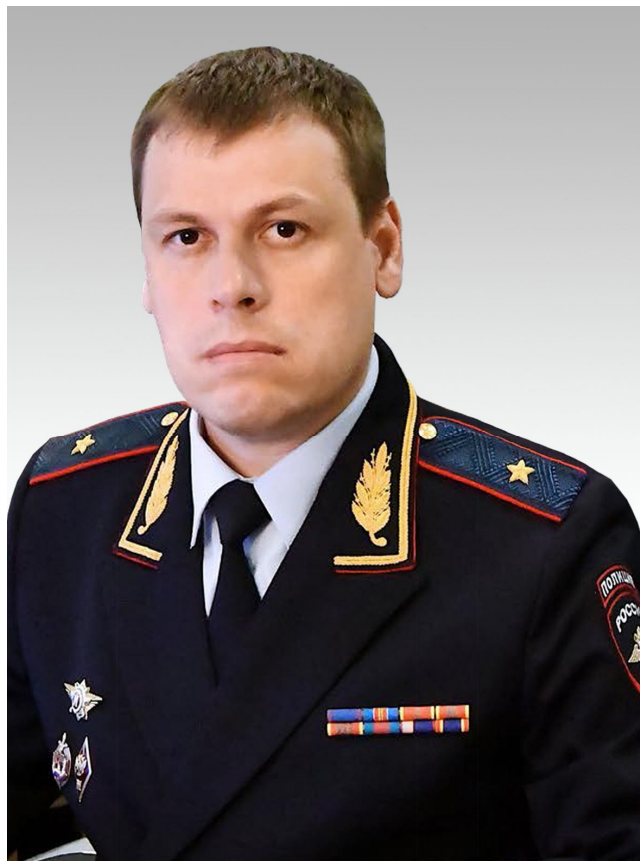
В России, еще задолго до воцарения Петра I, осознавалась необходимость просвещения всех слоев населения и улучшения благосостояния страны. Лишь 28 января (8 февраля по новому стилю) 1724 г. издается именной указ о создании первого научного учреждения России — Академии наук. Со временем в названную дату стал праздноваться День российской науки.

Пронизывая все сферы общественной жизни, результаты научных исследований оказывают стимулирующее воздействие как на технический прогресс, так и на всестороннее и целостное развитие человека. От достижений науки в решающей степени зависят рост экономики, технологический суверенитет и безопасность страны.

Отечественная наука по праву занимает лидирующие позиции в мире. Волгоградская академия МВД России не стала исключением. В академии функционируют научно-исследовательские и опытно-экспериментальные лаборатории, отвечающие требованиям к ведомственной науке. Благодаря слаженной работе коллектива профессиональных, талантливых людей в вузе были созданы важные для практики научные исследования и прикладные разработки, принесшие академии заслуженную славу и непререкаемый авторитет среди образовательных учреждений юридического профиля России и зарубежья.

По своему научному потенциалу Волгоградская академия занимает одно из ведущих мест в системе вузов МВД России. За успехи в научно-исследовательской деятельности, личную инициативу и добросовестное выполнение служебных обязанностей в 2023 г. поощрены правами различных министерств и ведомств 111 сотрудников академии и 95 курсантов и слушателей. Мы гордимся тем, что ученые нашего вуза внесли весомый вклад в отечественную науку и, не останавливаясь на достигнутом, продолжают славные традиции своих предшественников по многим направлениям.

Еще одним знаковым для России событием в наступившем 2024 г. станет 160-летие

со дня утверждения Александром II Устава уголовного судопроизводства (20 ноября 1864 г., по новому стилю — 2 декабря), базового акта судебной реформы, создавшей одну из самых эффективных правовых систем в мире. Переход от канцелярской тайны к гласному и устному судопроизводству был поддержан многими российскими правоведами, и особенно процессуалистами.

В наши дни уголовно-процессуальное право, являясь одной из самых развивающихся отраслей права, чутко реагирует на происходящие в мире изменения, связанные с «формированием многополярного мироустройства и справедливой модели глобальной финансовой и торговой системы»¹, созданием «правовой среды для развития отраслей и рынков будущего...»², правовой среды, способствующей

¹ Обращение Владимира Путина в связи с началом председательства России в БРИКС. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73202> (дата обращения: 04.03.2024).

² Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 04.03.2024).

щей эффективной и комфортной работе отечественного бизнеса в российской юрисдикции, совершенствованием цифровых технологий, модернизацией общественных отношений.

Стремительное развитие российского общества обусловило появление свыше 250 редакций Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В связи с изложенным представляется аксиоматичным следующее высказывание профессора А. В. Смирнова: «...нельзя отрицать очевидного: после войн и революций именно уголовный процесс занимает „почетное третье место“ среди самых острых орудий политической борьбы, и даже величайшая в мире история, рассказанная в Новом Завете, — это с внешней, земной стороны лишь репортаж о необычном судебном деле. Тем существенней эволюция, которой на протяжении многих веков подверглась процедура уголовного разбирательства, постепенно превращавшаяся из судебного варварства в публичный дискурс и меру индивидуальной справедливости»³.

Значение научных школ в современной мировой и российской науке переоценить невозможно. Данная форма организации научной деятельности и трансляции научных знаний была и всегда будет востребована в любой сфере исследования, поскольку, способствуя передаче навыков и методов исследовательской работы, а также подготовке научных кадров, эффективно воздействует на научно-технический прогресс и развитие науки в целом.

В период с 2011 по 2012 г. доктором юридических наук, профессором Е. А. Зайцевой и доктором юридических наук, профессором Г. А. Печниковым были заложены основы ныне действующей на базе Волгоградской академии МВД России научной школы «Проблемы доказывания и использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве».

В настоящее время в работе научной школы активное участие принимают доктор юридических наук, профессор М. Т. Аширбекова

(исследующая вопросы реализации принципов в уголовном судопроизводстве; апелляционного производства и др.), доктор юридических наук, профессор Е. А. Зайцева (исследующая вопросы совершенствования теоретических основ учения о сведущих лицах; использования в доказывании различных форм специальных познаний и др.), доктор юридических наук, доцент М. С. Колосович (исследующая вопросы процессуальной регламентации и практики реализации средств обеспечения гласности, транспарентности и тайны в уголовном судопроизводстве; производства негласных следственных действий и использования их результатов в качестве доказательств и др.) и доктор юридических наук, профессор Г. А. Печников (исследующий диалектические проблемы истины в уголовном процессе). В общей сложности названными учеными было опубликовано свыше 800 работ, а под их научным руководством защитилось 22 кандидата юридических наук.

Отечественная наука богата многообразием уголовно-процессуальных школ, деятельность которых приумножает авторитет и значимость рассматриваемой отрасли права, способствует эффективности уголовного судопроизводства, сохраняя при этом унифицированность научных школ и эксклюзивность полученных результатов. Опасность отрыва названных школ друг от друга и вместе с тем необходимость их взаимодействия на благо науки обусловили создание специального выпуска журнала, посвященного рассмотрению исключительно проблем уголовно-процессуального права.

В настоящем выпуске журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России», приуроченном к празднованию Дня российской науки и годовщины утверждения Устава уголовного судопроизводства, мы предложили читателю статьи ведущих специалистов-процессуалистов страны, представляющих научные школы образовательных организаций юридического профиля, в которых авторы представили свое видение вектора развития теории уголовно-процессуального права и соответствующей правоприменительной практики России.

³ Смирнов А. В. Состязательный процесс. СПб.: Альфа, 2001. 320 с. URL: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/smirnov-sp/zakl.htm> (дата обращения: 22.02.2024).

Уверен, что журнал оправдывает оказанное читателями доверие, оставшись таким же популярным и востребованным среди правоприменителей, профессорско-преподаватель-

ского состава образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов.

*Начальник Волгоградской академии МВД России
кандидат экономических наук, доцент
генерал-майор полиции
Роман Васильевич Павленков
volakdm@va-mvd.ru*

УДК 343.13
doi: 10.25724/VAMVD.A210

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ОТКАЗ
ОТ «ОБЩЕЦИВИЛИЗАЦИОННОГО МИРОВОГО ТРЕНДА»
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ГИБЕЛЕН ДЛЯ РОССИИ?**

Владимир Александрович Азаров

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, kafprokrim@mail.ru

Аннотация. В статье проводится ретроспективный анализ становления и развития отечественного уголовного судопроизводства и законодательства, регулирующего деятельность органов уголовной юстиции России. Выявлены искусственно созданные политиками условия и причины, деструктивно влияющие на совершенствование уголовно-процессуальных средств сдерживания преступности. Показаны ошибки и заблуждения российского законодателя, приведшие к насыщению текста Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации чуждой России идеологией, а также конструкциями, диссонирующими с инфраструктурой уголовного производства, формировавшегося в стране исторически, с учетом геополитических, социальных, национальных, духовных факторов. Обоснованы выводы о вредности для уголовного процесса России англо-саксонских «прививок» в виде отдельных институтов и норм, способных — при дальнейшем расширении их количества — понизить эффективность деятельности властных субъектов нашего уголовного судопроизводства. Доказана целесообразность поэтапного, эволюционного реформирования уголовного процесса страны с сохранением отечественных институтов, с учетом доктринальных наработок российских процессуалистов, на основе преемственности развития всей системы уголовной юстиции.

Проиллюстрирована неприемлемость для России, в силу резкого диссонанса с ее национальными интересами, реформирования уголовного судопроизводства в русле эфемерного, выдуманного «за океаном» «общецивилизационного мирового тренда».

Ключевые слова: уголовный процесс, исторические традиции, менталитет нации, реформа судопроизводства, объективная истина

Для цитирования: Азаров В. А. Действительно ли отказ от «общецивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губелен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 11—19. doi: 10.25724/VAMVD.A210

**DOES THE ABANDONMENT
OF THE "GLOBAL INTERNATIONAL TREND"
IN CRIMINAL JUSTICE ACTUALLY HARM RUSSIA?**

Vladimir Alexandrovich Azarov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, kafprokrim@mail.ru

Abstract. The article conducts a retrospective analysis of Russian criminal justice system and criminal justice authorities legislation emergence and development. The paper reveals artificially designed by politicians conditions and reasons impeding the enhancement of crime deterrence procedural means. It also demonstrates a Russian legislator's mistakes and misconceptions that led to imbuing the content of Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with ideas extraneous to the country as well as entities inconsistent with historically evolving Russian criminal justice framework which took into account geopolitical, social, national and spiritual peculiarities. The article forms the conclusions about the harm of some artificially instilled into Russian criminal justice system English norms and institutions if increased in number capable of deterring the efficiency of local authorities procedural activity. The work proves feasibility of gradually evolving reforms for Russia's criminal justice

system with retention of the country's institutions, taking into account doctrinal works of Russian proceduralists and based on the succession of the whole criminal justice system development. The paper also demonstrates the inappropriateness of Russia's criminal procedure reforms being consistent with phony, brought from over the seas "global international trend" due to its inability to comply with the country's national interests.

Keywords: criminal procedure, historical habits and traditions, national mentality, criminal procedure reforms, objective truth

For citation: Azarov V. A. Does the abandonment of the "global international trend" in criminal justice actually harm Russia? Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 11—19, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A210

Поводом к постановке вынесенной в название настоящей статьи проблемы послужила конкретная ситуация, которая возникла 23 июня 2023 г. на заседании диссертационного совета, работающего на базе юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, при защите кандидатской диссертации П. О. Герцен [1].

В частности, сославшись на мнение профессора Н. А. Колоколова, данную идею утвердительно озвучил официальный оппонент П. О. Герцен профессор А. А. Тарасов.

В рамках состоявшейся дискуссии автор данной статьи, положительно оценив диссертацию П. О. Герцен в качестве неофициального оппонента, не может согласиться с утверждением А. А. Тарасова, так как *возвращение в лоно отечественных доктринальных и законодательных канонов («трендов») благотворно для российского уголовного судопроизводства.*

В обосновании правильности именно нашей позиции и состоит смысл этой публикации.

Начнем с того, что современное состояние уголовного судопроизводства России, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), как часто говорят и пишут специалисты, представляет собой «поскутное одеяло», состоящее из разноплановых сегментов, не всегда вписывающихся в единую концепцию. Да и сам факт наличия последней отнюдь не бесспорен. За 20 лет существования УПК РФ его текст претерпел многие сотни изменений и дополнений.

Кодекс содержит большое количество недостаточно проработанных, противоречивых, диссонирующих друг с другом норм, что, естественно, негативно сказывается на их применении, продуцируя следственные и судебные ошибки. Не всегда логичные и последовательные решения законодателя дают пищу для размышлений судьям Конституционного Суда Российской Федерации, принявшего множество постановлений о несоответствии Основному Закону страны отдельных предписаний

УПК РФ. В этих условиях большие затруднения испытывает судебная и следственная практика, что, в свою очередь, отрицательно влияет на выполнение государственных задач в сфере деятельности органов уголовной юстиции.

Вместе с тем наиболее широкий, общий взгляд на содержание УПК РФ позволяет заключить, что чаще всего вызывают вопросы, сомнения и критику специалистов именно законоположения, составляющие методологические основы уголовно-процессуальной деятельности. Это главы и разделы кодекса, посвященные уголовно-процессуальному законодательству, задачам, принципам производства по уголовным делам, его участникам, доказательствам и доказыванию, мерам уголовно-процессуального принуждения, особому порядку рассмотрения уголовных дел и т. д.

На отдельных из перечисленных «болевых точек» мы остановимся в дальнейшем, но сначала попытаемся определить и проанализировать истоки дисгармонии в уголовном процессе России. Представляется, что первопричиной вышеперечисленных проблем и трудностей, испытываемых уголовным процессом России, является принятая 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР Концепция судебной реформы в Российской Федерации [2].

Оценивая содержание документа, во исполнение которого сконструированы и введены в действие все главные законы и кодексы России за последние 30 лет, надлежит учитывать и то «специфическое» обстоятельство, что упомянутая Концепция была представлена в парламент России ее президентом Б. Н. Ельциным.

Для объективного анализа содержания этого стратегического документа весьма полезно совершить экскурс в историю становления и развития отечественного уголовного процесса.

Так, в советский период российское уголовно-процессуальное законодательство развивалось в соответствии с устоявшимися канонами, закрепленными в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Эти каноны формировались исторически, под

влиянием особенностей континентальной системы права, уголовно-процессуальный сегмент которой выстраивался в том числе на основе Кодекса Наполеона; определенные его идеи впитал в себя в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства Российской Империи, а вслед за ним — УПК России 1922, 1923 и 1960 гг.

Такая преемственность, в первую очередь касающаяся инфраструктуры уголовного процесса и его доктринальных основ, позволяла сохранить эффективно работающие институты, одновременно совершенствуя их с учетом выявленных практикой недостатков и пробелов.

Обсуждаемая же Концепция судебной реформы предложила *кардинальную смену парадигмы развития системы уголовной юстиции*, совершив попытку (к счастью, негодную) ее разворота в сторону англо-саксонских аналогов. К тому же, в обсуждаемой программе реформирования уголовного процесса сознательно были заложены факторы, деструктивно влияющие на стратегию развития уголовно-процессуального законодательства страны [3]. К ним относятся диаметрально противоположная замена уголовно-процессуальной идеологии [2, с. 18—19], официальный отказ от идеи эволюционных, поэтапных изменений системы средств и способов сдерживания преступности [2, с. 17], внедрение в сознание правоприменителя лукавых (а порой провокационных) тезисов о том, что правосудие должно быть выразителем «интересов права» [2, с. 11], а государство в СССР якобы «являлось враждебной силой по отношению к гражданскому обществу и личности», юстиция же в стране была и вовсе «антигуманна» [2, с. 26].

В данном документе, одобренном парламентом России, имеется самостоятельный раздел, озаглавленный «Идеологизация юстиции», в котором безапелляционно формулируется вывод о необходимости деполитизации и деидеологизации юстиции, и в первую очередь ее уголовной составляющей. Вместе с тем в качестве непреложного авторами подается крайне сомнительное суждение о том, что юстиция в правовом государстве является самостоятельной силой, *выражающей интересы права* [2, с. 18—19]. Данное утверждение не что иное, как прямая подмена тезиса. Уголовная юстиция не может быть вне политики, она по определению не способна «выражать интересы права», поскольку само право всегда является средством выражения и защиты чьих-то интересов. Уголовно-процессуальное право, с нашей точки зрения, призвано защищать в сфере (и — посредством!) деятельности органов уголовной юстиции интересы личности,

общества и государства. Именно такой аксиологический ряд выстроен в Конституции Российской Федерации, провозгласившей в ст. 2 права и свободы человека высшей ценностью [3, с. 50].

Под прикрытием же лозунга о «деполитизации» уголовной юстиции авторы рассчитывали провести, по сути, *именно политическое решение* — о замене исторически сложившегося в России континентального уголовного процесса на, как они полагали, «более цивилизационный» состязательный, свойственный, по их мнению, «прогрессивным странам с правовым и демократическим режимом».

Таким образом, определенные политические силы прозападной ориентации попытались нас «затащить» в русло «мирового общецивилизационного тренда» (см. название статьи), фактически навязав уголовному судопроизводству в высшей степени сомнительный тезис о необходимости деидеологизации системы уголовной юстиции и соответствующего федерального законодательства. Однако авторы Концепции судебной реформы в Российской Федерации здесь «опередили» даже разработчиков Конституции Российской Федерации, которые лишь спустя два года в ст. 13 Основного Закона провозгласили так называемое «идеологическое многообразие» и ввели прямой запрет наличия государственной идеологии.

Совершенно неслучайно в связи с этим мы берем в кавычки ставшую модной категорией «общецивилизационного мирового тренда». Это химера. Такого явления в действительности не существует, поскольку оно придумано на паритетных началах Европейскими и заокеанскими политиками-глобалистами для распространения на всю планету, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Кстати, доминируют в этом «тандеме» представители англосаксонского «отряда» стран, сумевшие навязать своим партнерам (в первую очередь в Европе) весьма «своеобразную» систему ценностей, внедрив ее в том числе в уголовное судопроизводство. Общеизвестны плачевные результаты попыток (в этом контексте) реформ уголовного судопроизводства Италии, Франции, Испании, других европейских стран, приведших к резкому всплеску преступности и вынудивших их политическое руководство путем контрреформ вернуться к своим национальным приоритетам в области борьбы с преступностью.

На этом фоне нам не кажутся убедительными призывы не отказываться в сфере уголовного процесса от «общецивилизационного мирового тренда». Особенно неосновательными такие суждения являются именно сегодня, когда официальные

представители стран, сочинивших эту несбыточную и вредную идею («общецивилизационный мировой тренд») и пытающихся свои фантазии силой навязать всем национальным государствам, прямо объявили (и активно реализовывают свои намерения) о цели уничтожения более чем тысячелетней российской цивилизации.

Разработчики Концепции судебной реформы в Российской Федерации, развенчав прежнюю идеологию, исказившую, по их мнению, природу и цели юстиции, объявили программу деидеологизации уголовно-процессуального законодательства [2, с. 18—19]. Однако данные оценки и суждения являются не более чем «словесным камуфляжем», под прикрытием которого разработчики действующего УПК РФ создали значительно более идеологизированный аналог УПК РСФСР, причем в фундамент современного кодекса положена идеология либерального толка, чуждая российскому обществу и его менталитету [4]. Эта идеология, отторгаемая абсолютным большинством населения страны, защищая интересы крайне небольшой группы людей, многократно продемонстрировала свою вредность в экономике и социальной жизни, но именно ей отдано предпочтение при создании концептуальных основ УПК РФ. Здесь категорически возразим профессору В. А. Бублику, отметившему в предисловии к превосходной монографии А. А. Давлетова и Н. В. Азаренка, что якобы УПК РФ принят в то время, «когда в государстве и общественном сознании доминировали идеи реформирования советской правовой системы по западным образцам» [5, с. 3]. Эти «идеи» действительно доминировали, но — в сознании представителей так называемой элиты, включая ее юридический сегмент. Абсолютное же большинство на том этапе (к началу нулевых годов) составляли здравомыслящие юристы, которые вместе с населением страны уже разочаровались в навязанных извне «ценностях», но создание УПК РФ руководством государства было поручено сторонникам прозападного вектора развития системы уголовной юстиции в целях дальнейшего утверждения (вопреки общенациональным интересам) в русле «общецивилизационного мирового тренда» [6, с. 11—13].

Таким образом, вместо объявленной деидеологизации сферы уголовной юстиции и соответствующего законодательства с принятием УПК РФ произошла «тихая», но откровенная и циничная замена идеологии. Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности, с ней, по мнению апологетов

«новой идеологии», должны бороться спецслужбы, а задача борьбы с преступностью для уголовного судопроизводства объявлена вульгарной идеей. Взамен УПК РФ предложил совершенно размытые, аморфные задачи, дезориентирующие органы, ведущие уголовный процесс. Мы, конечно же, не считаем, что с преступностью должен бороться суд, но вряд ли правильно отстранять от этой деятельности органы, осуществляющие уголовное преследование, избличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. К примеру, одной из традиционных задач органов предварительного расследования по борьбе с преступностью является быстрое и полное раскрытие преступлений (см. ст. 2 УПК РСФСР), что, однако, сегодня, согласно УПК РФ, не вменяется им в обязанность [7, с. 4—5]. Исчезли из перечня общих задач уголовного судопроизводства (так же, как и упомянутая) *реально выполняемые властными субъектами уголовного процесса задачи укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений, воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения законов*. Об этом красноречиво свидетельствует простое сравнение текста ст. 6 УПК РФ, содержащей перечень соответствующих задач, но имеющей странное название — «Назначение уголовного судопроизводства», с ее аналогом — ст. 2 УПК РСФСР, разумно названной «Задачи уголовного судопроизводства».

Н. В. Азаренок весьма убедительно показал в своих работах ничтожность и заведомую вредность предложенного концепцией судебной реформы «революционного» *способа осуществления предполагавшихся (а затем и реализованных) реформ уголовного процесса* [8; 9].

Действительно, смешанная модель уголовного судопроизводства континентального типа оформилась в России во второй половине XIX в., не претерпела принципиальных изменений в советский период и сохранилась до настоящего времени, несмотря на попытки кардинального реформирования в состязательную англосаксонскую модель. Такая стабильность правовой организации уголовно-процессуальной деятельности свидетельствует о бесперспективности ее коренной ломки по причине невозможности изменить ментальные основы российской нации. Этот вывод имеет важное методологическое значение, поскольку *обуславливает эволюционный путь совершенствования уголовного производства в рамках исторически сложившейся и подтвердившей свою жизнеспособность процессуальной формы*. В основе же стабильности функционирования конкретного типа уголовного

производства лежит национальный код того или иного народа в виде исторически сложившегося и объективно существующего менталитета нации, качественное изменение которого возможно лишь при коренной ломке таких базовых характеристик жизнедеятельности народонаселения, как мировоззрение, религия, мораль, традиции, историческая память и т. д. [10, с. 99]

Прямым подтверждением правильности приведенных оценок являются конкретные инициативы и действия Президента Российской Федерации В. В. Путина, приведшие к укреплению на Конституционном уровне системы вышеперечисленных традиционных российских ценностей, цементирующих социальные (а также идеологические!) основы российского общества и государства¹. Очевидно, что именно против данной тенденции и направлен «общецивилизационный мировой тренд» в том числе в сфере деятельности органов уголовной юстиции.

Какие же еще «новации», диссонирующие с исторически сложившимся типом нашего уголовного процесса, искусственно привнесены реформой в УПК РФ?

Совершенно незаслуженно в тексте УПК РФ «заретуширована» объективная истина, традиционно считавшаяся и сегодня фактически являющаяся целью уголовно-процессуального доказывания. Одновременно из системы принципов (в угоду формальной истине, служащей основой итогового решения в англосаксонском уголовном процессе) уголовного судопроизводства удалено предписание о необходимости всестороннего, объективного и полного установления и исследования всех обстоятельств дела в совокупности (ст. 20 УПК РСФСР). Эти решения — прямая дань новой уголовно-процессуальной идеологии, навязанной УПК РФ «реформаторами», действовавшими в русле «общецивилизационного мирового тренда».

В то же время объективная истина как цель уголовно-процессуального доказывания отражает особенности российского национального менталитета, исторически отвечает представлениям народонаселения о правде и справедливости. Поэтому изменения в характере истины теоретически воз-

можны исключительно в результате эволюционных преобразований ментальных основ общества. Любая «силовая» попытка исключения объективной истины из отечественного уголовного процесса обречена на неудачу, поскольку факторы, ее обуславливающие, расположены за пределами уголовно-процессуальной деятельности.

Вместе с тем «на протяжении всей истории становления и развития российского уголовного производства *объективная истина выполняет системообразующую роль главного фактора формирования национальной модели уголовного процесса* (курсив наш. — В. А.). Объективная истина: а) детерминирует двухэтапное построение уголовного процесса с разделением досудебного и судебного производств; б) обуславливает в досудебных стадиях определенное преимущество публичного интереса перед частным, необходимое для эффективного раскрытия и расследования преступлений; в) приобретает в судебном производстве в условиях равноправного состязания сторон обвинения и защиты *при активной роли суда* (курсив наш. — В. А.) наиболее полные возможности реализации» [4, с. 107].

Более 10 лет назад на страницах серьезного периодического издания «Библиотека криминалиста. Научный журнал» (2012, № 4) его главный редактор профессор А. Г. Волеводз начал дискуссию, поводом для которой послужил подготовленный Следственным Комитетом Российской Федерации законопроект о введении в современный уголовный процесс России института установления объективной истины по уголовному делу. В дискуссии участвовали 30 процессуалистов, половину из которых составляли, по оценке А. Г. Волеводза, «известнейшие отечественные ученые» в ранге докторов наук, профессоров, а вторую половину — «молодые исследователи» — кандидаты наук, доценты. Положительно оценив предлагаемый законопроект и утвердительно ответив на вопрос, вынесенный в название своей статьи («Действительно ли объективная истина — цель доказывания в уголовном судопроизводстве?») [11], мы взяли на себя труд «арифметически» оценить результаты этой дискуссии. В итоге выяснилось, что 20 ее участников положительно восприняли предложение о введении в УПК РФ института установления объективной истины, остальные 10 были против ее реализации законодателем. Любопытно, что при этом абсолютное большинство «маститых ученых», опираясь на российский исторический опыт и наши доктринальные каноны, *высказались за идею* Следственного Комитета Российской Федерации. Характерным

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <https://www.kremlin.ru/akts/bank/48502> (дата обращения: 05.12.2023).

в данном контексте является высказывание профессора Л. В. Головки, поучаствовавшего в обсуждении представлением самой обстоятельной статьи, с нашей точки зрения, украсившей дискуссию. Концепция материальной (объективной) истины, по мнению Л. В. Головки, «соответствует континентальной парадигме развития российского уголовного процесса. Учение о материальной истине нуждается в модернизации, необходимой для возвращения российскому уголовному процессу институциональной логики одного из ярких представителей континентальной правовой семьи. Но любая модернизация будет удачной только в том случае, *если нам удастся избавиться от бесплодных споров, мифов и доктринальных химер* (курсив наш. — В. А.), коих в советский и особенно в постсоветский периоды появилось предостаточно. *В этом смысле отрадно, что англо-американские уголовно-процессуальные иллюзии постепенно рассеиваются, и чем раньше мы будем полностью от них избавлены, тем лучше для российского уголовного процесса* (курсив наш. — В. А.)» [12, с. 86].

Многие противники реализации проекта Следственного комитета Российской Федерации настаивали на устранении суда из числа субъектов, заинтересованных в установлении объективной истины по уголовному делу. Мы не разделяем этих суждений. Суд должен сохранять беспристрастность при рассмотрении уголовного дела и вынесении итогового решения, что отнюдь не освобождает его от обязанности *адекватно установить и описать в обвинительном приговоре действительные обстоятельства преступного деяния* и подтверждающие их доказательства. Это элементарные требования к обвинительному приговору (ст. 307 УПК РФ).

Судебные же ошибки являются негативным результатом «ущербного» познания реальных обстоятельств произошедшего криминального события. Именно поэтому существует прямая взаимосвязанность правосудного решения и факта установления истины по уголовному делу, недостижение которой чаще всего продуцирует судебную ошибку. Таким образом, основой и главным катализатором вынесения справедливого судебного акта является достижение объективной истины [13, с. 3].

В УПК РФ имеются и другие «новации», которые диссонируют с российскими уголовно-процессуальными традициями, сложившимися исторически и отражающими природу и типологию отечественного уголовного судопроизводства [14]. Полагаем, что их появление в тексте кодекса является следствием усилий сторонников продвижения уголовного

процесса России в направлении «общецивилизационного мирового тренда».

Действующая Конституция Российской Федерации — пожалуй, самая «уголовно-процессуальная» Конституция за всю историю нашего Отечества. В ней необычайно широко представлены нормы, предназначение которых — регулировать отношения, возникающие при производстве по уголовным делам. Этот факт может быть оценен исключительно положительно, тем более что подавляющее большинство предписаний Основного Закона имеет охранительный характер, поскольку они направлены на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Это ст. 22, 23, 24, 25, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52 и др. Можно приветствовать и появление в ст. 50 Конституции Российской Федерации предписания о том, что «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». После его появления были внесены дополнения в УПК РСФСР, касающиеся правил признания недопустимыми и исключения из разбирательства дела в суде присяжных доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 433, 435 УПК РСФСР).

Эти новеллы положительно повлияли на судебную, а особенно на следственную практику, поскольку органы предварительного расследования стали гораздо строже подходить к соблюдению процедуры и порядка осуществления следственных и процессуальных действий, направленных на обретение доказательств.

С принятием УПК РФ данное правило было распространено на все без исключения уголовные дела, и в тексте кодекса появилась самостоятельная ст. 75 «Недопустимые доказательства». Открывается она предписанием в безупречной редакции: «Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми», а значит, они не имеют юридической силы и не могут использоваться в процессе. Но далее в статье дан перечень недопустимых с точки зрения законодателя доказательств. К этому перечню есть серьезные вопросы. В него включены «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, *включая случаи отказа от защитника, и неподтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде* (курсив наш. — В. А.)». Но — с какой стати?.. Представим ситуацию: подозреваемый отказался от защитника и дал чистосердечные изобличающие показания. Наш многолетний опыт работы следователем подтверждает

данную вероятность. Отказ подозреваемого от защитника задокументирован, его мотивами, кстати, могут быть наличие юридического образования, ученой степени, опыта работы адвокатом, следователем и т. д. В суде такой персонаж отказывается от данных им на стадии предварительного расследования показаний (чаще всего самоизобличающих). И — что?.. Судья обязан признать недопустимыми и отвергнуть показания, данные на предварительном расследовании, по тем *формальным основаниям*, что указаны в ст. 75 УПК РФ? А если эти чистосердечные показания «железно» подтверждаются всеми другими доказательствами, собранными при расследовании дела и проверенными «на прочность» в судебном следствии? И самое главное: как быть с *принципом свободной оценки доказательств и внутренним убеждением судьи*, вынужденного отвергнуть по формальным основаниям относимое, допустимое и достоверное доказательство?.. То есть законодатель здесь «опустился» до средневековой идеи, воплощенной в системе формальных доказательств, заранее установив ничтожность конкретного, в данном случае скорее всего обвинительного, доказательства.

Мы оцениваем эту ситуацию как «реверанс» законодателя сторонникам параллельного адвокатского расследования, института, свойственного уголовно-процессуальным системам стран, придумавших «общецивилизационный мировой тренд».

С изложенных позиций вызывают большие сомнения дополнения, внесенные в ст. 75 УПК РФ

в 2017 и 2019 гг. и касающиеся доказательств, «добытых» законным способом из производства адвоката и полученных по материалам и уголовным делам о налоговых преступлениях (пп. 2.1, 2.2, 2.3).

Подводя итоги, отметим, что российский законодатель в погоне за мифологическими «либеральными ценностями», стержневыми для стран, сочинивших «общецивилизационный мировой тренд», реформируя уголовное судопроизводство, часто некритически заимствовал и механически внедрял в отечественный уголовный процесс классические английские, американские институты, что, диссонировав с континентальными конструкциями, резко негативно сказывалось на эффективности работы системы уголовной юстиции [15, с. 103—104]. Поэтому нам необходимо, с учетом российского опыта и допущенных ошибок и заблуждений, нашей принадлежности к континентальной правовой семье, бережно сохраняя самобытные уголовно-процессуальные конструкции, *эволюционным путем* совершенствовать законодательство и практику деятельности органов уголовной юстиции.

На поставленный же в названии статьи вопрос ответим, что отказ от мифологического «общецивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве *благоприятен* для России, поскольку поможет освободиться от той «правовой шелухи», которую с подачи разработчиков Концепции судебной реформы в Российской Федерации «насыпал» в УПК РФ наш законодатель.

1. Герцен П. О. Реализация права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства: обеспечение баланса частных и публичных интересов: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2023. 243 с.

2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. Москва, 1992. 111 с.

3. Азаров В. А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального законодательства России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 49—59.

4. Барабаш Ал. С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 203 с.

5. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного

1. Herzen P. O. The exercise of the right to appeal and review interlocutories, made during the pre-trial procedure: ensuring personal and public interest balance. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Tomsk; 2023: 243. (In Russ.).

2. The concept of criminal procedure reform in the Russian Federation. Moscow: Republic; 1992: 111. (In Russ.).

3. Azarov V. A. Destructive factors of the criminal procedure legislation development strategy in Russia. Tomsk State University Journal of Law, 49—59, 2019. (In Russ.).

4. Barabash Al. S. The nature of local criminal procedure from the point of view of Russian national mentality. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2012: 203. (In Russ.).

5. Davletov A. A., Azarenok N. V. Criminal procedure in Russia: historical background, current state, development perspectives. Monograph.

развития: монография. Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. ун-т, 2023. 504 с.

6. Азаров В. А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 5—20.

7. Азаров В. А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 4—8.

8. Азаренко Н. В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы: монография. Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. ун-т, 2021. 719 с.

9. Азаренко Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2021. 547 с.

10. Азаров В. А. [Рецензия] // Законы России. 2021. № 10. С. 98—103. Рец. на: Азаренко Н. В. Эволюция отечественного уголовного процесса как производства континентальной формы: монография. Екатеринбург: УрГЮУ, 2021. 719 с.

11. Азаров В. А. Действительно ли объективная истина — цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 7—10.

12. Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 65—87.

13. Азаров В. А., Беккер Т. А. Установление истины как основа предотвращения судебных ошибок в уголовном судопроизводстве: монография. Москва, Юрлитинформ, 2019. 208 с.

14. Азаров В. А. Все ли «новации» вписываются в российские уголовно-процессуальные традиции? // Университетские правовые диалоги: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, Заслуженного деятеля высшей школы Юрия Даниловича Лившица (29—30 марта 2019 г.) / под ред. С. М. Даровских, Г. С. Русман. Челябинск: Изд. центр Южно-Уральск. гос. ун-та, 2019, С. 9—16.

15. Азаров В. А. Либерализация антикриминального законодательства и защита общечеловеческих ценностей в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 1 (30). С. 103—109.

Yekaterinburg: Ural State Law University; 2023: 504. (In Russ.).

6. Azarov V. A. Justice as the basis of legal and judicial equality in Russia's criminal procedure. Tomsk State University Journal of Law, 5—20, 2022. (In Russ.).

7. Azarov V. A. Criminal procedural ideology and eponymous phraseology. Journal of Orenburg State University, 4—8, 2006. (In Russ.).

8. Azarenok N. V. National criminal procedure development being continentally shaped. Monograph. Yekaterinburg: Ural State Law University; 2021: 719. (In Russ.).

9. Azarenok N. V. The concept of Russian criminal procedure enhancement from the point of view of its historical shape. Dissertation of a doctor of juridical sciences. Omsk; 2021: 547. (In Russ.).

10. Azarov V. A. A review on the monograph by Azarenok N. B. National criminal procedure development being continentally shaped. Russian laws, 98—103, 2021. (In Russ.).

11. Azarov V. A. Is it actually objective truth being the purpose of proving in criminal procedure? Criminalist's Library Scientific Journal, 7—10, 2012. (In Russ.).

12. Golovko L. V. Theoretical background to improve the theory of material truth in criminal procedure. Criminalist's Library Scientific Journal, 65—87, 2012. (In Russ.).

13. Azarov V. A., Bekker T. A. Establishing the truth as a basis for judicial error prevention in criminal procedure. Monograph. Moscow: YurLitinform; 2019: 208. (In Russ.).

14. Azarov V. A. Do all the "improvements" match Russian criminal procedure traditions? In: University Legal Debates. Materials of International scientific practical conference, devoted to the 90th anniversary of professor, doctor of juridical sciences, honoured worker of higher education Yuri Danilovich Lyvshitz, 29—30 March 2019. Ed. by S. M. Darovskikh, G. S. Rusman. Chelyabinsk: Central South-Ural State University Publishing; 2019: 9—162. (In Russ.).

15. Azarov V. A. Anticriminal legislation liberalization and universal human values protection. Omsk University Journal. "Law" Series, 103—109, 2012. (In Russ.).

Азаров Владимир Александрович,
заведующий кафедрой уголовного процесса
и криминалистики
Омского государственного университета
имени Ф. М. Достоевского,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации;
kafprokrim@mail.ru

Azarov Vladimir Alexandrovich,
head of the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Dostoevsky Omsk State University,
doctor of juridical sciences, professor,
honoured lawyer of the Russian Federation;
kafprokrim@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 17.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.123

doi: 10.25724/VAMVD.A211

**О КАТЕГОРИИ «ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ»
ПРИМЕНИТЕЛЬНО К НЕКОТОРЫМ ОСНОВАНИЯМ
ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Мадина Таукеновна Аширбекова

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС,

Волгоградская академия МВД России,

Волгоградский государственный университет,

Саратовская государственная юридическая академия

Волгоград, Россия

madina.55@mail.ru

Аннотация. Основания для прекращения уголовного дела (уголовного преследования), как, собственно, и для отказа в возбуждении уголовного дела, имеют разную отраслевую природу. Одни из них материально-правовые, другие носят процессуальный характер. Законодатель в современном регулировании таких оснований в нормах Общей части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ст. 24 и 27) отказался от их определения как обстоятельств, исключающих производство по делу. Между тем по ранее действовавшему кодифицированному закону подобные основания именно так и назывались — «обстоятельства, исключающие производство по делу» (ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Иначе говоря, выявлялась их природа как средств в правовом регулировании, но вне связи с отраслевой принадлежностью. В нормах Особенной части Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации полностью избежать оперирования этой категорией не удалось: в положениях ч. 4 ст. 448 указанного кодекса данная категория упоминается для характеристики сущности отказа в даче согласия Совета Федерации или Государственной Думы на уголовное преследование сенатора Российской Федерации и депутата Государственной Думы. А именно прямо указывается, что отказ в даче согласия на лишение неприкосновенности названных лиц «является обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу». В настоящей статье обосновывается, что применение категории «обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу» в целях ч. 4 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации неоправданно, поскольку такой отказ не обусловлен доказыванием наличия или отсутствия обстоятельств, которые при обычном ходе производства по делу составляли бы существо обвинения. В связи с этим предлагается «отказ в даче согласия на лишение неприкосновенности» рассматривать как категорию «юридическое препятствие», учение о которой активно разрабатывается в общей теории права. В статье дается градация оснований прекращения уголовного дела по признаку отнесения последних соответственно к категориям «обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу» и «юридическое препятствие».

Ключевые слова: прекращение уголовного дела; основания; юридическое препятствие; согласие на прекращение уголовного дела; заключение суда; обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу

Для цитирования: Аширбекова М. Т. О категории «юридическое препятствие» применительно к некоторым основаниям прекращения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 20—28. doi: 10.25724/VAMVD.A211

**ON THE "LEGAL OBSTACLE" CATEGORY
RELATED TO CERTAIN GROUNDS
TO TERMINATE THE CRIMINAL CASE*****Madina Taukenovna Ashirbekova***

Volgograd Institute of Management — a branch
of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Volgograd State University, Saratov State Law Academy
Volgograd, Russia, madina.55@mail.ru

Abstract. The grounds to terminate a criminal case (criminal prosecution) as well as to refuse to initiate a criminal case have a different branch nature. Some of them are substantive, while others are procedural in nature. In modern regulation of such grounds related to the norms of the General Part of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Articles 24, 27) the legislator refused to define them as circumstances excluding criminal proceedings. Meanwhile, according to the previously valid codified law such grounds were called exactly as "circumstances excluding the proceedings" (Article 5 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR). In other words, their nature was identified as tools in legal regulation, but without branch relation. In the norms of the Special Part of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, it is impossible to completely avoid this category operating: in the provisions of Part 4 of Art. 448 of the specified Code this category is mentioned to characterize the essence of the refusal to give consent for criminal prosecution of a senator of the Russian Federation and a deputy of the State Duma to the Federation Council or the State Duma. It is explicitly stated the refusal to give consent to deprive immunity of these persons "is a circumstance excluding criminal proceedings". This article substantiates that the use of the category "circumstance excluding criminal proceedings" for the purposes of Part 4 of Article 448 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is unjustified, since such a refusal is not conditioned by proving the presence or absence of circumstances that would constitute the essence of the charge under normal course of the proceedings. In this regard, it is proposed to consider "refusal to give consent to deprive immunity" as a category of "legal obstacle", the doctrine of which is actively being developed in the general theory of law. The article provides a gradation of the grounds to terminate a criminal case based on their classification into categories of "circumstance excluding criminal proceedings" and "legal obstacle".

Keywords: termination of a criminal case; grounds; legal obstacle; consent to terminate a criminal case; court decision; circumstance excluding criminal proceedings

For citation: Ashirbekova M. T. On the "legal obstacle" category related to certain grounds to terminate the criminal case. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 20—28, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A211

Проблематика прекращения уголовного дела (уголовного преследования) во многом актуализировалась за счет ряда дополнений и изменений, внесенных за последнее время в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) в части, касающейся уточнения порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования)¹. В числе последних изменений стоит обратить

внимание на положения новой ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, введенной Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ. Суть этих последних по времени дополнений заключается в ограничении срока досудебного производства по уголовному делу, если оно подлежало прекращению в связи с истечением срока давности, но было продолжено в обычном порядке, поскольку обвиняемый (подозреваемый) не дал своего согласия для прекращения уголовного дела по указанному нереабилитирующему основанию. Из этих положений вытекает, что продолжительность досудебного производства в обычном порядке (понятно, что в целях реабилитации названных субъектов) отсчитывается с момента истечения срока давности для вмененного преступления и различается в зависимости от категории последнего.

¹ О внесении изменений в статьи 24 и 249 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 201-ФЗ // Российская газета. 2022. 1 июля; О внесении изменения в статью 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2023 г. № 81-ФЗ // Там же. 2023. 19 марта; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ // Там же. 2023. 18 июня.

Так, для преступления небольшой тяжести продолжительность составляет два месяца, средней тяжести — три месяца, тяжкого или особо тяжкого преступления — двенадцать месяцев. Примечательны указанные в законе последствия, которые возникают, если к истечению этих сроков уголовное дело не будет передано в суд или прекращено по иному основанию. В такой ситуации уголовное дело подлежит прекращению, но по реабилитирующему основанию — непричастности обвиняемого (подозреваемого) к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Такой подход законодателя понятен: не смог следователь доказать вину лица за весь предшествующий период и добавленное время по положениям новой ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ, значит следует прекращать уголовное преследование в связи с непричастностью лица к преступлению, фактически за недоказанностью вмененного ему ранее обвинения. Надо заметить, что новая ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ — результат законодательного оформления позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в его постановлении «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта „в“ части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» от 18 июля 2022 г. № 33-П¹. Понятно, что оно направлено на усиление гарантий обеспечения прав личности, на оберегание обвиняемого (подозреваемого) от состояния неопределенности в связи с затягиванием производства по уголовному делу и исходом последнего.

В то же время данное постановление Конституционного Суда Российской Федерации, а также и иные его правовые позиции² дают импульс к тео-

¹ Российская газета. 2022. 3 авг.

² См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 28-П // Российская газета. 2021. 23 июня; По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Новкунского: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 20-П // Там же. 2022. 3 июня; По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 24 и пункта 5 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. А. Школьник: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2023 г. № 36-П // Там же. 2023. 5 июля.

ретическому осмыслению природы оснований для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и процессуальных условий для их применения.

Как известно, в теории уголовного процесса основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) традиционно делятся на материально-правовые и процессуальные, реабилитирующие и нереабилитирующие. Вместе с тем установление почти всех материально-правовых и процессуальных оснований требует обращения ко всем обстоятельствам, которые могли бы составлять существо вмененного обвинения, поскольку от этого, например, зависит, возможно ли применение правила об истечении сроков давности, подпадает ли лицо с вмененным ему преступлением под действие акта об амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 24, п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Но есть и исключения: закон в отдельных случаях допускает отказ от уголовного преследования и без выводов субъекта, ведущего уголовный процесс, о доказанности всех обстоятельств преступления, которое подлежало вменению лицу.

Понимая, что все основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в рамках настоящей статьи рассмотреть сложно, ограничимся разбором лишь некоторых из них с точки зрения формирования вывода правоприменителя об их наличии или отсутствии. Так, вывод о наличии материально-правовых оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в виде отсутствия события преступления и состава преступления (пп. 1 и 2 ст. 24 УПК РФ) всегда основывается на результатах установления обстоятельств предмета доказывания по уголовному делу. Но есть материально-правовые и процессуальные основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), которые не требуют вхождения в исследование всех обстоятельств предмета доказывания: достаточно установить только те, что, собственно, служат основанием для прекращения уголовного преследования. Потому материально-правовые основания сами по себе ставят преграду для дальнейшего производства по уголовному делу. Из их числа можно назвать недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность (ч. 3 ст. 27 УПК РФ).

К процессуальным основаниям, не требующим доказывания всех обстоятельств существования обвинения, относится, например, наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотменного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

Несмотря на то что приведенные для примера основания по отраслевому признаку делятся на материально-правовые и процессуальные, тем не менее суть их в правовом регулировании прекращения уголовного дела одна: в ранее действовавших нормах ст. 5 УПК РСФСР такие основания определялись понятием «обстоятельство, исключаящее производство по уголовному делу». Думается, что данное понятие применимо и для характеристики некоторых оснований прекращения уголовного дела в современном регулировании. Более того, оно и сейчас включено в текст уголовно-процессуального закона. К примеру, в положениях ч. 4 ст. 448 УПК РФ, предусматривающих получение согласия Совета Федерации или Государственной Думы на возбуждение уголовного дела в отношении сенатора Российской Федерации или депутата Государственной Думы либо на привлечение их качестве обвиняемого, прямо указывается, что отказ в даче согласия на лишение неприкосновенности названных лиц «является обстоятельством, исключаящим производство по уголовному делу». Отказ в даче согласия на лишение неприкосновенности в рассматриваемом случае как основание прекращения уголовного преследования предусмотрен в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ наряду с другим сходным с ним основанием — отсутствием согласия Конституционного Суда Российской Федерации и Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого соответственно судьи Конституционного Суда Российской Федерации и судьи суда общей юрисдикции, включая судью Верховного Суда Российской Федерации.

Однако считаем, что оперирование понятием «обстоятельство, исключаящее производство по уголовному делу» для определения сущности (в онтологическом аспекте) основания прекращения уголовного преследования в виде отказа в даче согласия на лишение неприкосновенности сенатора или депутата не обоснованно по следующим соображениям теоретического характера.

Обстоятельство, исключаящее производство по уголовному делу, полагаем, должно пониматься как непреодолимое: оно либо есть, либо его нет. В то же время такое обстоятельство возникает объективно, т. е. не генерируется субъектом, призванным решать те или иные процессуальные вопросы по конкретному уголовному делу, или частным лицом, отстаивающим в том или ином уголовном деле свой интерес. Известно, что Совет Федерации или Государственная Дума при раз-

решении вопроса о даче согласия на уголовное преследование соответственно сенатора или депутата должны выяснять, связано ли выдвигаемое подозрение (обвинение) с избранной указанными лицами позицией при голосовании по тому или иному вопросу, обсуждаемому в повестке этих органов представительной власти. Если обвинение связано с позицией сенатора или депутата, то, конечно, последует однозначный отказ. Но такой отказ сам по себе не устраняет преступность деяния, если оно реально имело место. Противоправные действия депутата или сенатора не перестанут содержать признаки преступления (если они были), потому в обычном порядке, т. е. вне действия правила о неприкосновенности, такие лица могли бы быть привлечены к уголовной ответственности. «Отказ в даче согласия» не связан с тем, что не установлены признаки преступления для возбуждения уголовного дела или обстоятельства, которые при обычном порядке производства по делу обуславливают выдвижение обвинения. Иначе говоря, в данном случае процессуальная форма получения согласия на возбуждение уголовного дела и выдвижение обвинения против сенатора и депутата играет яркую, решающую роль независимо от фактических обстоятельств дела, уже установленных субъектами должностного обвинения.

К подобного рода обстоятельствам по своей природе следует отнести отсутствие согласия Конституционного Суда Российской Федерации и Высшей квалификационной коллегии судей Конституционного Суда Российской Федерации, если вопрос о возбуждении уголовного дела и выдвижении обвинения решается соответственно в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи суда общей юрисдикции, в том числе судьи Верховного Суда Российской Федерации (пп. 3 и 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ). К примеру, Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации не должна входить в оценку доказательств и доказанности преступления лица, хотя и исследует материалы, представленные ей в установленном законом порядке Председателем Следственного Комитета Конституционного Суда Российской Федерации. Она должна установить, имеется ли связь между уголовным преследованием и профессиональной деятельностью судьи, включая его позицию при разрешении того или иного дела, и не является ли такое преследование попыткой оказать давление на судью с целью повлиять на выносимые им решения.

В целом отказ в согласии на уголовное преследование, поступивший от Совета Федерации, Госу-

дарственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации и квалификационной коллегии судей, выступает самобытным внепроцессуальным актом, который постановляется указанными субъектами, действующими в уголовно-процессуальном поле, но не являющимися субъектами уголовного процесса и, соответственно, носителями той или иной уголовно-процессуальной функции (обвинения, защиты или разрешения дела по существу). Но, безусловно, участие перечисленных органов в разрешении вопроса о начале и продолжении уголовного преследования или же об отказе от последнего нельзя не рассматривать как выражение разделения ветвей государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной), обеспечивающего систему сдержек и противовесов и закрепляющего демократические основы государства.

Тем не менее считаем, что суть данного основания — отказа в даче согласия — уместнее толковать как «юридическое препятствие для производства по уголовному делу», а не как «обстоятельство, исключаящее производство по уголовному делу». Почему? Потому что при получении согласия производство по делу будет проходить «свои чередом», т. е. происходить в *обычном порядке* (это выражение законодатель использует при указании на продолжение производства по делу, если не получено согласие заинтересованных лиц на прекращение уголовного дела). По этой причине отказ в таком согласии, образно говоря, «рукотворное» юридическое препятствие в производстве по делу. Отказ может быть обусловлен не столько отсутствием признаков преступления в действиях судьи (существом дела), сколько установлением Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации сопутствующих, но значимых обстоятельств в виде наличия связи между уголовным преследованием и позицией судьи при разрешении того или иного дела, за которую он оказался под давлением с целью повлиять на выносимые им решения.

На понятие «юридическое препятствие» применительно к характеристике некоторых оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) стоит обратить внимание: оно в науке уголовно-процессуального права пока не обсуждалось. Предложение о введении данного понятия в оборот науки уголовно-процессуального права можно обосновать развивающимся в общей теории права направлением о юридических препятствиях в правореализационной деятельности. Надо заметить, что определение категории «юридические препятствия» в общей теории права почти всегда

дается с акцентом на их негативную сущность, как на антипод понятия «правовые гарантии» [1—3].

Так, В. А. Панченко дает следующее определение рассматриваемой категории: «юридические (правовые) препятствия в реализации и защите прав, свобод, законных интересов — это нормативно установленные и (или) юридико-фактические условия, осложняющие (затрудняющие либо блокирующие) процесс осуществления правовых возможностей (прав, свобод, законных интересов) конкретного субъекта права в конкретной ситуации, требующие от носителя прав и законных интересов дополнительных, нормативно незапрограммированных либо предусмотренных в установленном порядке реализации права, но несоразмерных, неразумных организационных, материально-технических, временных, интеллектуальных и иных затрат» [2, с. 14]. При этом в своих рассуждениях В. А. Панченко подчеркивает, что «правовые препятствия — это негативные правовые средства, правовые средства „со знаком минус“» [2, с. 15].

Не отвергая окончательно такой подход в силу негативного смысла самого термина «препятствие», тем не менее считаем, что он не вполне оправдан: то, что для одного субъекта в рамках сложившегося правоотношения благо, то для другого субъекта в этом правоотношении — препятствие. В этом диалектика единства и противоречия «юридического препятствия» как правового средства применительно к тому или иному правоотношению. Хотя в общей теории права говорится, что «юридическое (правовое) препятствие не должно пониматься как правовое средство» [4, с. 87].

Не вдаваясь в суть этой дискуссии, отметим, что в целях настоящего исследования (научной статьи) представляется важным утверждение о том, что «юридическое препятствие» срабатывает на пути именно *возможности* реализации тех или иных правоотношений [2, с. 14]. А это значит, что при определенных условиях, т. е. при возникновении возможности, такое препятствие преодолимо. В силу этого, возвращаясь к «отказу в даче согласия» Советом Федерации, Государственной Думой, Конституционным Судом Российской Федерации и квалификационной коллегией судей, видится оправданным рассматривать онтологию их отказа в даче согласия на привлечение к уголовной ответственности лиц, указанных в пп. 1 и 3—4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, как юридическое препятствие, а не как обстоятельство, исключаящее производство по делу. Основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), относящиеся по своей природе к юридическому препятствию,

связаны преимущественно с процессуальной формой, соблюдение которой влияет на решение вопроса о продолжении уголовного преследования лица и исход дела. Более того, они преодолимы.

К обстоятельствам же, исключающим производство по делу, полагаем, относятся юридические факты, которые не могут быть в принципе преодолимы. К ним, например, относится предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основание прекращения уголовного дела — отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, а именно Генерального прокурора Российской Федерации и Председателя Следственного комитета Российской Федерации. Данное основание внешне сходно с рассмотренными выше основаниями прекращения уголовного дела в отношении сенатора, депутата и судей. Более того, все эти основания указаны в одном пункте — п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, что могло бы дать предположение об их единой природе. Но природа их, как представляется, различна.

Отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, как основание для отказа от уголовного преследования заслуживает внимания. Дело в том, что его можно понимать как наличие заключения суда, в котором констатируется вывод об отсутствии материально-правового основания для уголовного преследования, т. е. признаков преступления в действиях одного из лиц, в отношении которых такое заключение запрашивается. Потому такого рода заключение — это фактически правоприменительное процессуальное решение, в котором особый субъект — коллегия, состоящая из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, — формулирует вывод о том, что нет оснований для уголовного преследования. Но и в отношении обычных лиц вывод правоприменителя об отсутствии признаков преступления, по крайней мере характеризующих объективную сторону преступления, будет также основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Иными словами, вывод коллегии судей формируется из исследования обстоятельств существования подозрения (обвинения), которое предполагалось вменить. Отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, выступает ударным процессуальным юридическим фактом, исключающим производство по делу, поскольку по содержанию оно показывает на отсутствие материально-правовых оснований для уголовного преследования, а по форме — исключает обжалование

решения суда, указанного в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Таким образом, рассмотренное основание по своей природе относится к обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу. Исходя из этой природы, его следовало бы разместить в ч. 1 ст. 24 УПК РФ отдельным пунктом п. 6.1, а не излагать вкупе с другими, имеющими иную природу основаниями, указанными в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Однако вернемся к основаниям прекращения уголовного дела, природу которых, на наш взгляд, все же можно рассматривать как «юридическое препятствие». Как юридическое препятствие для продолжения производства по делу, полагаем, следует рассматривать отказ прокурора от обвинения в суде первой и второй инстанций (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Такой отказ не допускает разрешения дела по существу в силу действия правила *peto sine actor* — нет процесса без иска. Такая же природа свойственна и основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, — отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения; неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин, что фактически приравнивается к отказу от частного обвинения.

В начале настоящей статьи были затронуты вопросы, связанные с порядком прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности, уточненного в новой ч. 2.2 ст. 27 УПК РФ. Положения указанной части представляются очень интересными в контексте категории «юридическое препятствие» в правореализационной деятельности. Анализ этих положений позволяет выявить, что возражение подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности проявляется двояко: оно одновременно выступает юридическим препятствием к прекращению уголовного дела и побудительным фактором к продолжению производства по уголовному делу. Конечно, воздействие возражения подозреваемого или обвиняемого на принятие решения о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока не есть новелла, поскольку оно было и раньше отражено в ч. 2 ст. 27 УПК РФ. Однако обращаем внимание на то, что такого рода возражение подозреваемого или обвиняемого неоправданно «привязано» к некоторым основаниям. Речь идет об основании, которое нами выше рассматривалось как обстоятельство, исключающее производство по делу, т. е. из числа указанных в п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, приведенных

в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Для применения этого основания требуется согласие указанных в этих нормах лиц (ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Отсюда возникает вопрос: а есть ли надобность в выяснении позиции подозреваемого или обвиняемого при решении вопроса о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по указанному основанию? Думается, что нет, поскольку это основание — реабилитирующее (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). В такое основание — отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ — «защит» итоговый вывод коллегии суда из трех судей о том, что нет признаков преступления в действиях лиц, в отношении которых может запрашиваться такое заключение. Вполне очевидно, что этот вывод знаменует положительный исход дела, иначе рассмотренное основание не было бы включено в число реабилитирующих (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). Потому и такое основание, как отсутствие согласия Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, указанных в пп. 1 и 3—4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, должно применяться без препятствия в виде возражения подозреваемого или обвиняемого с прекращением уголовного дела. В таком возражении смысла нет, поскольку приведенное основание также относится к реабилитирующим (п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). А выяснение позиции подозреваемого или обвиняемого на предмет того, возражает ли он против прекращения, необходимо для продолжения производства в целях реабилитации. Такое согласие от лица требуется и при основании в виде отказа Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица (п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), притом что данное основание также относится к реабилитирующим.

Ясно, что при прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию необходимость получать согласие подозреваемого или обвиняемого — избыточное требование закона. Для придания правовой определенности, которая избавляла бы в приведенных случаях субъектов, ведущих процесс, от потребности выяснять позицию заинтересованных лиц, следует дополнить ст. 27 УПК РФ положением о том, что при основаниях п. 6 ч. 1

ст. 27 УПК РФ отказ и (или) прекращение уголовного преследования производится по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — отсутствие события преступления.

Вполне очевидно, что возражение (несогласие) заинтересованных лиц с прекращением уголовного дела по основаниям, требующим выяснения позиции указанных лиц, является собой отдельный вид юридического препятствия, который в свою очередь блокирует прекращение уголовного дела и побуждает к продолжению производства по нему. В связи с этим создается ситуация, когда то или иное основание, будучи по природе своей обстоятельством, исключающим производство по делу, теряет свою прорывную силу, становится преодолемым. Например, такое основание, как смерть лица, подлежащего уголовному преследованию (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), является объективным событием, исключающим производство по делу в силу того, что уголовная ответственность «не переживает» лицо. Но возражения против прекращения уголовного преследования по этому основанию со стороны заинтересованных лиц, как правило родственников умершего, преодолевают правовые последствия этого события, что выражается в иницировании ими продолжения производства по уголовному делу в обычном порядке в целях реабилитации умершего лица. Видимо, можно заключить, что смерть подозреваемого или обвиняемого, а также такие основания для прекращения уголовного дела, как истечение сроков давности уголовного преследования и акт об амнистии, следует рассматривать в категории «юридического препятствия для производства по делу», которое в свою очередь преодолевается проявленным возражением заинтересованных лиц против прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по этим основаниям. Тут надо отметить значимость такого рода согласия / несогласия, обвиняемого (подозреваемого), поскольку в новых положениях ч. 2.1, введенной в ст. 27 УПК РФ Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 81-ФЗ, указывается, что и повторное прекращение уголовного преследования в связи с истечением сроков давности и актом об амнистии не допускается, «если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает».

Подводя итоги вышеизложенным рассуждениям, отметим признаки категорий «обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу» и «юридическое препятствие для производства по делу» как характеризующих природу соответствующих им оснований прекращения уголовного дела.

«Обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу» как категория применимо для характеристики оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), во-первых, требующих вхождения в обстоятельства предмета доказывания по обвинению, которое могло бы быть вменено лицу (всех или части из этих обстоятельств); во-вторых, такие обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу, как основания, должны применяться без условий (согласие от лица, в отношении которого прекращается уголовное дело); в-третьих, они непреодолимы, поскольку возникают объективно, независимо ни от публичных субъектов, призванных решать те или иные процессуальные вопросы по конкретному уголовному делу, ни от частных лиц, отстаивающих свой интерес в этом конкретном уголовном деле. Они есть результат установленных по делу обстоятельств как не образующих материально-правовых оснований и процессуальных оснований для привлечения лица к уголовной ответственности. К таковым следует отнести: отсутствие события преступления; отсутствие в деянии состава преступления; непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления; недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность; отставание лица, достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность, в психическом развитии (не связанное с психическим расстройством), в силу которого лицо не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом; отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в пп. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ (действующий порядок требует согласия таких лиц на отказ от уголовного преследования по этому основанию, что видится бессмысленным, поскольку это основание реабилитирующее); наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению; наличие в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела.

Категория «юридическое препятствие для производства по делу» применима для характеристики оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), во-первых, не требующих вхождения в доказывание наличия / отсутствия всех обстоятельств обвинения, которое могло бы быть вменено; во-вторых, их применение требует особой процессуальной формы; в-третьих, они в ряде случаев преодолимы, поскольку их применение предполагает выяснение позиции (согласие / несогласие) заинтересованных лиц. С учетом последнего признака основания прекращения уголовного дела как юридические препятствия могут разделяться на три подгруппы: 1) не требующие согласия заинтересованных лиц; 2) требующие согласия заинтересованных лиц; 3) требующие согласия заинтересованных лиц, хотя запрос такого согласия — избыточное требование процессуального закона в силу реабилитирующего характера самого основания.

К первой подгруппе таких оснований следует отнести отказ прокурора от обвинения в суде первой и второй инстанций (ч. 7 ст. 246 УПК РФ); отсутствие заявления потерпевшего по делам частного и частно-публичного обвинения; неявку частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин; возмещение лицом в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления (п. 7, введенный в ч. 1 ст. 24 УПК РФ Федеральным законом от 18 марта 2023 г. № 81-ФЗ).

Ко второй подгруппе относятся основания, допускающие выяснение позиции заинтересованных лиц о прекращении уголовного дела: истечение сроков давности; акт об амнистии; смерть подозреваемого или обвиняемого. К этой же подгруппе относятся основания, применение которых предусмотрено в форме согласительных процедур в порядке ст. 25, 25.1, 28 и 28.1 УПК РФ.

К третьей подгруппе относятся: отсутствие согласия Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого соответственно одного из лиц, указанных в пп. 1 и 3—4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ; отказ Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий.

1. Малько А. В. Препятствия как фактор снижения эффективности правового воздействия: понятие, признаки, классификация // Юридические препятствия в реализации и защите прав и законных интересов: сб. науч. тр. / сост.: В. Ю. Панченко, А. А. Петров. Красноярск: Центр информации, 2015. С. 33—46.

2. Панченко В. Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. 2013. № 3. С. 10—18.

3. Зайчиков Я. В. Юридические препятствия как средство правового регулирования общественных отношений // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2014. № 1 (1). С. 89—93.

4. Борцов А. В., Кондаков А. Ю. «Юридические препятствия» в понятийно-категориальном аппарате правовой науки // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27, № 4. С. 86—93.

Аширбекова Мадина Таукеновна,

профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС;
профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД России;
профессор кафедры процессуального права и криминалистики Волгоградского государственного университета;
профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, профессор;
madina.55@mail.ru

1. Malko A. V. Obstacles as a factor to reduce the effectiveness of legal influence: concept, characteristics, classification. In: Legal obstacles while realizing and protecting rights and legal interests. Collection of scientific works. Authors: V. Yu. Panchenko, A. A. Petrov. Krasnoyarsk: Information Center; 2015: 33—46. (In Russ.).

2. Panchenko V. Yu. On the concept of legal obstacles while realizing and protecting rights and legal interests. Academic Law Journal, 10—18, 2013. (In Russ.).

3. Zaichikov Ya. V. Legal obstacles as a means of legal regulation of public relations. Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice, 89—93, 2014. (In Russ.).

4. Bortsov A. V., Kondakov A. Yu. "Legal obstacles" in the conceptual and categorical apparatus of legal science. Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law", 86—93, 2017. (In Russ.).

Ashirbekova Madina Taukenovna,

professor at the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — a branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
professor at the department of criminal procedure of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
professor at the department of procedural law and criminalistics of the Volgograd State University;
professor at the department of criminal procedure of the Saratov State Law Academy;
doctor of juridical sciences, full professor;
madina.55@mail.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A212

**О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ЕГО РОЛИ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Борис Яковлевич Гаврилов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, profgavrilov@yandex.ru

Аннотация. Автор настоящей статьи представляет научную школу уголовного процесса Академии управления МВД России. В статье рассматриваются проблемы современного состояния российского уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего стадии возбуждения и предварительного расследования уголовных дел в форме предварительного следствия и дознания, проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. На основе статистических данных о результатах расследования уголовных дел и их рассмотрения судами с позиции обеспечения качества и сроков предварительного расследования, соблюдения законности, а также результатов изучения обозначенных проблем другими российскими учеными показано, что рассматриваемые в настоящей публикации вопросы вызывают как научный, так и прикладной интерес. Проанализированы причины и условия значительного снижения за последние десятилетия эффективности обеспечения правоохранительными органами конституционного права граждан на доступ к правосудию и возмещение причиненного им ущерба, что препятствует должной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, прокурор, уголовное дело, качество расследования, законность, процессуальные сроки, предъявление обвинения, заключение под стражу, протокольная форма расследования

Для цитирования: Гаврилов Б. Я. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства и его роли в повышении эффективности отдельных институтов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 29—37. doi: 10.25724/VAMVD.A212

**ON THE ACTING STATE OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW
AND ITS ROLE TO IMPROVE EFFICIENCY
OF SOME INSTITUTIONS OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Boris Yakovlevich Gavrilo

Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia
profgavrilov@yandex.ru

Abstract. The author of this article represents the scientific school of criminal proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The article deals with the problems of the acting state of Russian criminal procedure legislation regulating the stages of initiation and preliminary investigation of criminal cases in the form of preliminary investigation and inquiry, problems to ensure rights and legitimate interests of participants in the criminal proceedings. Based on statistical data of the results of criminal cases investigation and their trials from the standpoint of ensuring the quality and terms (time limits) of the preliminary investigation, observance of law, as well as the results of examination of the identified problems by other Russian scientists, it is shown that considered issues are of both scientific and applied interest. The author analyzes reasons and conditions of a significant decrease in the effectiveness to ensure the constitutional right of citizens to access to justice over past decades as well as compensation for damage caused to them by law enforcement agencies, that prevent the proper realization of the purpose of criminal proceedings.

Keywords: investigator, interrogator, prosecutor, criminal case, quality of investigation, legality, procedural terms, indictment, detention, protocol form of investigation

For citation: Gavrilov B. Ya. On the acting state of the criminal procedure law and its role to improve efficiency of some institutions of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 29—37, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A212

Современное состояние уголовно-процессуальной науки нами рассматривается с позиции ее влияния на эффективность отдельных институтов уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, определяется состоянием научной мысли и конкретными предложениями по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с учетом правоприменительной практики [1]. Исключительно важным фактором здесь является анализ как уголовно-процессуальных институтов в целом, так и конкретных уголовно-процессуальных норм, что также видится в преодолении зашоренности при реальной оценке состояния законодательства и догматизма нашего мышления.

В то же время эффективность уголовно-процессуальных институтов современного досудебного производства рассматривается как с позиции практика, посвятившего службе в органах предварительного расследования более 30 лет, так и с точки зрения ученого. Учитываются также результаты проводившегося в течение ряда лет после принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) мониторинга, по результатам которого в уголовно-процессуальный закон вносились соответствующие изменения, в том числе обусловившие появление в нем ряда новых процессуальных институтов. В целом за более чем 20 лет действия УПК РФ в него было внесено свыше 300 изменений, за что Кодекс на данный момент подвергается критике со стороны ученых и практикующих юристов.

Однако не учитывается то, что многие из внесенных в УПК РФ изменений были обусловлены необходимостью реализации положений Конституции Российской Федерации, решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. В то же время отметим, что часть этих изменений не носила системный характер и даже противоречила ряду основополагающих положений вступившего в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ, нося характер контрреформ, последовавших после его принятия, на что наряду с автором настоящей статьи указывал и профессор В. П. Божьев [2].

Еще одна причина внесения значительного количества изменений была обусловлена компромиссными решениями законодателя при подготовке

и принятии в 1997—2001 гг. УПК РФ, а также в силу отказа законодателя при подготовке от включения в его проект ряда конкретных предложений (например, о дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, пересмотре процессуальных правил начала расследования, введении в досудебное производство в качестве участника уголовного процесса начальника специализированного подразделения дознания и ряда других), что было реализовано в последующие годы путем внесения в УПК РФ соответствующих изменений, что, безусловно, сказалось на их количестве.

Одновременно необходимо указать, что порядка 70 % изменений обуславливалось их востребованностью правоприменителями. Так, в ходе реформы уголовно-процессуального законодательства 2007 г. Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ¹ из состава органов прокуратуры были выведены следователи с последующим созданием Следственного комитета Российской Федерации, от прокурора руководителю следственного органа переданы полномочия по процессуальному руководству следствием с сохранением за прокурором надзорных полномочий², из УПК РФ исключены нормы, предусматривающие согласование с прокурором решения должностных лиц органов предварительного расследования и органов дознания о возбуждении дела, а также право прокурора на возбуждение уголовного дела, на чем мы настаивали на протяжении ряда лет [3]. В число участников уголовного процесса на стороне обвинения был введен начальник подразделения дознания, а в последующем — и начальник органа дознания³.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя: федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 60.

Сегодня в числе наиболее актуальных проблем обоснованность реформирования указанным Федеральным законом № 87-ФЗ досудебного производства, о чем свидетельствуют приведенные данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод, во-первых, о более высоком уровне процессуального контроля (табл. 1) и, во-вторых, об усилении надзорной деятельности прокурора, что обусловлено увеличением почти в два раза

удельного веса уголовных дел, возвращенных прокурором следователям органов внутренних дел для производства дополнительного расследования (с 3,5 % в 2006 г. до 6,1 % в 2023 г.) и следователям Следственного комитета (с 0,8 до 2,1 % за указанный период), что, в свою очередь, обеспечило многократное сокращение количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (с 4,0 % в 1999 г. до 1,2 % в 2022 г.) (табл. 2).

Таблица 1

Статистика оправданных судом лиц, 2006—2023 гг.

Оправданные судом лица	2006	2013	2022	2023
<i>По делам следователей МВД</i>	1 372	509	372	399
Удельный вес на 1 000 обвиняемых	2,0	1,3	1,3	1,4
Из них незаконно содержалось под стражей	524	250	71	46
<i>По делам следователей прокуратуры и СК РФ</i>	1 885	654	655	—
Удельный вес на 1 000 обвиняемых	18,0	5,8	6,6	—
Из них незаконно содержалось под стражей	954	411	290	—

Таблица 2

Сведения о количестве уголовных дел, возвращенных для дополнительного расследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (1999—2023 гг.)¹

	1999	2006	2018	2021	2022	2023
Возвращено прокурором уголовных дел для дополнительного расследования:						
– следователям МВД	21 249	18 373	17 791	17 507	15 709	16 519
удельный вес, %	2,7	3,3	5,6	6,0	6,9	6,1
– следователям прокуратуры и СК РФ	1 102	1 286	3 569	1 847	1 769	—
удельный вес, %	1,4	0,8	3,6	2,1	2,1	—
Возвращено дел судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ:						
– всем органам расследования	41 340	35 930	6 568	6 315	5 846	—
в том числе следователям	34 209	—	4 668	4 518	4 216	—
удельный вес, %	4,0	—	1,1	1,2	1,2	—

¹ Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «1 ЕГС» (491) «Сводный отчет о преступности», 1999—2023 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.01.2024).

Существенные изменения в УПК РФ были внесены Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹, согласно которому был значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий (более 10), которые следователи, дознаватели и иные должностные лица органов дознания сегодня вправе осуществлять при проведении проверки заявления, сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Данным законом в УПК РФ был включен также институт дознания в сокращенной форме (гл. 32.1). Кроме того, принят и ряд других нововведений.

И еще об одном факторе, повлекшем внесение изменений в УПК РФ до его вступления в действие, который заключается в том, что отдельные нормы УПК РФ на момент его принятия содержали переходные положения как результат компромисса между законодателем и Генеральным прокурором Российской Федерации. Суть этого компромисса в том, что за прокурором сохранялось право как санкционирования следственных действий и процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан (Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177)², так и продления срока содержания обвиняемых под стражей (Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 183)³. Несоответствие данных положений Конституции Российской Федерации послужило основанием для признания Конституционным Судом Российской Федерации еще в рамках действия УПК РСФСР положений уголовно-процессуального закона о заключении под стражу во внесудебном порядке не соответствующими Основному Закону⁴. Реализуя данное решение Конституционного Суда, законодатель до момента вступления УПК РФ в действие внес

в него соответствующие изменения (Федеральный закон от 28 мая 2002 г. № 59-ФЗ)⁵.

В ряду наиболее обсуждаемых сегодня в научной среде и у практиков проблем наличие в УПК РФ *института возбуждения уголовного дела*, в связи с чем ведется активная научная дискуссия о том, необходим ли он российскому законодательству и в каком виде. Его наличие обуславливает, во-первых, низкую эффективность уголовного судопроизводства (в суд направляется менее 30 % уголовных дел от числа возбужденных), во-вторых, при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела ежегодно нарушаются права порядка 5 млн пострадавших на их доступ к правосудию и компенсацию причиненного преступлением ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Одна из причин сохранения на протяжении многих десятилетий данного института — в устоявшемся мнении как ученых, так и практикующих юристов о его существенной роли в предупреждении фактов незаконного возбуждения уголовного дела и необоснованного (без достаточных к тому оснований) уголовного преследования.

Мы обращаемся как к ранее проведенным исследованиям в этой области, так и к складывающейся долгие годы следственной и судебной практике, статистическим данным о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях (в 2015—2016 гг. количество «отказных» материалов достигло показателя 6,8 млн (в 2023 г. — 6,2 млн) против 1,2 млн в 1992 г.) и непосредственно к содержанию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данную стадию уголовного процесса.

Появление в уголовном судопроизводстве и, соответственно, в уголовно-процессуальной науке самостоятельной стадии возбуждения уголовного дела было обусловлено фактами незаконного уголовного преследования в 1934—1937 гг. граждан (репрессиями), в целях противодействия которым Генеральным прокурором СССР был издан ряд директивных указаний, в том числе Циркуляр от 5 июня 1937 г. № 41/26, пункт второй которого устанавливал, что возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место по мотивированному постановлению следственного органа, утвержденному прокурором⁶.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2027.

⁶ Циркуляр Прокурора СССР № 41/26 от 5 июня 1937 г. // Советская юстиция. 1937. № 7. С. 55—56.

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

² О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4924.

³ О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: федер. закон от 29 декабря 2001 г. № 183-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 53, ч. 1. Ст. 5019.

⁴ По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

О необходимости исключения из российского уголовно-процессуального законодательства процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом, составляющих сущность стадии возбуждения уголовного дела, свидетельствуют и положения Концепции судебной реформы РСФСР в той части, где говорится, что «будет обоснованным рассматривать всякое сообщение о преступлении, если на момент рассмотрения неочевидна его ложность, как бесспорный повод к возбуждению уголовного дела»¹.

В числе указанных свыше 6 млн «отказных» материалов около 1,2 млн заявлений о кражах, 1,3 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений при криминальных обстоятельствах и еще порядка 1 млн мошенничеств, включая хищения с банковских карт, по которым совершившие их лица, как правило, не установлены. С учетом положений ч. 1 ст. 148 УПК РФ и постановления

Конституционного Суда Российской Федерации по делу Михайлова от 15 июня 2021 г. № 28-П² такие решения являются незаконными и необоснованными и подлежат отмене прокурором.

Необходимость принятия ежегодно 8—9 млн (с повторными) постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела обусловила непроизводительные затраты труда порядка 20 тыс. сотрудников полиции по их вынесению и тысяч прокуроров по их отмене, а также способствовала за последнее время значительному сокращению количества раскрытых и расследованных преступлений (с 1,784 млн в 2006 г. до 895,6 млн преступлений в 2023 г.) и тем самым — существенному (на 49,8 %) снижению эффективности деятельности в первую очередь органов внутренних дел и других правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, что отражено в таблице 3.

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/6318369/> (дата обращения: 10.01.2024).

² По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/ (дата обращения: 10.01.2024).

Таблица 3

**Статистические данные
о количестве возбужденных уголовных дел и отказных материалов³**

	2006	2015	2022	2023
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях, млн	10,7	12,2	11,9	11,8
Возбуждено уголовных дел, млн	3,3	1,9	1,6	1,6
В том числе удельный вес к числу сообщений о преступлениях, %	30,8	15,5	16,2	13,6
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,8	6,0	6,2

Указанное обстоятельство повлекло изменение «тренда» преступности, значение которого к 2010 г. должно было превысить уровень 4,0 млн преступлений в год, однако в 2023 г. по отношению к 2006 г. Данный показатель сократился на 1,9 млн преступлений, или на 49,3 %. Это можно увидеть, сравнив количество зарегистрированных преступлений (млн) в 1980—2023 гг.:

1980 г.	1,028
1991 г.	2,168
1999 г.	3,002
2006 г.	3,853

2010 г.	4,4
2014 г.	2,166
2016 г.	2,16
2020 г.	2,04
2021 г.	2,004
2022 г.	1,957
2023 г.	1,947

Это потребовало выработки соответствующих предложений, сформулированных в п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации, в целях реализации которой рабочей группой МВД России

³ Отчет по форме 2-Е, установленной приказом Генеральной прокуратуры России от 27.02.2017 № 89 «Об утверждении и введении в действие формы федеральной статистики наблюдения № 2-Е».

был подготовлен проект соответствующего федерального закона, рассмотренный 3 ноября 2017 г. на заседании Экспертного совета при МВД России с участием представителей всех правоохранительных органов, общественных организаций, научных структур, где большинством специалистов был одобрен, однако его реализация была приостановлена.

На необходимость принципиального изменения процессуальных правил начала производства по уголовному делу в своих ежегодных докладах Президенту Российской Федерации указывает и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации профессор Т. Н. Москалькова¹.

Не менее актуальным аргументом за исключение из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела является и складывающаяся в последние годы следственная и судебная практика возбуждения уголовного дела при выявлении в ходе расследования новых эпизодов преступной деятельности лица, привлеченного к уголовной ответственности, или при установлении новых лиц, совершивших преступления совместно с лицом, в отношении которого ранее было возбуждено уголовное дело, существенно изменившаяся под непосредственным воздействием решения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О² и позиции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 60-Д13-3³.

¹ Комментарий Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о защите прав потерпевших от преступлений. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/aa32fe08-811c-4b1d-8ee2-8f44b0c8b780> (дата обращения: 10.01.2024).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/1780356/> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Отсутствие постановления о возбуждении уголовного дела является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену приговора, поскольку связано с несоблюдением органами предварительного следствия процедуры судопроизводства

Подлежит исключению из УПК РФ ст. 162, регламентирующая сроки предварительного следствия, в силу противоречия ее правового содержания норме о разумном сроке уголовного судопроизводства (ст. 6.1), который по уголовным делам не должен превышать четырех лет. Однако действующая редакция ч. 5 ст. 162 УПК РФ не предусматривает ограничение срока предварительного следствия за исключением истечения сроков давности, что, по нашему мнению, служит прямой причиной продолжающихся нарушений органами предварительного расследования разумного срока уголовного судопроизводства.

Реформирования требует и содержание ч. 1 ст. 109 УПК РФ, устанавливающей первоначальный срок содержания обвиняемых под стражей (два месяца), поскольку в него сегодня входят от 10 до 30 суток (вместо пяти суток по УПК РФ в редакции 2001 г.) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного процессуального решения (ч. 1 и 1.1 ст. 221 УПК РФ) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Для сравнения, в европейских государствах этот срок — от 120 до 180 суток. Например, по уголовно-процессуальному законодательству Итальянской Республики первоначальный срок содержания под стражей составляет шесть месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению стороны защиты или прокурора.

Назрела необходимость *исключения из УПК РФ института предъявления обвинения*, нормы которого на протяжении многих десятилетий обеспечивали обвиняемому право на защиту с привлечением адвоката. Сегодня с учетом положений указанного выше Федерального закона № 23-ФЗ участие адвоката стало возможным уже на этапе проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного лица. Аргументом за реформирование данного института являются также и такие обстоятельства, как фактическое отсутствие в действующем УПК РФ различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47).

и нарушением права на защиту: определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 60-Д13-3 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: [https://base.garant.ru/70718088/#:~:text=Определение%20СК%20по%20уголовным%20делам,нарушением%20права%20на%20защиту%22%20\(извлечение\)](https://base.garant.ru/70718088/#:~:text=Определение%20СК%20по%20уголовным%20делам,нарушением%20права%20на%20защиту%22%20(извлечение)) (дата обращения: 10.01.2024).

В качестве довода следует указать и на то обстоятельство, что в суд за годы действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения направлено несколько миллионов уголовных дел, расследованных в форме дознания. Никто из осужденных при этом не обратился ни в Конституционный Суд Российской Федерации, ни в Европейский Суд по правам человека (нам о таких фактах неизвестно) с жалобой об ограничении его права на защиту от обвинения. Необходимо учитывать и позицию Конституционного Суда Российской Федерации «о пределах судебного разбирательства» (постановление от 16 мая 2007 г. № 6-П)¹ и решения Европейского Суда по правам человека по делу Экле² и ряда других.

В связи с изложенным об институте предъявления обвинения обратимся к вопросу о полномочиях суда по изменению обвинения. На протяжении десятков лет основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного производства по УПК РСФСР выступал институт судебного доследования (ст. 232), негативным результатом действия которого было ежегодное возвращение судами порядка 50 тыс. уголовных дел следователям и дознавателям для производства по ним дополнительного расследования, нередко заключавшегося в проведении судебной экспертизы, очной ставки и отдельных следственных действий, а также в необходимости перепредъявлять обвинение на более тяжкое. Вместе с тем по каждому второму делу до возвращения на доследование судебное разбирательство продолжалось от трех до шести месяцев, а по отдельным уголовным делам — от полутора до двух лет. Как следствие, сроки расследования и содержания обвиняемых под стражей достигли пяти и более лет.

Непосредственное исправление в суде дефектов и несоответствий установленным фактам допускается законодательством и судебной практикой Англии, Уэльса, Шотландии и других стран. Например, в Италии в ходе судебного следствия прокурор

при соблюдении права обвиняемого на защиту и других условий вправе изменить исходное обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального путем дополнительного уведомления или нового изложения деяния (ст. 517, 519 УПК Италии). Согласно ст. 732 уголовно-процессуального закона Испании³ изменение предварительной квалификации стороной обвинения является самостоятельным этапом судебного разбирательства, в котором для необходимости усиления обвинения предусмотрено отложение слушания дела по просьбе защиты для подготовки доказательств в опровержение измененного обвинения. Возможность изменения в судебном разбирательстве обвинения на более тяжкое без возвращения уголовного дела прокурору предусмотрена ст. 301, 303 УПК Республики Беларусь⁴ и ст. 340—341 УПК Казахстана⁵.

С учетом особенностей российского уголовного судопроизводства полагаем, что общая схема судебной процедуры изменения обвинения на более тяжкое выглядит следующим образом. Заявление государственного обвинителя об изменении обвинения на более тяжкое может быть реализовано путем представления суду в письменном виде формулировки нового обвинения, после чего следует предъявление прокурором обвиняемому нового, в том числе обвинения в более тяжком преступлении, и разъяснение его сущности. Затем объявляется перерыв в судебном заседании и стороне защиты предоставляется время, необходимое для подготовки к защите от нового обвинения, после чего судебное разбирательство продолжается в пределах нового обвинения. Непременными условиями соответствия предлагаемой процедуры принципам судопроизводства должны быть инициирование изменения обвинения на более тяжкое исключительно стороной обвинения и создание достаточных гарантий обеспечения права обвиняемому на защиту от нового обвинения.

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 мая 2007 г. № 6-П // СЗ РФ. 2007. № 22. Ст. 2686.

² Экле против Федеративной Республики Германия: постановление Европейского Суда по правам человека от 15 июля 1982 г. (жалоба № 8130/78) // Европейский суд по правам человека: избр. решения. Т. 1. Москва: Норма, 2000. С. 385—394.

³ Ley de Enjuiciamiento Criminal de España: Real Decreto de 14 de septiembre de 1882 // La Gaceta. 1882. 17 de Sept.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 19 июля 1999 г. № 295-3: [принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.01.2024).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V // online.zakon.kz: [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 02.02.2024).

Положительное значение предлагаемых процедур изменения прокурором обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного производства с правом представить суду дополнительные доказательства видится в следующем: 1) уголовное дело остается под контролем суда, исключается его разрешение внесудебными органами; 2) движение уголовного дела сохраняет поступательный характер, и как следствие — существенно сокращаются сроки его производства; 3) не ограничивается право участников уголовного процесса на их доступ к правосудию; 4) налицо процессуальная экономия: отпадает необходимость в производстве дополнительных процессуальных действий и повторном судебном рассмотрении дела; 5) в большей степени реализуется право государственного обвинителя на свободу оценки доказательств, повышается объективность его позиции в деле; 6) суд не втягивается в осуществление обвинительной функции, не нарушается принцип состязательности судопроизводства, в большей степени обеспечивается объективность и беспристрастность суда.

Стало ясно, что требуется *возвращение в досудебное производство протокольной формы расследования* (по УПК РСФСР — так называемая протокольная форма досудебной подготовки материалов, по которой ежегодно в суд направлялось по 250—300 тыс. материалов о преступлениях небольшой тяжести). Основная причина в том, что, по оценке ученых и практических сотрудников органов внутренних дел, введенное в УПК указанным выше Федеральным законом № 23-ФЗ дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) по объему выполненных по уголовному делу следственных и иных процессуальных действий и срокам расследования сегодня, по сути, ничем не отличается от дознания в общей форме.

Сущность предлагаемой нами протокольной формы расследования состоит в том, что: 1) расследование осуществляется в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и когда дознавателю не требуется проведения всех процессуальных действий; 2) исключается вынесение постановления о возбуждении уголовного дела и одновременно ограничивается производство следственных действий допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля-очевидца; 3) производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ; 4) закон должен предусматривать задержание подозреваемого лица в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, с учетом чего срок расследования предлагается установить в 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору, а последним в суд.

С учетом изложенного задача научного сообщества и практикующих юристов сегодня заключается в следующем: побудить законодателя к разработке такой доктрины развития уголовно-процессуального законодательства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства и общества изменения, чему на данный момент в значительной мере препятствует, с одной стороны, устоявшийся в нашем сознании стереотип неизблемости названных выше процессуальных институтов, а с другой — догматизм нашего мышления и нежелание в связи с этим посмотреть на современное состояние законодательства уголовно-правового комплекса хотя бы в государствах бывшего постсоветского пространства.

1. Гаврилов Б. Я. Роль законодательства уголовно-правового комплекса в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государство и право. 2023. № 6. С. 191—192.

2. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 9—11.

3. Гаврилов Б. Я. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела: законодателю пора расставить точки // Лоббирование в законодательстве. 2023. Т. 2, № 2. С. 28—34.

1. Gavrilov B. Ya. Role of the legislation of the criminal legal complex while ensuring the rights and freedoms of man and citizen. State and law, 191—192, 2023. (In Russ.).

2. Bozhyev V. P. "Quiet Revolution" of the Constitutional Court of the Russian Federation. Russian Justice, 9—11, 2000. (In Russ.).

3. Gavrilov B. Ya. To the problem of the stage to initiate a criminal case: it is time for the legislator to dot. Lobbying in legislation, 28—34, 2023. (In Russ.).

Гаврилов Борис Яковлевич,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
profgavrilov@yandex.ru

Gavrilov Boris Yakovlevich,
professor at the department of management
by crime investigation bodies
of the Academy of Management
of the MIA of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
profgavrilov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A213

**ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЦА,
ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

iliadikarev@volsu.ru

Аннотация. Одним из наиболее дискуссионных в теории уголовного судопроизводства остается вопрос о процессуальном положении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Цель исследования состоит в выяснении процессуальной функции лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на основе учета его функционального интереса. Обосновывается необходимость отражения в процессуальном статусе данного лица той специфики, которую привносит в его процессуальную функцию заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы: юридической интерпретации и формально-юридический. Результаты исследования показали, что заключение досудебного соглашения о сотрудничестве приводит к усложнению процессуальной функции подозреваемого и обвиняемого: наряду с функцией защиты это лицо принимает на себя обязательство содействовать осуществлению правосудия. Для обеспечения надлежащего исполнения гражданином этой процессуальной функции предлагается включить лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, в число субъектов преступления, предусмотренного ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, содействие осуществлению правосудия, особый порядок судебного разбирательства, лжесвидетельство, дача заведомо ложных показаний

Для цитирования: Дикарев И. С. Процессуальное положение лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 38—45. doi: 10.25724/VAMVD.A213

**PROCEDURAL STATUS OF THE PERSON
WHO ENTERED INTO A PRETRIAL COOPERATION
AGREEMENT**

Ilya Stepanovich Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russia, iliadikarev@volsu.ru

Abstract. One of the most debatable issues in the theory of criminal proceedings is the matter of the procedural status of a person who concluded a pre-trial cooperation agreement. The aim of the study is to clarify the procedural role of a person who concluded a pretrial cooperation agreement considering his functional interest. The necessity of particularity is substantiated in the reflecting of procedural status of this person, that brings to his procedural function the conclusion of a pre-trial cooperation agreement. The dialectical method served as methodological basis of the research. Moreover, the general scientific methods of analysis, synthesis and system approach, as well as special legal methods: legal interpretation and formal-legal methods were used. The results of the study showed that the conclusion of a pre-trial cooperation agreement leads to the complication of the procedural function of the suspect and the accused. This person assumes the obligation to assist in the implementation of justice along with the function of defense. To ensure the proper fulfillment of this procedural function by a citizen, it is proposed to include a person who has concluded a pretrial cooperation agreement in the number of perpetrators provided by Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: pretrial cooperation agreement, assistance to the administration of justice, special procedure of trial, perjury, giving untruthful evidence

For citation: Dikarev I. S. Procedural status of the person who entered into a pretrial cooperation agreement. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 38—45, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A213

Участник уголовного судопроизводства, которому законодатель посвятил ст. 56.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), является в настоящее время одной из самых обсуждаемых фигур уголовного процесса. Вокруг его статуса, функции и даже названия в теории уголовного судопроизводства ведутся бесчисленные дискуссии. Во всем разнообразии высказываемых позиций отчетливо просматриваются общие подходы к пониманию места рассматриваемого субъекта в системе участников уголовного процесса.

Одни ученые не находят ничего специфического в процессуальном статусе лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (далее — ДСС), уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство: такое лицо является подозреваемым или обвиняемым по своему уголовному делу и свидетелем по уголовному делу в отношении его соучастников. В связи с этим сторонники данного подхода приходят к выводу об отсутствии какой-либо необходимости конструировать специальный процессуальный статус нового участника уголовного процесса [1, с. 40, 41; 2, с. 52, 53].

Другие авторы, с учетом того что ДСС заключается с обвиняемым для оказания им содействия в раскрытии и расследовании уголовного дела, т. е. осуществления деятельности, нетипичной для стороны защиты, именуют его «экстраординарным»¹, «особым» [3, с. 43] обвиняемым, «заинтересованным осужденным» [4, с. 18]. Этот подход иллюстрирует позиция авторов, называющих рассматриваемого участника судопроизводства «соучастником преступления», заключившим ДСС, и предлагающих вследствие этого соответствующую статью включить

в главу УПК РФ, посвященную стороне защиты [5, с. 98].

Еще одна группа исследователей исходит из того, что процессуальная функция участника уголовного процесса, указанного в ст. 56.1 УПК РФ, ближе всего к оказанию содействия осуществлению правосудия, в связи с чем именует его «заинтересованным» [6, с. 19] или «особым» [7, с. 286—287] свидетелем. Такой подход во многом основан на действующем законодательстве, относящем рассматриваемого субъекта к иным участникам уголовного процесса.

Однако в юридической литературе встречаются и возражения против отнесения лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением ДСС, к числу иных участников уголовного процесса. По мнению И. В. Головинской, М. В. Крестинского и И. И. Савельева, объединяющим критерием участников данной группы является отсутствие у них личного интереса в деле, чего нельзя сказать о рассматриваемом субъекте судопроизводства. Поэтому предлагается отнести его к группе участников со стороны обвинения [8, с. 44].

Особо следует выделить позицию авторов, для которых «гибридный» характер процессуального статуса рассматриваемого участника уголовного процесса становится непреодолимым препятствием в решении вопроса о его процессуальной функции. Так, И. А. Косарева, рассматривая процессуальную функцию этого лица как «промежуточную между функциями, осуществляемыми подозреваемым (обвиняемым) и свидетелем», высказывает мнение о невозможности отнесения рассматриваемого субъекта к какой-либо группе участников [9, с. 39]. Впрочем, такое решение вряд ли может быть признано удовлетворительным. Заявление автора об «особенности и неповторимости функции и места» лица, заключившего ДСС, «как самостоятельного субъекта права» [9, с. 68], по сути, выглядит как констатация несостоятельности современной теории процессуальных функций, неспособной объяснить всех правовых явлений, встречающихся в судопроизводстве. Очевидно, что столь серьезные выводы нуждаются в более развернутой аргументации и предметном исследовании самой теории процессуальных функций.

¹ Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов РФ о проекте федерального закона № 75674-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления». URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/the-legal-position-of-the-federal-chamber-of-lawyers-of-the-russian-federation%2032/> (дата обращения: 02.01.2024).

В юридической литературе обоснованно отмечается, что практика допроса лиц, уголовные дела в отношении которых выделены по тем или иным основаниям в отдельное производство, существовала и до введения в УПК РФ ст. 56.1. На этом основании О. Л. Васильев пришел к выводу о необходимости наделения особым статусом всех лиц, уголовные дела в отношении которых выделены и которые дают показания по основному делу в отношении своих бывших «подельников» [1, с. 39—40]. Словно продолжением этой мысли является предложение Н. Ю. Волосовой внести изменения в ст. 56.1 УПК РФ, распространив ее на лиц, уголовные дела в отношении которых выделены в отдельное производство по любым основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законом, в случае их допроса по делам их бывших «подельников» (для обозначения которых автор использует термин «соучастники») [10, с. 41].

Но можно ли ставить знак равенства между лицами, уголовные дела в отношении которых выделены в связи с заключением ДСС, с одной стороны, и по другим предусмотренным законом основаниям — с другой? Положительный ответ на этот вопрос возможен только в том случае, если судить о процессуальной функции участников судопроизводства, исходя исключительно из внешних проявлений их активности в уголовном процессе (все они дают показания в рамках уголовных дел, по которым ранее были привлечены в качестве обвиняемого). Однако если анализировать процессуальную функцию лица, заключившего ДСС, исходя из функционального интереса [11, с. 85] этого субъекта, то становится очевидным, что она все же отличается от функций подозреваемых и обвиняемых, уголовные дела в отношении которых выделены в отдельное производство по иным основаниям.

Если функциональный интерес подозреваемого (обвиняемого) исчерпывается стремлением защититься от предъявленного обвинения, доказать его несостоятельность или добиться смягчения наказания, то у лица, заключившего ДСС, функциональный интерес изменяется. Наряду с общим появляется специальный (особый) интерес, выражающийся в стремлении выполнить условия ДСС. На эту существенную особенность обратил внимание Д. Н. Стацюк, отметив, что по уголовному делу, выделенному в отдельное производство, процессуальный интерес лица, заключившего ДСС, состоит в получении минимального наказания или освобождении от него, а по уголовному делу в отношении соучастника — в том, чтобы результаты сотрудни-

чества были учтены и рассмотрены в качестве подтверждения соблюдения условий и выполнения обязательств по соглашению [12, с. 15, 57].

Понятно, что и подозреваемый (обвиняемый), уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство по каким-то иным основаниям, может совершать схожие действия: например, своими показаниями изобличать соучастников. Однако следует отдавать себе отчет в том, что такая деятельность будет осуществляться обвиняемым в рамках *общего правоотношения* («обвинение — защита») и выступать формой реализации принадлежащих ему *прав*. Действия же лица, заключившего ДСС, будут осуществляться в рамках *нового процессуального правоотношения*, возникшего как раз вследствие заключения такого соглашения (на что также обоснованно указывает Д. Н. Стацюк, правда, ошибочно квалифицируя это правоотношение как материально-правовое [12, с. 14—15]). Вместе с тем совершение таких действий будет составлять уже не право, а вытекающую из ДСС *обязанность*.

На этом основании следует прийти к выводу, что с момента заключения ДСС процессуальная функция обвиняемого усложняется, включая в себя, во-первых, защиту от обвинения, а во-вторых, оказание содействия в отправлении правосудия (в рамках исполнения обязательств, принятых им на себя по ДСС). Соответственно, *усложненный состав правоотношений, участником которых является лицо, заключившее ДСС, появление у него особого функционального интереса, связанного с выполнением принятых им по ДСС обязательств, должно неизбежно отражаться на его процессуальном статусе*.

Здесь надо заметить, что заключение ДСС не обязательно влечет за собой появление в уголовном процессе участника, указанного в ст. 56.1 УПК РФ. Для этого еще требуется, во-первых, выделение уголовного дела в отдельное производство, а во-вторых, привлечение лица к участию в следственных действиях по основному уголовному делу. И если выделение уголовного дела составляет при условии выполнения лицом обязательств, принятых им по ДСС, неперенный элемент процессуальной формы (в противном случае невозможно применить особый порядок судебного разбирательства), то участие лица в производстве по основному уголовному делу на практике может иметь место далеко не всегда. Например, в этом может не возникнуть необходимости, когда выделение уголовного дела в отдельное производство происходит на завершающем этапе расследования.

Подчеркнем, что вопрос о том, когда должно выделяться уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого, заключившего ДСС, в юридической литературе является дискуссионным.

Одни авторы придерживаются мнения, что выделение уголовного дела в отдельное производство как уголовно-процессуальная мера безопасности является «преимущественно обязательной» [13, с. 205]. Другие считают, что выделение уголовного дела должно осуществляться одновременно с заключением подозреваемым (обвиняемым) ДСС независимо от наличия фактической угрозы безопасности [12, с. 102]. Третьи отстаивают позицию, согласно которой вопрос о том, на каком этапе расследования выделять уголовное дело в отношении соответствующего подозреваемого или обвиняемого, должен решаться по усмотрению следователя [14, с. 42; 15, с. 172].

Позиция авторов, настаивающих на необходимости выделения уголовного дела в отдельное производство сразу после заключения ДСС, выглядит логично: без выделения уголовного дела лицо не может приобрести процессуальный статус, закрепленный в ст. 56.1 УПК РФ [16, с. 32]. Вместе с тем, как уже было сказано выше, выделение уголовного дела в отдельное производство само по себе не является гарантией появления у лица такого статуса, ведь оно может и не быть привлечено к участию в процессуальных действиях по основному уголовному делу. Кроме того, нельзя не сказать о том, что даже в случае привлечения лица, с которым заключено ДСС, к участию в процессуальных действиях по основному уголовному делу оно не приобретет какого-то уникального процессуального статуса. Трудно не заметить, что его процессуальное положение мало чем будет отличаться от лица, уголовное дело в отношении которого было выделено по какому-то иному основанию. Позиции и того, и другого в той же мере не могут признаваться нейтральными; они пользуются равными процессуальными правами и при этом подлежат привлечению к уголовной ответственности ни за отказ от дачи показаний, ни за дачу заведомо ложных показаний. Что же касается угрозы применения общего порядка судебного разбирательства в отношении лица, заключившего ДСС, то она не обособляет, а, наоборот, сближает его процессуальное положение с иными лицами, допрашиваемыми по делам их бывших «подельников» (в отношении которых в любом случае будет применен общий порядок судебного разбирательства). Данное сходство обнажает серьезную проблему действующего уголовно-процессуального законо-

дательства: *усложнение процессуальной функции лица, заключившего ДСС, возникновение договорных правоотношений и дополнительных обязательств фактически не отражаются на процессуальном статусе такого лица.*

Заключая ДСС, сторона обвинения рассчитывает получить от обвиняемого всю значимую для уголовного дела информацию, которой тот располагает. «Соглашение о сотрудничестве с обвинением, — как верно отмечает П. В. Эдилова, — является тем механизмом, который способствует и направлен в первую очередь на установление истины по делу...» [17, с. 11—12]. Поэтому в рамках ДСС обвиняемый обязуется оказывать стороне обвинения содействие в раскрытии и расследовании преступления, изобличении других соучастников преступления, розыске имущества и др.¹, т. е. осуществлять процессуальную деятельность, характерную для иных участников уголовного процесса.

С этой целью лицо, заключившее ДСС, отказывается от свидетельского иммунитета, освобождающего его от обязанности давать показания, что и сближает его процессуальное положение со свидетелем. Проконтролировать исполнение лицом, заключившим ДСС, данного условия несложно — о его нарушении свидетельствует отказ от дачи показаний при наличии сведений, что лицо соответствующей информацией обладает. Поскольку принуждение к даче показаний, как и их получение вопреки воле обвиняемого невозможно, единственной реакцией со стороны обвинения на умолчание лица об имеющих значение для дела обстоятельствах может быть расторжение заключенного с ним ДСС.

Дача достоверных показаний по уголовному делу составляет самостоятельную обязанность лица, заключившего ДСС. Эта обязанность никак не связана со свидетельским иммунитетом, а значит, должна обеспечиваться самостоятельными и достаточными гарантиями. В отношении свидетеля такой гарантией выступает возможность привлечения его в случае нарушения к уголовной ответственности. Лицо, заключившее ДСС, такой ответственности не несет, поэтому в качестве гарантии достоверности даваемых им показаний рассматривается

¹ По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5088.

угроза расторжения ДСС и лишение его тем самым права на применение особого порядка судебного разбирательства. В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации отмечает необходимость предупреждения лица, заключившего ДСС, в случае привлечения его к участию в следственных действиях по основному уголовному делу о последствиях нарушения обязательств, указанных в ДСС и предусмотренных гл. 40.1 УПК РФ.

По мнению И. А. Косаревой, в данном случае лицу, нарушающему условия ДСС, угрожает вполне реальная ответственность, которая имеет уголовно-процессуальную форму и заключается в возможном пересмотре итогового судебного решения. В то же время замена уголовной ответственности на уголовно-процессуальную признается автором равнозначной и достаточной гарантией достоверности показаний в отношении других соучастников [9, с. 88, 146].

С таким подходом согласны не все исследователи. Как резонно замечает А. В. Победкин, перспектива получить справедливое наказание (а это худшее, что может произойти с лицом в случае утраты им права на применение особого порядка судебного разбирательства. — *И. Д.*) не может рассматриваться как ответственность, а потому не является действенным средством против дачи ложных показаний. На этом основании автор приходит к выводу, что положения ч. 3 ст. 56.1 УПК РФ не могут свидетельствовать о юридической обязанности лица, заключившего ДСС, давать показания или об ответственности за их ложность [2, с. 48, 52].

Надо сказать, что в ситуации заключения ДСС вероятность и опасность дачи лицом заведомо ложных показаний существенно возрастает. Повышение вероятности обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, вполне понятным стремлением самого лица переложить ответственность на других «подельников», приуменьшить собственную роль в совершении преступления. Как пишет А. С. Шатапов, возможность того, что «обвиняемый может оговорить кого угодно, чтобы избежать справедливого наказания», является главным недостатком сделок с правосудием [18, с. 35]. Во-вторых, нельзя полностью исключить возможность злоупотреблений со стороны органов расследования, оказания незаконного давления на обвиняемого под угрозой расторжения ДСС в случае отказа дать «нужные» показания. Повышенная опасность лжесвидетельства со стороны лица, заключившего ДСС, связана с тем, что показания такого лица могут вызвать у суда, оценивающего их по своему внутреннему убеждению, большее доверие, поскольку

исходят они от участника процесса, позиционируемого как «раскаявшийся в содеянном и активно содействующий установлению истины по делу».

Исходя из сказанного, необходимо усилить гарантии против лжесвидетельства со стороны лица, с которым заключено ДСС. Угроза расторжения такого соглашения и рассмотрения уголовного дела в отношении лица в общем порядке вряд ли является достаточной мерой предупреждения дачи заведомо ложных показаний. В связи с этим заслуживают поддержки предложения предупреждать лицо, заключившее ДСС, об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний [16, с. 33].

Однако действующая редакция ст. 307 УК РФ не предусматривает привлечение лица, заключившего ДСС, к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний: в качестве субъектов данного преступления уголовный закон называет только свидетеля, потерпевшего, эксперта и специалиста. Такая законодательная регламентация представляется недостаточной, поскольку не учитывает происходящие в уголовном процессе изменения. В уже упомянутом постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, отрицая возможность предупреждения такого лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, вместе с тем указывает, что обязанность давать правдивые показания об известных ему обстоятельствах дела вытекает «из основанного на законе и заключенного им по собственной воле» ДСС.

Но разве заключение ДСС не может рассматриваться в качестве юридического факта, с которым закон мог бы связывать приобретение гражданином статуса субъекта преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ? По нашему мнению, может и должно. И такая регламентация была бы далеко не единственным в уголовном законе примером, когда возможность привлечения лица к уголовной ответственности обусловлена договорными отношениями, в которые субъект вступает добровольно. Речь идет, в частности, о должностных преступлениях, совершаемых лицами, осуществляющими свои полномочия на основании трудового договора. Ведь гражданин оказывается в числе субъектов, подлежащих в случае совершения определенного преступления привлечению к уголовной ответственности именно потому, что вступает в трудовые отношения и занимает соответствующую должность. Такая же конструкция должна, как представляется, применяться и в отношении дачи заведомо ложных показаний лицом, заключившим ДСС. До заключения такого соглашения обвиняемый не подлежит

уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. Но, принимая на себя обязательство содействовать осуществлению правосудия, в том числе путем дачи правдивых показаний об известных ему обстоятельствах дела, гражданин должен осознавать, что с этого момента он несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний. Другими словами, заключение ДСС должно выступать юридическим фактом, превращающим гражданина в специальный субъект преступления.

Предлагаемая мера, с одной стороны, никак не нарушила бы прав обвиняемого, поскольку заключение ДСС носит добровольный характер (закон не предусматривает каких-либо негативных последствий в случае отказа лица от заключения такого соглашения), а с другой — обеспечила бы действенные гарантии установления истины по делу, что весьма актуально с учетом повышенной общественной опасности лжесвидетельства со стороны лица, позиционируемого как активно содействующее правосудию.

С процессуальной точки зрения именно возможность привлечения лица, заключившего ДСС, к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, максимально приближая его правовое положение к свидетелю, должна выступать тем самым элементом процессуального статуса рассматриваемого субъекта, который реально отражает изменение (усложнение) его процессуальной функции.

Включение в число субъектов преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ, лица, заключившего ДСС, обеспечило бы изменение процессуального статуса не только лица, уголовное дело

в отношении которого выделено в отдельное производство, допрашиваемого по основному уголовному делу, но и обвиняемого, с которым заключено ДСС, в ситуации, когда уголовное дело в отношении него не выделено.

Подведем итоги. Заключение ДСС приводит к усложнению процессуальной функции субъекта — наряду с защитой он принимает на себя обязательство оказывать содействие осуществлению правосудия. Масштабы происходящей трансформации процессуальной функции велики не настолько, чтобы говорить о появлении в уголовном процессе нового участника. Заключив ДСС, подозреваемый или обвиняемый, если уголовное дело в отношении него не выделено в отдельное производство, сохраняет свой процессуальный статус, выступая на стороне защиты. После выделения уголовного дела в отдельное производство такое лицо участвует в производстве по основному уголовному делу, по сути, в качестве свидетеля. Рассматривать его как «процессуальный гибрид» оснований нет, ведь в случае допроса по основному делу он уже не является обвиняемым — уголовное преследование в отношении него происходит в рамках выделенного уголовного дела. Его основной процессуальной функцией становится содействие осуществлению правосудия, что должно найти отражение в его процессуальном статусе. Элементом, придающим специфику его статусу, должно стать усиление гарантий достоверности даваемых им показаний, выражающееся в отнесении данного лица к субъектам преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ.

1. Васильев О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. 2009. № 1. С. 37—41.

2. Победкин А. В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 47—57.

3. Авдеев В. Н., Воскобойников И. О. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 42—44.

4. Аширбекова М. Т. Процессуальный кентавр: «заинтересованный осужденный» // Уголовное судопроизводство. 2018. № 1. С. 16—20.

1. Vasiliev O. L. A new participant of the criminal process or a semblance of improvement of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation? Criminal Procedure, 37—41, 2009. (In Russ.).

2. Pobedkin A. V. Neither the accused nor the witness: the creation of "being without need". Bulletin of Ufa Law Institute of MIA of Russia, 47—57, 2018. (In Russ.).

3. Avdeev V. N., Voskoboynikov I. O. Some reflections on the regulation in Article 56.1 of the CPC of the Russian Federation of the procedural status of a new participant in criminal proceedings. Russian Justice, 42—44, 2019. (In Russ.).

4. Ashirbekova M. T. Procedural centaur: "interested convict". Criminal Procedure, 16—20, 2018. (In Russ.).

5. Яковлева С. А., Конюшков П. С. Вопросы определения процессуального статуса лица, совершившего преступление в соучастии и заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // *Мариинский юридический вестник*. 2017. № 2 (21). С. 95—99.

6. Лазарева В. А. Лицо, в отношении которого... // *Мировой судья*. 2019. № 2. С. 15—19.

7. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2023. 507 с.

8. Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И. Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // *Современное право*. 2019. № 3. С. 42—46.

9. Косарева И. А. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве: теоретический, правовой и правоприменительный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. 214 с.

10. Волосова Н. Ю. О дискуссионных вопросах допроса соучастников преступления и определении их процессуального статуса // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 4. С. 37—42.

11. Бозров В. М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть: монография. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. акад., 2012. 96 с.

12. Стацюк Д. Н. Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 221 с.

13. Каац М. Э. Проблемные стороны российского института соглашения о сотрудничестве (досудебный период) // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2019. № 2. С. 202—207.

14. Горюнов В. В. Новый правовой институт // *Законность*. 2010. № 5. С. 40—43.

15. Костенко Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013. 238 с.

16. Стацюк Д. Н. К вопросу о законодательной регламентации процессуального положения лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве // *Вестник Уральского юри-*

5. Yakovleva S. A., Konyushkov P. S. Issues of determining the procedural status of a person who committed a crime in complicity and concluded a pretrial cooperation agreement. *Mariyskiy juridical bulletin*, 95—99, 2017. (In Russ.).

6. Lazareva V. A. Person in respect of whom... *Justice of the Peace*, 15—19, 2019. (In Russ.).

7. Latypov V. S. Assistance to the administration of justice in the criminal process of Russia: conceptual and normative-legal foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ufa; 2023: 507. (In Russ.).

8. Golovinskaya I. V., Krestinsky M. V., Save-lyev I. I. Some problems of realization of constitutional and criminal procedural guarantees of the rights of persons in the course of criminal proceedings. *Modern Law*, 42—46, 2019. (In Russ.).

9. Kosareva I. A. The person in respect of whom the criminal case is allocated to a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him: theoretical, legal and law-enforcement analysis. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2023: 214. (In Russ.).

10. Volosova N. Yu. On the discussion issues of interrogation of co-conspirators of a crime and determination of their procedural status. *Gaps in Russian legislation*, 37—42, 2016. (In Russ.).

11. Bozrov V. M. Fundamentals of the theory of criminal procedural functions. General part. Monograph. Yekaterinburg: Ural State Law Academy; 2012: 96. (In Russ.).

12. Statsyuk D. N. The procedural status of the person with whom a pre-trial agreement on cooperation is concluded. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2022: 221. (In Russ.).

13. Kaats M. E. Problematic sides of the Russian institute of cooperation agreement (pre-trial period). *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 202—207, 2019. (In Russ.).

14. Goryunov V. V. New legal institute. *Legality*, 40—43, 2010. (In Russ.).

15. Kostenko N. S. Pretrial agreement on cooperation in the criminal process: legal and organizational issues of conclusion and implementation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2013: 238. (In Russ.).

16. Statsyuk D. N. To the issue of legislative regulation of the procedural status of the person with whom a pretrial cooperation agreement is concluded. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 31—35, 2021. (In Russ.).

дического института МВД России. 2021. № 2 (30). С. 31—35.

17. Эдилова П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвиняемым в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 245 с.

18. Шаталов А. С. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: правовая регламентация, достоинства и недостатки // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 35—44.

17. Edilova P. V. Agreement on cooperation with the accused in criminal proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2017: 245. (In Russ.).

18. Shatalov A. S. Conclusion of a pre-trial agreement on cooperation: legal regulation, advantages and disadvantages. Journal of Russian Law, 35—44, 2010. (In Russ.).

Дикарев Илья Степанович,

директор института права
Волгоградского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент;
iliadikarev@volsu.ru

Dikarev Ilya Stepanovich,

director of the law institute
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, docent;
iliadikarev@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 20.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A214

**ВЗГЛЯДЫ УЧЕНЫХ
НА СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ
УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ**

Владимир Васильевич Дорошков

МГИМО МИД России, Москва, Россия, doroshkov.vv@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи — проанализировать современную научную полемику по поводу термина «уголовное правосудие» и его содержания, наметить направления дальнейших научных исследований в данной сфере. В качестве методологической основы исследования определены диалектический метод познания, общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, а также изучение философско-правовой мысли, основанное на понимании сущностных различий в содержании уголовного правосудия в разных государствах.

Автор, проанализировав взгляды современных процессуалистов, делает вывод о приоритетности для российского общества нравственности и совести, сострадания и согласия, духовного единства и общности в качестве основы нашего мировоззрения и правосудия. Обосновываются выводы о том, что между правами человека и нравственными основами русской цивилизации не будет противоречий при условии, если права человека не станут рассматриваться в качестве главной, а тем более единственной основы отношений между людьми. По мере роста роли интересов общества и обеспечения прав конкретного человека, роста конкуренции на первый план выдвигается задача защиты общих интересов.

Ключевые слова: истина, либеральные реформы, нравственность, права человека, уголовное правосудие, цифровизация

Для цитирования: Дорошков В. В. Взгляды ученых на современное российское уголовное правосудие // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 46—52. doi: 10.25724/VAMVD.A214

SCIENTISTS' VIEWS ON ACTING RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE

Vladimir Vasilievich Doroshkov

MGIMO University, Moscow, Russia, doroshkov.vv@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze modern scientific controversy of the term "criminal justice" and its content, to mark out further research focuses in this area. The dialectical cognition method, general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, as well as the study of philosophical and legal thought based on an understanding of the essential differences in the content of criminal justice in various states are settled as the methodological basis of the research.

Having analyzed the views of modern proceduralists, the author concludes that morality and conscience, compassion and accordance, spiritual harmony and solidarity have priority in Russian society as the basis of our worldview and justice. The conclusions are substantiated that there will be no contradictions between human rights and the moral foundations of Russian civilization, provided that human rights are not considered as the main and even more so the only basis for relations between people. As the role of the interests of society, ensuring the rights of a particular person and competition grows, the task of protecting common interests comes to the fore.

Keywords: truth, liberal reforms, morality, human rights, criminal justice, digitalization

For citation: Doroshkov V. V. Scientists' views on acting Russian criminal justice. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 46—52, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A214

Поиск точной и полной дефиниции термина «уголовное правосудие», которая отражала бы его современную сущность, по-прежнему остается важной и сложной задачей, стоящей перед российскими учеными-юристами. На страницах журнала «Мировой судья» развернулась острая научная дискуссия по поводу понятия и содержания указанного термина после опубликования моей статьи, в которой я проанализировал либеральные и консервативные взгляды на современное отечественное правосудие, рассматривающие его в широком и узком смысле, а также как процесс и результат деятельности судов, и предложил комплексно исследовать данный правовой феномен [1].

Этому способствовали не только сам процесс дальнейшего развития уголовного правосудия, но и открытия, совершенные в естественных науках, в психологии, которые в свою очередь помогли получению новых знаний в гуманитарных науках, в том числе юриспруденции. Ведь гносеологической основой реалистического подхода к пониманию сущности любого процесса, явления, в частности уголовного правосудия, должна оставаться современная материалистическая диалектика, которая, как общая теория познания, продолжает активно совершенствоваться за счет философского осмысления достижений естественных и гуманитарных наук, бурно развивающихся в последние 30 лет когнитивных наук (когнитивной психологии, когнитивной нейронауки, эволюционной эпистемологии и исследований в области искусственного интеллекта).

Сегодня исследователям нужно исходить из того, что термин «уголовное правосудие» не обладает неизменным содержанием применительно к каждому конкретному обществу, государству в различные периоды их развития, по-разному понимается не только учеными, но и законодателями, что объективно предопределено складывающимися ныне реалиями. Что же произошло в современном мире?

Во-первых, в целях защиты своего суверенитета в условиях однополярного мира отдельные страны вынуждены были отказаться от идеи глобализации и построения однополюсного мира, заменив ее идеей регионализации мирового сообщества с новыми центрами силы, создавая перспективные международные объединения, включающие страны, разочаровавшиеся в политике, проводимой США, Великобританией, Евросоюзом.

Во-вторых, присущие российской правовой ментальности коллективистские и солидаристские ценности становятся в мире все востребованнее по мере того, как господствующая в нынешнем западном праве идеология воинствующего инди-

видуализма проявляет свою ангажированность и нацеленность на утверждение эгоистических интересов наиболее сильных субъектов глобального взаимодействия. Требуется адаптация идеи русской философии права о равенстве, коллективизме и справедливости к современной крайне сложной правовой реальности.

В-третьих, в условиях приоритета либеральной идеологии обозначились контуры широкой цифровизации мировой экономики. Внедрение цифровых технологий затронуло и правосудие. На смену печатному слову, звуку, изображению пришли электронные чипы. В связи с этим в научной среде обозначились совершенно противоположные точки зрения по поводу дальнейших путей развития правосудия. Одни ученые предлагают пойти дальше апробированных форм судебной деятельности (видеоконференции, дистанционное рассмотрение дел в период пандемии) и начать применять цифровые технологии в содержательной работе (например, составление судебного решения по заданному алгоритму). Другие же, принимая саму идею автоматической обработки исходной информации, настаивают на том, что правосудие — это не только и не столько технология, сколько мыслительный процесс вынесения решения на основе толкования принципов и норм права, фактических обстоятельств дела, учитывающий не только букву, но и дух закона.

В-четвертых, после глобальных либеральных реформ, проведенных в России по западному образцу, в целях сохранения суверенитета нашего государства все больше становятся востребованными теория и философия права, которые способны не только учитывать национальные духовно-нравственные ценности, традиции российского народа, но и достойно включать их в контекст мировой философско-правовой мысли. Ведь именно философия права помогает адекватно понимать мир права и ориентироваться в меняющейся политической жизни, оценке правовых ценностей, поскольку предметом ее изучения являются генезис и сущность права, соотношение права с властью, свободой, справедливостью, критика существующих теорий права, соотношение права с моралью и иными социальными нормами.

Теоретическая одномерность современного правопонимания, отрывающая право от социокультурного контекста обществ, справедливо признается одним из факторов нынешнего кризиса права и правовой демократии. Решение данной проблемы, на мой взгляд, следует искать на пути смены все еще доминирующей модернистской парадигмы правовой теории с ее ярко выраженными европо-

центризмом и антропоцентризмом. По этой причине Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин вынужден был признать, что «сегодня, устав от релятивизма постмодернистского политически-волатильного права, многие общества приходят к осознанию, что право — не „чистая“ форма, нейтральная к ее содержанию, и что национальная правовая система не может функционировать — и, соответственно, правовое развитие общества невозможно — в отрыве от его исторической, моральной и ценностной основы» [2].

В-пятых, Россия еще в марте 2022 г. официально, законодательно прекратила членство в Совете Европы с одновременным отказом выполнять решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), вступившие в силу после 15 марта 2022 г. После 16 сентября 2022 г. ЕСПЧ вообще перестал рассматривать жалобы, поданные против России, на действия, совершенные после этой даты, однако продолжит рассматривать все обращения по поводу нарушений, совершенных до 16 сентября 2022 г. Кроме того, ЕСПЧ продолжит контроль за уже вынесенными постановлениями. Поэтому в своем выступлении Т. Я. Хабриева справедливо обратила внимание на то, что «перед лицом современных вызовов оказался и конституционализм как доктрина и практика организации государственной и общественной жизни» [3, с. 18].

В-шестых, в последние годы наблюдается бум исследований, касающихся персонализированного права, возрос интерес к идее персонализированного права, предполагающего разработку и реализацию индивидуализированных правовых норм посредством алгоритмической обработки данных, подобно тому, как компании персонализируют свои услуги с использованием технологий больших данных. Эти данные и технологии их обработки в контексте правового регулирования создают предпосылки для фундаментальных изменений относительно порядка принятия и реализации правовых норм: единообразные правила могут уступить место детализированным нормам, которые «примеряются» к нуждам, ожиданиям, особенностям и условиям жизни конкретного человека, открывая возможности для достижения беспрецедентной степени регулятивной точности.

Подчеркивая важность определения сущности уголовного правосудия, один из современных отечественных исследователей данного правового феномена С. В. Бурмагин подметил: «Решение вопроса о том, какие действия и решения суда охватываются понятием уголовного правосудия, имеет для уголовного судопроизводства не только

теоретико-доктринальное, но и методологическое и практическое значение» [4].

Сторонники либеральных взглядов на уголовное правосудие считают, что правосудие:

— представляет собой «судебную деятельность по рассмотрению любых вопросов, связанных с производством по уголовному делу, причем на любой стадии процесса»;

— образует систему политико-правовых отношений, норм, идей, взглядов и понятий, реализуемых в процессуальных формах деятельности «в целях достижения социальной справедливости, охраны законных прав, свобод и интересов личности, общества и государства, обеспечения законности, борьбы с преступностью, ее ограничения, нейтрализации»;

— направлено на разрешение любого правового вопроса как «процессуальная правоприменительная деятельность органов судебной власти».

В частности, профессор В. В. Николюк, активно занимающийся изучением проблем судопроизводства на разных стадиях уголовного процесса, полагает, что правосудие — настолько сложный объект, что в принципе выработать его однозначное научно-достоверное определение затруднительно, если вообще возможно, независимо от используемой исследовательской методологии. Одновременно он обращает внимание на то, что Конституционный Суд Российской Федерации устранил барьер, отделявший судебный контроль за оперативно-разыскными мероприятиями от уголовного судопроизводства и правосудия [5].

Доктор юридических наук Л. А. Пупышева утверждает, что правовая теория еще не приблизилась к пониманию идеала правосудия. Однако, как показывают многочисленные литературные источники, устоявшееся понимание генезиса и сущности правосудия в отечественной юридической науке достигнуто. Судебная деятельность по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, объективно должна быть включена в содержание уголовного правосудия [6].

С. В. Милицин подчеркнул, что сторонники широкого понимания уголовного правосудия, по сути, ставят знак равенства между судебной деятельностью по уголовным делам и уголовным правосудием. Употребление двух понятий применительно к одному и тому же явлению отнюдь не способствует стройности любой научной теории.

Традиционное (узкое) понимание правосудия по уголовным делам имеет одно несомненное преимущество перед любыми другими трактовками этого термина — оно выглядит максимально определенным и независимым от изменений текущего

законодательства. Поэтому можно определить уголовное правосудие несколько иначе: как деятельность суда по реализации уголовной ответственности или освобождению от нее в установленных законом случаях. Все остальные общественные отношения, складывающиеся при производстве по уголовным делам с участием суда, являются сопутствующими или вспомогательными по отношению к уголовному правосудию и, следовательно, не охватываются этим понятием [7].

Бывший мировой судья Ю. А. Цветков рассматривает правосудие не только в процессуальном аспекте и подчеркивает, что правосудие — одна из тех высших социальных ценностей, которую человечество могло бы представить в свое оправдание на суде истории, а поэтому необходимо отделить судебное разбирательство от других способов разрешения правовых споров и социальных конфликтов, которые судопроизводством не являются. Правильное с точки зрения закона разрешение спора судебным методом не в каждом случае творит правосудие.

Правосудие, по его мнению, — это некое качество, которого судья либо достигает в своей деятельности, либо нет, даже если формально решение соответствует всем требованиям, прошло проверку в судебном-контрольных стадиях, не отменено и вступило в законную силу. Следовательно, правосудие — деятельность судей по разрешению споров и конфликтов, приводящая к принятию ими таких решений, которые соответствуют представлениям общества о правильном и справедливом [8].

Активный сторонник либеральных реформ и построения сильной судебной власти в России В. М. Бозров, признавая фактически классовую сущность любого государства и наличие соответствующей уголовной политики любого государства, утверждает, что если рассматривать правосудие как средство либо форму осуществления государственной власти (а другого не дано) и ее цели, то надо констатировать, что действительно судебный процесс есть не что иное, как разрешение спора о праве в состязательном судопроизводстве в соответствии с законом, но никак не в пользу «слабого», поскольку за защитой нарушенных прав обращается не только «слабый», но и «сильный».

Правосудие, на его взгляд, охватывает всю без исключения деятельность судьи по уголовным делам вне зависимости от процессуальных стадий, ибо только в такой постановке проблемы судебное верховенство будет являться единым принципом деятельности суда, влияющим на все процессуальные стадии, а не локальным его свойством [9].

Сотрудник правоохранительных органов Н. С. Пономарев обращает внимание на то, что в уголовный процесс пытаются внедрить — и порой небезуспешно — рыночные отношения, извращающие суть правосудия. В частности, в период либеральных реформ созданы специальные гарантии неприкосновенности предпринимателей от уголовного преследования, введен особый порядок возбуждения в отношении них уголовных дел. Следовательно, исходной и конечной целью уголовного правосудия является не защита, а восстановление нарушенных прав и свобод. Это те идеалы и социальные блага, к которым фактически стремится уголовное правосудие. «Нельзя упускать из виду и тот немаловажный факт, что заведомо ложная цель порождает завышенные общественные ожидания, и когда она не достигается, у граждан рушатся иллюзии, растет недовольство и разочарование правосудием. Не здесь ли кроются многие беды уголовного правосудия, обращенного в силу своей природы к прошлому преступной деятельности?» [10].

Профессор Н. А. Колоколов справедливо напоминает: не случайно в основных европейских языках понятия «правосудие» и «справедливость» не разделяются. Поэтому уголовное правосудие — деятельность весьма затратная, как для государства (для которого она однозначно в целом планово-убыточная), так и для некоторых его участников (в частности, обвиняемые порой вынуждены идти на весьма серьезные инвестиции в свою защиту). Уголовное правосудие — частное проявление правосудия вообще. Особо следует подчеркнуть, что речь идет об одной из форм публичной (именно государственной) власти.

По его убеждению, уголовное правосудие — *во-первых*, метафизическая и историческая реальность, уникальные закономерно возникающие общественные отношения, социальная природа которых в потенциальной способности человечества на основе таких социальных ценностей, как уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, посредством определенных форм речи и прочих символов разрешать социальные конфликты, квалифицируемые как преступления. Уголовное правосудие — это постулируемая человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социального конфликта, обусловленного совершением преступления.

Во-вторых, уголовное правосудие характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью. Особенность применения силы государством в рамках уголовного правосудия заключается

в том, что она исходит не только от государства (изнутри), но и от его аппарата, для общества, как бы извне.

В-третьих, уголовное правосудие — форма творчества, позволяющая участникам процесса, в первую очередь судам, находить оригинальные конфигурации прежних ресурсов и функций. Надстраиваемая в рамках уголовного правосудия коммуникация порождает новый смысл жизни народа, гарантирует ему новую увязку целей и средств, выдвигает новые критерии и основания власти и подчинения, обеспечивает эффективность целедостижения.

В-четвертых, уголовное правосудие — разновидность проявления усмотрительной следственной, прокурорской и судебной власти (discretionary power), которая ограничена юридическими нормами и осуществляется только в процессуальной форме. Естественно, процессуальное усмотрение должно быть мотивированным.

В-пятых, уголовное правосудие — реальное господство, имеющее материальную составляющую уже в силу того, что оно — позитивное знание конкретного народа (нации). Технологический аспект уголовного правосудия заключается в совокупности социальных практик, позволяющих реализовать способность государства к разрешению конфликтных ситуаций. Коммуникативная составляющая уголовного правосудия выражается в том, что это юридический язык, понятный всем субъектам властеотношений.

В-шестых, уголовное правосудие — составная часть государственной власти, власти политической. Авторитет уголовного правосудия поддерживается целым перечнем факторов: 1) в его основе реальная подсудность (чем она шире, тем более значим суд); 2) чем чаще участники споров прибегают к уголовному правосудию, тем оно авторитетнее; 3) роль уголовного суда обусловлена стабильной судебной-правовой политикой государства.

Для уголовного правосудия характерна своя собственная партократия — власть сильных, организованных в государство членов общества, над слабыми — лицами, пренебрегающими общепризнанными правилами поведения. «Ключевую роль в уголовном правосудии играет бюрократия — власть уполномоченных (следователей, прокуроров и судей) над неуполномоченными (участниками процесса), для которой характерны следующие недостатки: 1) дела рассматриваются с позиции соответствующего чиновника; 2) субъекты права не спешат брать на себя ответственность за реше-

ния; 3) бюрократы изоциряются в изобретении способов обхода законов; 4) дела рассматриваются в зависимости от вкуса начальства; 5) любая бюрократия подвержена коррупции» [11].

Давно подмечено: чтобы правовые процессы были беспристрастны и справедливы, они должны быть эффективными, ведь реформы отечественного уголовного процесса нужны не для увеличения числа оправдательных приговоров, а для повышения уровня процессуальных гарантий лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, защиты их интересов и повышения качества правосудия по уголовным делам.

Наиболее важными направлениями оптимизации российского уголовного судопроизводства в истекший период реформирования судебной системы в России были избраны: «1) дальнейшее развитие упрощенных форм при расследовании и разрешении уголовных дел; 2) информатизация уголовного судопроизводства; 3) широкое распространение примирительных процедур по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести; 4) отказ от отдельных процессуальных норм, усложняющих излишним образом процесс производства по уголовным делам» [12].

Анализируя опыт многих стран, можно выделить два основных направления: 1) исключение из системы судебного уголовного разбирательства максимального числа уголовных дел, насколько это позволяют соображения национальной безопасности; 2) сокращение расходов на уголовное судопроизводство путем направления дел по возможности на рассмотрение в другие инстанции, что может сократить судебные издержки и позволит избежать прохождения всех стадий уголовного судопроизводства (предъявления обвинения, судебного разбирательства, вынесения приговора, заключения под стражу и отбывания наказания в местах лишения свободы). Речь при этом идет не об отказе от правосудия, а об использовании наиболее рентабельных процедур рассмотрения уголовных дел, альтернативных механизмов отправления уголовного правосудия.

Основанная на теории прав человека либеральная, индивидуалистическая идеология и практика в эпоху вызываемой глобализацией слабости государства подошла к своему пределу, за которым наступает состояние определенной общественной дезинтеграции, нормативного вакуума со всеми его криминогенными следствиями. Чтобы этого не произошло, в целях отстаивания суверенитета российское государство, как и судебная власть в России, должны демонстрировать свою силу

и компетентность. Следует помнить, что призванное вносить упорядоченность в общественные отношения, карать зло и активно поддерживать добрые нравы правосудие находится в прямой зависимости от конкретного типа государства и права, их экономической, политической и идеологической сущности, культуры.

Обзор результатов работы 10-го съезда судей России, прошедшего в 2023 г., показал, что в целях дальнейшего развития российского государства и общества перед отечественной судебной системой поставлены следующие задачи:

— повышение качества, оперативности и эффективности правосудия, доверия гражданского общества к суду;

— дальнейшее совершенствование судопроизводства, судебной защиты прав и законных интересов граждан и организаций;

— укрепление независимости судей, кадрового состава судебной системы и гарантий правового статуса судей;

— развитие и укрепление статуса работников аппаратов судов и их социальных гарантий;

— обеспечение конституционных гарантий финансирования судебной системы для полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом.

Однако, на наш взгляд, эти задачи выглядят как второстепенные и не затрагивают глобальных современных проблем в уголовном правосудии, связанных с изменением сущности государства и права, отраженных в изменениях, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., в Стратегию национальной безопасности 2021 г. Неспроста сегодня в научных исследованиях обращается внимание на уголовную политику, про-

водимую российским государством, на уголовное правосудие в свете зарождения новой культурной эпохи метамодерна применительно к идеологии умеренного консерватизма.

Возвращаясь к истокам правосудия, в частности к судоустройству в различных государствах, необходимо исходить из того, что трансформация современных судебных систем в мире в основном строится на трех базовых принципах: справедливости, пропорциональности, доступности. Справедливость не может быть достигнута без установления истины.

Признавая безусловную ценность прав и свобод человека как необходимого условия современного общественного устройства России, следует согласиться и с тезисом о приоритетности для российского общества нравственности и совести, сострадания и согласия, духовного единства и общины в качестве основы нашего мировоззрения и правосудия. Между правами человека и нравственными основами нашей цивилизации не будет существенных противоречий только при условии, что права человека не станут рассматриваться в качестве главной, а тем более — единственной основы отношений между людьми. Ведь в основании российской православной цивилизации всегда лежали принципы общинности, скрепленной сознанием единой судьбы, совести, сострадания, при которых этика становится выше закона. Нравственные ценности россиян должны рассматриваться в качестве духа права и признаваться выше закона и воли Всевышнего, при соблюдении лишь основного условия — чтобы не противоречили им. Именно в этом заключается сила мировоззрения россиян, с восторгом воспринимавших как идеи христианства, ислама, буддизма, так и коммунизма.

1. Дорошков В. В. Научная дискуссия по поводу понятия и содержания «уголовного правосудия» // *Мировой судья*. 2023. № 5. С. 2—10.

2. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // *Журнал конституционного правосудия*. 2019. № 4 (70). С. 1—8.

3. Хабриева Т. Я. Конституционное развитие в контексте современных вызовов и глобальных общественных трансформаций // *Государственная служба*. 2019. Т. 21, № 1. С. 17—25.

4. Бурмагин С. В. О сущности, понятии и пределах уголовного правосудия // *Уголовный процесс*. 2018. № 20. С. 32—53.

5. Николук В. В. Уголовное правосудие в сфере оперативно-розыскной деятельности // *Мировой судья*. 2023. № 10. С. 15—21.

1. Doroshkov V. V. Scientific discussion about the concept and content of "criminal justice". *Justice of the peace*, 2—10, 2023. (In Russ.).

2. Zorkin V. D. Metamodern law: problem statement. *Journal of constitutional justice*, 1—8, 2019. (In Russ.).

3. Khabrieva T. Ya. Constitutional development within a context of modern challenges and global social transformations. *State service*, 17—25, 2019. (In Russ.).

4. Burmagin S. V. On the essence, concept and limits of criminal justice. *Criminal process*, 32—53, 2018. (In Russ.).

5. Nikoluk V. V. Criminal justice in the field of operational search activities. *Justice of the peace*, 15—21, 2023. (In Russ.).

6. Пупышева Л. А. Реализация полномочий судебной власти в сфере исполнения приговоров как форма осуществления правосудия (к дискуссии о понятии и содержании уголовного правосудия // *Мировой судья*. 2023. № 10. С. 22—28.

7. Милицин С. В. Pars non est aequalis toti, или В продолжение дискуссии о понятии и содержании правосудия по уголовным делам // *Мировой судья*. 2023. № 12. С. 21—23.

8. Цветков Ю. А. Что такое правосудие вообще и уголовное правосудие в частности? // *Мировой судья*. 2023. № 12. С. 13—20.

9. Бозров В. М. Содержание и границы правосудия в уголовном процессе: очередная дискуссионная волна // *Мировой судья*. 2024. № 1. С. 2—6.

10. Пономарев Н. С. Уголовное правосудие — это восстановительная юстиция // *Мировой судья*. 2024. № 2. С. 2—8.

11. Колоколов Н. А. Уголовное правосудие: к вопросу о его содержании, стандартах и эффективности // *Мировой судья*. 2023. № 12. С. 2—13.

12. Качалова О. В. Современное российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 5. С. 95—98.

6. Pupysheva L. A. Implementation of the judiciary powers in the sphere of execution of sentences as a form of administration of justice (to the discussion about the concept and content of criminal justice). *Justice of the peace*, 22—28, 2023. (In Russ.).

7. Militsin S. V. Pars non est aequalis toti, or Continued discussion about the concept and content of justice in criminal cases. *Justice of the peace*, 21—23, 2023. (In Russ.).

8. Tsvetkov Yu. A. What is justice in general and criminal justice in particular? *Justice of the peace*, 13—20, 2023. (In Russ.).

9. Bozrov V. M. Content and boundaries of justice in criminal proceedings: another wave of discussion. *Justice of the peace*, 2—6, 2024. (In Russ.).

10. Ponomarev N. S. Criminal justice is restorative justice. *Justice of the peace*, 2—8, 2024. (In Russ.).

11. Kolokolov N. A. Criminal justice: on the issue of its content, standards and effectiveness. *Justice of the peace*, 2—13, 2023. (In Russ.).

12. Kachalova O. V. Modern Russian criminal proceedings: ways of optimization. *Journal of economic security*, 95—98, 2016. (In Russ.).

Дорошков Владимир Васильевич,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
МГИМО МИД России,
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАО;
doroshkov.vv@yandex.ru

Doroshkov Vladimir Vasilievich,
professor at the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics
of MGIMO University,
doctor of juridical sciences, full professor,
associate member of RAE;
doroshkov.vv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13
doi: 10.25724/VAMVD.A215

**УЧАСТИЕ СВЕДУЩИХ ЛИЦ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН**

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется воплощение в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации конституционных установлений об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равенства сторон, в том числе применительно к доказыванию в суде с участием лиц, обладающих специальными познаниями. В работе показана негативная практика «нейтрализации» специалиста, приглашенного стороной защиты, для дискредитации экспертного заключения, что достигалось проецированием статуса свидетеля на специалиста; критикуются предпринятые летом 2021 г. корректировки постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28, исключившие возможность использования помощи специалиста для оценки заключения эксперта. Автор считает такое нововведение существенным лимитированием состязательного потенциала в судебном следствии, что усложнило реализацию функции защиты, ограничило познавательные возможности суда и других субъектов доказывания.

Ключевые слова: состязательность и равенство прав сторон, заключение специалиста, рецензия на заключение эксперта, независимая экспертиза, судебная экспертиза, сведущие лица

Для цитирования: Зайцева Е. А. Участие сведущих лиц в суде первой инстанции сквозь призму реализации принципа состязательности сторон // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 53—60. doi: 10.25724/VAMVD.A215

**PARTICIPATION OF COMPETENT PERSONS IN THE COURT
OF FIRST INSTANCE BY IMPLEMENTING ADVERSARY PRINCIPLE OF THE PARTIES**

Yelena Alexandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. The article deals with implementation of the constitutional provisions in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation where the latter concerns realization of the legal proceedings on the basis of adversarial and equality of the involving parties in relation to prove in court with participating competent persons. The author shows negative practice of "neutralizing" a specialist to be taken by the defense to discredit an expert opinion which was achieved by projecting the status of a witness into a specialist, also the author criticizes the adjustments to be made in the summer of 2021 to the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On forensic examination in criminal cases" dated 21 December 2010 № 28 which excluded the possibility to use the assistance of a specialist to evaluate an expert's report. The author considers this innovation to be a significant limitation of the adversarial potential in the criminal proceedings which complicated the implementation of the defense party as well as limited cognitive capabilities of the court and other subjects of proving.

Key words: adversary principle and equality of the rights of the involving parties, an expert report, a review of an expert report, independent examination, forensic examination, competent persons

For citation: Zaitseva Ye. A. Participation of competent persons in the court of first instance by implementing adversary principle of the parties. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 53—60, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A215

Современное отечественное уголовное судопроизводство, взявшее ориентир на воплощение в жизнь идеи состязательности сторон, начиная со времени принятия в 1993 г. Конституции РФ, по логике вещей должно приобретать с годами все новые и более эффективные механизмы реализации данного конституционного положения. Это должно выражаться в нормативном закреплении гарантий не декларативного, а реального равенства сторон в отстаивании своей позиции перед судом. Однако, по глубокому убеждению автора настоящей статьи, подобного явления в российском уголовном процессе не наблюдается, и, более того, прослеживаются тренды на «сворачивание» состязательных начал. Попытаемся обосновать наш тезис.

Провозглашенный в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ принцип «состязательности и равноправия сторон» (именно в такой транскрипции) приобрел в тексте ст. 429 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР иное, усеченное, звучание: «Предварительное слушание и производство в суде присяжных основываются на принципе *состязательности*¹, что, как представляется, несколько отличается от первоначального замысла, воплощенного в Основном Законе страны. Формула, закрепленная в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, действительно с помощью специфических языковых средств четче раскрывает сущность данного правового явления, подчеркивая не только соперничество сторон (что вытекает из слова «состязательность»), но и режим этого соперничества, в котором стороны поставлены в равные условия.

Именно в таком своеобразном «тандеме» (состязательность + равноправие) и заключается глубинный смысл указанной нормативной идеи, которая должна была получить адекватное отражение в тексте отраслевых кодифицированных актов, а последние, судя по темпам законотворческого процесса, принимались практически в один период (во втором полугодии 2002 г.). Однако картина в данной части весьма неоднородна.

К чести разработчиков Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), следует подчеркнуть, что они дословно восприняли «конституционный дух» этого нормативного установления и в ст. 12 ГПК РФ закрепили данный принцип надлежащим образом: «Правосудие по гра-

жданским делам осуществляется *на основе состязательности и равноправия сторон*»².

Однако в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации³ равноправие и состязательности сторон как отдельным нормативным идеям посвящены уже самостоятельные статьи — 8 и 9 соответственно, что позволяет говорить о двух разных принципах, автономно существующих в рамках Основных положений этого законодательного акта.

Еще дальше «пошли» разработчики Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ): в гл. 2 УПК РФ, которая посвящена принципам уголовного судопроизводства, не нашлось места конституционному положению о равноправии сторон, в то время как для состязательности сторон выделена отдельная статья 15. Вместе с тем в ч. 4 указанной статьи равноправие упомянуто в следующем контексте: «Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом», чем фактически постулируется, что явление «равноправия» не обладает таким же статусом, как идея состязательности, что равноправие выступает необходимым условием для реализации самостоятельного принципа состязательности сторон. По сути, сказанное подтверждает и то обстоятельство, что разработчики УПК РФ придали идее «равноправия» менее значимый статус в иерархии уголовно-процессуальных категорий, закрепив ее в гл. 35 в качестве общего условия судебного разбирательства — как равенство прав сторон (ст. 244 УПК РФ).

Такое, казалось бы, совсем «невинное» допущение разработчиков УПК РФ в части реципирования конституционных идей. Однако оно привело к недостаточному и неточному, на наш взгляд, воплощению в нормах кодекса положений, определяющих «сам дух» состязательного судопроизводства. Схематизированное отражение в ст. 15 УПК РФ состязательности сторон в виде набора обязательных атрибутов сразу выглядит неубедительно при анализе системы норм, регулирующих досудебное производство, где состязательность сторон «случается изредка» — только при наличии трехсубъектных отношений с участием суда, который уполномо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (в ред. Закона РФ от 16.07.1993 № 5451-1) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592; Российские вести. 1993. № 157.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. 2002. 20 нояб.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.

мочен разрешать правовой спор. В остальных ситуациях, несмотря на утверждение Конституционного Суда РФ¹, в досудебном производстве состязательность сторон не реализуется, ибо лидирующим субъектом в состязательной схеме становится следователь (он же — представитель стороны обвинения), что явно не соответствует расстановке сил по схеме ст. 15 УПК РФ. И только при поступлении уголовного дела в суд создаются все формальные условия для воплощения в жизнь уголовно-процессуального принципа состязательности сторон, когда функция разрешения уголовного дела осуществляется судом.

Неточное воплощение конституционной идеи состязательности и равноправия сторон в тексте УПК РФ проявляется и в отсутствии действенных механизмов обеспечения равенства процессуальных возможностей сторон в ряде судебных процедур. Весь вышеизложенный экскурс, посвященный анализу нормативного закрепления конституционного установления в отраслевом процессуальном законе, был предпринят нами для того, чтобы продемонстрировать, как это негативно отразилось на регулировании правоотношений с участием сведущих лиц.

Не секрет, что проявление принципа состязательности сторон в первую очередь наблюдается в ходе судебного следствия, где стороны должны иметь равные возможности по представлению суду доказательств, участию в их исследовании, нивелированию значимости доказательств противоположной стороны и отстаиванию качества и юридической силы собственных доказательств.

Объективизации процедур судебного следствия, безусловно, способствует широкое вовлечение в процесс доказывания лиц, обладающих специальными познаниями², которых мы по традиции

в этой статье будем именовать «сведущими лицами»³. Это и *эксперт*, чье участие в доказывании было признано столь значимым, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) специально посвятил порядку его вовлечения в судебное производство и процедуре проведения экспертизы в суде отдельное постановление № 28 от 21 декабря 2010 г., подчеркнув «необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, путем производства судебной экспертизы во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний»⁴. Это и *специалист*, чья консультационная роль в деле оценки заключения эксперта отмечена Пленумом ВС РФ в постановлении № 51 от 19 декабря 2017 г.: «Если из устных разъяснений или заключения специалиста следует, что имеются основания назначения дополнительной или повторной экспертизы, суду по ходатайству стороны или по собственной инициативе следует обсудить вопрос о назначении такой экспертизы»⁵.

Вместе с тем в силу публичного порядка производства по уголовным делам потенциал судебной экспертизы востребован именно лидирующими субъектами, которые наделены эксклюзивным полномочием по ее назначению и, соответственно, закреплению процессуального статуса судебного эксперта (в досудебном производстве это осуществляется следователем, дознавателем, а в судебных стадиях — судом).

Наличие такой возможности у стороны обвинения в досудебном производстве — существенное преимущество перед стороной защиты, особенно в контексте реализации принципа состязательности. Об этом неравенстве еще 10 декабря 2019 г. говорил Генри Резник в своем обращении к Президенту Российской Федерации на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества

¹ В пункте 5 постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П утверждается, что «принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного судопроизводства» (По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3).

² По большому счету в широком смысле к лицам, обладающим специальными познаниями, вполне можно отнести и переводчика, который является сведущим лицом в том или ином языке. Но с учетом темы настоящей статьи мы будем говорить о сведущих лицах в узком смысле, подразумевая под таковыми эксперта и специалиста.

³ Существенный вклад в сохранение и развитие категориального аппарата учения о сведущих лицах внесли такие известные процессуалисты, как В. Н. Махов [1] и Ю. К. Орлов [2; 3].

⁴ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

⁵ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 51 // Российская газета. 2017. 29 дек.

и правам человека: «...сторона защиты практически бесправна в вопросе проведения экспертизы: ее может назначить только следователь или суд. И хотя защитник вправе представлять свои кандидатуры для проведения экспертиз, случаев, когда бы следователь привлекал в комиссию экспертов кандидатов, предложенных адвокатом, Генри Резник не припомнил. ...Вице-президент ФПА РФ заявил о необходимости предоставления стороне защиты права проводить полноценную экспертизу»¹.

Из-за невозможности назначения экспертизы представителями стороны защиты² для них существуют два пути представления альтернативного компетентного мнения, основанного на применении специальных познаний, о чем мы писали ранее во многих наших работах:

1) проведение несудебной экспертизы на коммерческой основе;

2) привлечение к доказыванию специалиста-консультанта, дающего показания или заключение.

Оба способа являют собой, казалось бы, эффективные механизмы внедрения состязательных начал в доказывание с привлечением сведущих лиц, но в реалиях их воплощение в практическую плоскость встречает существенные затруднения.

Что касается первого способа, то таковой действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрен, что сразу дает в руки стороне обвинения весомый аргумент о недопустимости использования в доказывании по уголовному делу заключения несудебной экспертизы. И хотя формально заключение несудебной экспертизы подходит под признаки документа-доказательства, закрепленные в ст. 84 УПК РФ³, правоприменители

не желают видеть такое доказательство в материалах уголовного дела, всячески препятствуя его приобщению к уголовному делу.

Ввиду отсутствия в уголовно-процессуальном законе регламентации несудебной экспертизы защитники, чтобы хоть как-то легализовать ее результаты в деле, договариваются со сведущими лицами (частными экспертами) об оформлении данных проведенного в таком формате исследования в виде заключения специалиста. *И это является грубейшей тактической ошибкой*, потому что судебная практика вполне обоснованно не признает возможным проведение исследований специалистом⁴, о чем, начиная с появления в 2003 г. в УПК РФ новых источников доказательств — заключений и показаний специалиста⁵, автор настоящей статьи постоянно пишет в своих публикациях.

Проверочные инстанции в ряде решений отмечают, что суд первой инстанции «обоснованно не принял в качестве доказательства представленное стороной защиты заключение специалистов N из-за нарушения процессуального порядка назначения и производства данного исследования, которым материалы уголовного дела для исследования не предоставлялись, само исследование проведено вне рамок уголовного дела, специалисты не предупреждались об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ»⁶. Примечательно, что апелляционный суд *ошибочно проецирует* на получение стороной защиты письменного заключения сведущего лица *процедуру проведения судебной экспертизы*. Именно такой подход, который можно встретить

¹ Генри Резник выступил на заседании СПЧ, проведенном Президентом РФ Владимиром Путиным // Адвокатская палата города Москвы: офиц. сайт. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/press/news/6388/> (дата обращения: 19.02.2020).

² Автор настоящей статьи отдает себе отчет в радикальной разнице между *возможностью самостоятельного назначения судебной экспертизы* как эффективного средства доказывания и *возможностью участвовать в постановке вопросов эксперту*, которой в равной мере могут воспользоваться в суде стороны.

³ Кстати, в арбитражном процессе, например, такая практика считается вполне приемлемой. Так, «заключение эксперта, полученное по результатам проведения внесудебной экспертизы... может быть признано судом иным документом, допускаемым в качестве доказательства в соответствии со статьей 89 АПК РФ» (О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 апреля 2014 г.

№ 23 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 6. Постановление сохраняет силу).

⁴ О недопустимости проведения исследований специалистом указано в постановлении Пленума ВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» № 28 от 21 декабря 2010 г., эту позицию подтвердил и Конституционный Суд РФ в ряде определений (от 28.01.2016 № 207-О, от 29.09.2016 № 2032-О, от 27.06.2017 № 1173-О).

⁵ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ расширил арсенал средств доказывания, дополнив чч. 3—4 ст. 80 и п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ нормативными установлениями о результатах деятельности специалиста.

⁶ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 октября 2023 г. № 77-4771/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2023). Документ опубликован не был.

во многих судебных решениях¹, подтверждает сам факт неприятия судебным сообществом идеи несудебной экспертизы в уголовном процессе.

Попытка стороны защиты в состязательном процессе опереться на компетентное мнение сведущего лица для усиления аргументации своей правовой позиции по делу нередко встречает отрицательное отношение суда — даже на самом «высоком уровне». Так, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в апелляционном определении от 22 мая 2019 г. № 58-АПУ19-4 отметила: «Утверждение стороны защиты и осужденного о том, что они якобы были лишены возможности эффективно оспаривать имеющиеся в материалах уголовного дела заключения эксперта и представить суду альтернативное мнение специалиста относительно причины смерти потерпевшего, в связи с чем, по их мнению, нарушена состязательность и равенство сторон, не соответствует действительности... а сам факт того, что им было отказано в удовлетворении ряда ходатайств, не может свидетельствовать о том, что им кто-либо препятствовал эффективно оспаривать доказательства в суде и тем более что был якобы нарушен принцип состязательности и равенства сторон (выделено нами. — Е. З.)»².

Иными словами, отказ суда первой инстанции приобщить к материалам уголовного дела заключение специалиста, приглашенного стороной защиты, допросить специалиста по вопросам экспертной методики — это не нарушение права стороны на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равенства сторон!

Отметим, что попытки ограничения участия в судебном следствии специалиста нередко начинались уже в подготовительной части судебного заседания — на этапе удаления свидетелей из зала

судебного заседания (ст. 264 УПК РФ). Как правило, приглашенные в процесс защитником специалисты находятся в зале судебного заседания и не покидают его, когда выполняются требования ст. 264 УПК РФ. В дальнейшем некоторые судьи при ходатайстве стороны защиты о допросе специалиста, явка которого обеспечена защитником, отказывали в допросе такого лица, ссылаясь на п. 21 постановления Пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 г., где судьям предписывалось допрашивать специалиста как свидетеля: «Показания специалиста, приглашенного сторонами, даются им по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля». Судьи утверждали, что это лицо не может быть допрошено в качестве свидетеля, потому что находилось в зале судебного заседания на протяжении всего судебного следствия. Доводы стороны защиты, что это лицо — не свидетель, а специалист, приглашенный для разъяснения специального вопроса, не убеждали судей, которые апеллировали к вышеуказанному разъяснению Пленума ВС РФ. Разъяснению, надо сказать, ошибочному, не вытекающему из смысла закона и, прежде всего, его новых норм (чч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ).

Остается только с удовлетворением отметить, что летом 2021 г. п. 21 был исключен³ из постановления Пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 г. и данная негативная практика, хочется надеяться, ушла в прошлое (хотя, как свидетельствуют некоторые исследования [4, с. 206; 5, с. 70], судебная практика весьма инертна...).

Вообще, что касается корректировки новым постановлением от 29 июня 2021 г. № 22 правовых позиций Пленума ВС РФ по вопросам участия в суде специалиста, следует констатировать, что корректировка оказалась весьма радикальной: из текста постановления № 28 был исключен принципиально важный с точки зрения состязательности сторон абзац 2 п. 19, а также пп. 20—22, разъясняющие порядок привлечения специалиста к участию в судебном следствии (в том числе — для оценки заключения эксперта). Этот исключенный абзац 2 п. 19 гласил: «Для оказания помощи в оценке заключения эксперта (курсив наш. — Е. З.) и допросе эксперта по ходатайству стороны или по инициативе суда может привлекаться специалист. Разъяснения специалист дает в форме устных показаний или письменного заключения».

¹ См.: Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20 сентября 2023 г. № 77-1455/2023 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2023). Документ опубликован не был; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. № 77-1378/2023 // Там же. Документ опубликован не был.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 22 мая 2019 г. № 58-АПУ19-4. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22052019-n-58-apu19-4/> (дата обращения: 21.11.2023).

³ См.: О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 // Российская газета. 2021. 16 июля.

По сути, «вместе с водой выплеснули и младенца» — то самое ценное положение постановления № 28, которое поясняло механизм состязания в суде сторон с использованием помощи сведущих лиц, когда компетентному мнению судебного эксперта, проводившего экспертизу в досудебном производстве, защита противопоставляла не менее компетентное мнение специалиста. Ликвидация такой возможности — явное ограничение состязательного познавательного потенциала в суде. Не секрет, что правоприменители (и следователи, и дознаватели, и прокурорские работники, и сами судьи) редко обладают достаточно глубокими специальными познаниями для компетентной оценки качества проведенного экспертом исследования, корректности применения экспертной методики, правильности оценки выявленных экспертом признаков. Описанная известным дореволюционным процессуалистом Л. Е. Владимировым образная картина с судьей, следующим за экспертом, как следует слепой за своим поводырем [6, с. 197], не утратила в наше время актуальности. Более того, усложнение экспертных методик, увеличение их числа, как объективная тенденция развития науки и техники, часто усиливает это негативное явление в виде *чрезмерного доверия правоприменителей выводам судебного эксперта*. Данная тенденция диктует необходимость привлечения «стороннего взгляда» компетентного лица, не зависящего от обвинителя, способного выявить экспертные ошибки. Об этом, по сути, еще в прошлом веке писал видный юрист и судебный оратор Сергеевич (П. С. Пороховщиков): «Если в процессе есть эксперт со стороны противника, и экспертиза имеет значение, оратор должен выставить эксперта не менее сведущего и решительного со своей стороны. Не сделать этого — легкомыслие непростительное. Пока эксперт один, он не уязвим, хотя бы говорил вздор. Дайте ему противника, речения оракула превращаются в самолюбивый спор» [7, с. 210].

При всей логической целесообразности привлечения специалиста для оценки заключения эксперта в реалиях состязательного судопроизводства отказ Пленума ВС РФ от этой очевидно полезной технологии познания судебной истины можно расценить именно как отход от генеральной линии на укрепление состязательных начал в уголовном судопроизводстве, которую заложил в своих решениях Конституционный Суд РФ, осуществив в рамках судебной реформы 1990-х гг.

свою «тихую революцию»¹. Следуя яркой лексике профессора В. П. Божьева [8], деятельность Пленума ВС РФ в части «сворачивания» состязательности сторон с участием сведущих лиц в уголовном процессе можно не менее образно назвать *«тихой контрреволюцией* Пленума Верховного Суда РФ».

К чему на практике привел «разворот на 180 градусов» в политике вовлечения в доказывание специалиста, можно со всей очевидностью проследить на примере многочисленных решений судов, признающих недопустимым доказательством заключения специалиста, представленные стороной защиты для опровержения выводов судебного эксперта.

Например, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в кассационном определении от 26 октября 2021 г. № 41-УД21-46-А3 согласилась с решением суда первой инстанции: «Судом обоснованно не были приняты во внимание показания и заключение специалиста Ш. в отношении заключения судебно-медицинской экспертизы трупа Филиппенко Ю. И., потому что они были направлены не на ответы на вопросы, когда на это требуются специальные познания, **а на оценку уже имеющегося в деле заключения эксперта, что в данном случае недопустимо** (выделено нами. — Е. З.)»².

Критически отнесся к заключению специалиста Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 19 июля 2023 г. по делу № 77-3258/2023: «Специалист, без проведения исследования трупа потерпевшей... и изучения соответствующей медицинской документации, в которой отражены сведения об оказанной ей медицинской помощи, дал оценку качеству заключений судебно-медицинских экспертиз. **Вместе с тем оценка доказательств в соответствии со ст. 58 УПК РФ**

¹ Сущность этой «тихой революции» Конституционного Суда, постепенно и последовательно обозначавшего тенденцию к расширению действия принципа состязательности в уголовном процессе, заключалась в принятии ряда постановлений и определений, которые были направлены либо на укрепление равноправия сторон, либо на создание такого режима осуществления судебной деятельности, который бы исключал любую возможность выполнения судом несвойственной ему функции обвинения [8, с. 10].

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2021 г. № 41-УД21-46-А3. URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26102021-n-41-ud21-46-a3/> (дата обращения: 16.10.2023).

не входит в круг обязанностей специалиста. Такая оценка производится судом при разрешении уголовного дела и вынесении итогового решения (выделено нами. — Е. З.)»¹.

Сходное отрицательное отношение суда первой инстанции поддержал в апелляционном определении Пятый апелляционный суд: «Вопреки доводам жалобы суд пришел к правильному выводу о том, что приобщенное защитником заключение специалистов (т. 13 л. д. 199-228) не может быть использовано как доказательство по делу, и сослался на ст. 58 УПК РФ, которая **не относит к компетенции специалиста рецензирование экспертного заключения, направленного на оценку имеющихся в деле доказательств, что не входит в компетенцию специалиста** (выделено нами. — Е. З.), и указанная рецензия, как верно отмечено судом, не может быть признана допустимым доказательством»².

Думается, в реальной судебной практике подобных решений с обоснованием недопустимости осуществления специалистом оценки заключения эксперта можно найти десятки. Для судей весьма удобны коррективы прежнего постановления № 28 от 21 декабря 2010 г. Пленумом ВС РФ: по сути, нет теперь необходимости чрезмерно глубоко анализировать альтернативное мнение специалиста, представленное стороной защиты для дискредитации заключения судебного эксперта (учитывая сложность оценки научной обоснованности выводов эксперта, выявления нарушения требований экспертной методики и т. д.). Судьям легче оформлять мотивировочную часть приговоров, используя данные, отраженные в заключении эксперта — теперь «единственном легальном» источнике сведений, полученных на основе специальных знаний.

В этих условиях, упрощающих жизнь судей и государственных обвинителей, условиях ликвидации реальной состязательности сторон при доказывании специальных вопросов, требующих познаний сведущих лиц, представителям адвокатского сообщества весьма некомфортно оказывать качественную юридическую помощь. Требуется разработка **новых тактических приемов, минимизирующих эту потерю возможности опровергать в состязательном режиме выводы судебной экспертизы.**

Полагаем, уж коль Пленум ВС РФ исключил право использовать помощь специалиста для оценки заключения эксперта, адвокату-защитнику следует по-иному презентовать результаты консультационной деятельности специалиста. Во-первых, обращаясь к специалисту в порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ, адвокат-защитник должен требовать от компетентного лица письменное заключение специалиста (а не рецензию, не акт несудебной экспертизы). Во-вторых, перед специалистом надлежит ставить «обезличенные» вопросы, касающиеся требований конкретной экспертной методики (но не их соблюдения конкретным экспертом в данном деле), касающиеся правил оценки тех или иных признаков, их достаточности для формулирования определенного вывода. Безусловно, правильная формулировка вопросов специалисту в этой непростой ситуации — залог успеха привлечения специалиста для усиления позиции стороны защиты. Поэтому, в-третьих, целесообразно, чтобы специалист, приглашенный защитником для консультации, предварительно изучал заключение эксперта, выявлял в нем проблемные моменты, касающиеся примененной методики, сформулированных выводов и др., чтобы помочь защитнику корректно сформулировать вопросы для включения их в свое заключение. Например, в случае анализа заключения эксперта, исследовавшего каннабис, при выявлении проблемных аспектов в этом заключении перед специалистом можно поставить вопросы о процедуре взвешивания наркосодержащих растительных остатков, правилах проверки применяющегося оборудования, вопросы о морфологическом исследовании и типичных анатомо-морфологических признаках каннабиса, сходстве некоторых из них с признаками крапивы двудомной и т. д. «Обезличенные» вопросы позволят специалисту представить заключение как абстрактную консультацию по специальному вопросу, что лишает возможности оппонентов упрекнуть его в попытках оценить заключение конкретного эксперта. Статус-кво сохраняется, а в руках у стороны защиты имеется компетентное мнение о подлежащей применению экспертной методике, опираясь на которое, сам защитник может в суде поставить под сомнение выводы судебной экспертизы. А дальше — «дело техники»: ссылаясь на ч. 4 ст. 271 УПК РФ, защитник ходатайствует о допросе специалиста, обещав заранее его явку. При допросе защитник спрашивает специалиста о требованиях методики, а потом акцентирует внимание суда на несоответствии заключения эксперта этим требованиям. Далее, ссылаясь на п. 16 действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декаб-

¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 июля 2023 г. по делу № 77-3258/2023 // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2023). Документ опубликован не был.

² Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 июля 2023 г. по делу № 55-447/2023 // Там же. Документ опубликован не был.

ря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)», защитник ходатайствует о назначении дополнительной или повторной судебной экспертизы.

1. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Москва: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. 295 с.

2. Орлов Ю. К. Специалист — это сведущее лицо, не заинтересованное в исходе дела // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 36—37.

3. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве: науч.-учеб. пособие. Москва: Проспект, 2016. 213 с.

4. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. Москва: Юрид. лит., 1991. 239 с.

5. Ашуров В. К. Следственная и судебная практика и их роль в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015. 257 с.

6. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: общ. и особ. 3-е изд., изм. и законч. Санкт-Петербург: Кн. маг. «Законоведение», 1910. 400 с.

7. Сергеич П. Искусство речи на суде. Москва: Госюриздат, 1960. 330 с.

8. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации // Рос. юстиция. 2000. № 10. С. 9—11.

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;
zaitceva-expert@rambler.ru

Предложенный алгоритм поможет в обновившихся сложных условиях создать предпосылки для успешного конкурирования стороны защиты со стороной обвинения в вопросах оценки заключения судебного эксперта.

1. Makhov V. N. Using knowledge of competent persons while investigating crimes. Moscow: Publishing house of Russian Peoples' Friendship University; 2000: 295. (In Russ.).

2. Orlov Yu. K. A specialist is a competent person who is not interested in the outcome of the case. Russian Justice, 36—37, 2003. (In Russ.).

3. Orlov Yu. K. Modern problems of proving and using special knowledge in criminal proceedings. Scientific and textbook. Moscow: Prospekt; 2016: 213. (In Russ.).

4. Tomin V. T. Topical aspects of the criminal proceedings. Moscow: Legal literature; 1991: 239. (In Russ.).

5. Ashurov V. K. Investigative and judicial practice and their role while ensuring correct application of the norms of the criminal procedure law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Volgograd; 2015: 257. (In Russ.).

6. Vladimirov L. Ye. Doctrine of criminal evidence. Parts: general and special, 3rd ed., rev. and made. Saint Petersburg: Book shop "Law Science"; 1910: 400. (In Russ.).

7. Sergeych P. Art of speech in court. Moscow: Gosyurizdat; 1960: 330. (In Russ.).

8. Bozhyev V. P. "Silent revolution" of the Constitutional Court in the criminal process of the Russian Federation. Russian justice, 9—11, 2000. (In Russ.).

Zaitseva Yelena Alexandrovna,

professor at the department of criminal procedure of the educational and scientific complex on preliminary investigation in the internal affairs bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored worker of higher school of the Russian Federation;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13
doi: 10.25724/VAMVD.A216

**ГЕНЕЗИС (КОНСТРУКЦИЯ), КОНСЕРВАЦИЯ, ВЫЯВЛЕНИЕ
И ИСПРАВЛЕНИЕ (ДЕКОНСТРУКЦИЯ) ОШИБОК,
ДОПУЩЕННЫХ СУБЪЕКТАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
(ДЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)
(ЧАСТЬ 1)**

Никита Александрович Колоколов

Московский университет имени А. С. Грибоедова, Московский педагогический государственный университет, журнал «Уголовное судопроизводство», журнал «Мировой судья», Москва, Россия, nikita_kolokolov@mail.ru

Аннотация. В статье, состоящей из трех частей, исследуется общая система конструкции, консервации, выявления и деконструкции следственных, прокурорских и судебных ошибок. В рамках данной публикации автор придерживается признаваемой большинством теоретиков процесса позиции, согласно которой любая из вышеперечисленных ошибок — не более чем рядовое добросовестное заблуждение конкретного должностного лица, судебного состава в сборе и оценке доказательств, а также в применении норм материального и процессуального права. Автор, опираясь на обширную практику различных судебно-контрольных инстанций, а также личный опыт, утверждает, что четверть ошибок, допускаемых субъектами уголовного процесса, обусловлена их крайне низкой квалификацией. В то же время констатируется, что природа оставшихся трех четвертей процессуальных ошибок кроется в основном в глубинах процессуального усмотрения этих субъектов. Критерием истины в процессе выявления, исправления процессуальных ошибок автор считает итоговые решения самых высших судебных инстанций (Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации). Вместе с тем признается тот факт, что указанные инстанции время от времени могут принимать взаимоисключающие решения. Все суждения и умозаключения автора иллюстрируются посредством детального анализа конкретных судебных решений.

Ключевые слова: процессуальная (следственная, прокурорская и судебная) ошибка, конструкция процессуальных ошибок, консервация судебных ошибок, выявление судебных ошибок, деконструкция судебных ошибок, критерий истинности; судебная ошибка и результаты судебного (судейского) усмотрения — парная категория в процессуальном праве

Для цитирования: Колоколов Н. А. Генезис (конструкция), консервация, выявление и исправление (деконструкция) ошибок, допущенных субъектами уголовного процесса (детальный анализ судебной практики) (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 61—73. doi: 10.25724/VAMVD.A216

**GENESIS (CONSTRUCTION), PRESERVATION,
IDENTIFICATION AND CORRECTION (DECONSTRUCTION)
OF ERRORS MADE BY SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS
(DETAILED ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE)
(PART 1)**

Nikita Alexandrovich Kolokolov

A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow Pedagogical State University, "Criminal Justice" journal, "Justice of the Peace" journal, Moscow, Russia, nikita_kolokolov@mail.ru

Abstract. The general system of construction, preservation, identification and deconstruction of investigative, prosecutorial and judicial errors is examined in the article, consisting of three parts. Within this publication, the author shares the position recognized by the majority of criminal proceedings theorists. According to it any

of the mentioned above errors is nothing more than an ordinary honest misconception / error of a specific official, the judicial staff while collecting and assessing evidence, as well as applying substantive and procedural rules of law. Based on the extensive practice of various judicial control authorities, as well as personal experience, the author argues that a quarter of the errors made by subjects of criminal proceedings is due to their extremely low qualifications. At the same time, it is stated that the nature of the remaining three-quarters of procedural errors lies mainly in the depths of the procedural discretion of these subjects. The author considers the final decisions of the highest courts (the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation) to be the criterion of truth while identifying and correcting procedural errors. At the same time, it is recognized that from time to time these mentioned authorities may take mutually exclusive / antagonistic decisions. All the author's judgments and conclusions are illustrated by a detailed analysis of specific court decisions.

Keywords: procedural (investigative, prosecutorial and judicial) error, construction of procedural errors, preservation of judicial errors, identification of judicial errors, deconstruction of judicial errors, criterion of truth; judicial error and results of judicial discretion as a category in procedural law forming a pair

For citation: Kolokolov N. A. Genesis (construction), preservation, identification and correction (deconstruction) of errors made by subjects of criminal proceedings (detailed analysis of judicial practice) (part 1). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 61—73, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A216

Введение

Казалось бы, сама тема «конструкции» и «деконструкции» [1, с. 2—10] ошибок в уголовном судопроизводстве в юридической науке с самых давних пор относится к категории «заезженных», «избитых». Однако, во-первых, их непрерывно множасься, а во-вторых, меняющаяся эмпирическая база (например, Ю. А. Цветков выделяет «следственные ошибки», «новые следственные ошибки», «новейшие следственные ошибки» [2—4], такой же классификации, безусловно, заслуживают прокурорские, судебные (судейские) и адвокатские ошибки, но исследования в таком ключе нам пока не известны) вновь и вновь подталкивает ученых и практиков к познанию понятия «природа процессуальной ошибки», а равно к анализу всей системы их конструкции, консервации, выявления и деконструкции. В связи с наметившейся деформализацией уголовного права и процесса перед теоретиками и (в первую очередь) практиками возникла проблема отграничения процессуальных ошибок от различных форм усмотрения в уголовном материальном и процессуальном праве.

Исследованию вопросов, касающихся данной тематики, автор настоящей статьи посвятил практически всю свою более чем сорокалетнюю профессиональную деятельность, в том числе в качестве следователя, судьи и научного работника.

К категории процессуальных ошибок всегда относили любые (в самом широком смысле этого слова), скажем так, «неправильные» (а то и «не совсем правильные»), на крайне субъективный взгляд контролирующих субъектов (инстанций), решения и действия (бездействие) контролируемых субъектов (инстанций), а также результаты этих решений и действий (бездействия) в неограниченном про-

странстве и во времени. Выявление фактов такого «неправильного» («не совсем правильного») поведения субъектов процесса чаще всего подвигало контролирующие инстанции к стремлению исправить (улучшить) результаты чужой работы.

Спасибо Учителям – конкретным юристам, сыгравшим важную роль в нашем профессиональном становлении, – которые терпеливо предостерегали «ретивых контролеров» (в том числе автора этих строк) от поспешного «вмешательства»¹ в результаты чужой работы. Постепенно пришло осознание, что многое из «не совсем правильного» («неправильного», а то и «совсем неправильного») закону по большому счету не противоречит, а следовательно, имеет право на свое пусть автономное, но уже общепризнанное существование, и если речь все же заходит о вмешательстве в результаты чужого труда, то таковое, по общему правилу, должно быть сведено к минимуму, поскольку известно: лучшее — враг хорошего.

1. Ошибка — ложная идея в уголовном процессе

А. Д. Назаров в диссертационном исследовании «Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы» [5] положения, вынесенные на защиту, предваряет утверждением, что «следственная и судебная ошибка в уголовном судопроизводстве, как предмет научного исследования, представляет собой феномен, который выражается в противоречии между неизбежностью (естественностью) ошибок и необходимостью противодействия им и, тем самым, порождает проблему их устранимости».

¹ «Вмешиваться» на судейском жаргоне — вносить изменения.

«О феномене следственной ошибки» пишет и доцент Ю. А. Цветков [6].

Мы же следственные, прокурорские, судебные, адвокатские и прочие процессуальные ошибки к разряду феноменов не относим. Феномен — это когда исследователи только подсознательно ощущают проблему, но не могут точно ее сформулировать. С ошибками в уголовном процессе все обстоит гораздо проще, так как под ними подразумевается непроизвольное (незаметное для «автора» ошибки) отклонение от некоей нормы, зачастую гипотетической.

По этому поводу А. Д. Назаров абсолютно правильно пишет, что речь идет «о незаконных или необоснованных действиях или бездействии субъектов, ведущих уголовный процесс, которые выражаются в неполноте, односторонности и необъективности исследования, несоблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также международных стандартов справедливого правосудия» [5, с. 10]. Как видим, предлагаемое Александром Дмитриевичем определение до предела перегружено оценочными категориями, анализ каждой из которых легко может быть развернут в самостоятельное диссертационное исследование.

По общему правилу, ошибка — ложная идея, принимаемая за истинную [7, с. 189—194]. Аксиоматично: ошибка — обязательный элемент нашего мышления [8, с. 477—478]. Более того, мы всегда действуем методом проб и ошибок. Принято утверждать, что ошибка — непреднамеренное (зло) отклонение от чего-то правильного (?) в нашем поведении [9, с. 386].

Общеизвестно также, что это «правильное» далеко не всегда обязательно есть истина. Все вышесказанное в полной мере относится и к уголовному судопроизводству.

Чтобы безнадежно не утонуть в праздном философствовании, следственная, прокурорская и судебная ошибка подавляющим большинством теоретиков и практиков понимается предельно узко — не более чем рядовое добросовестное заблуждение конкретного чиновника, судебного состава в сборе и оценке доказательств, а также в применении норм материального и процессуального права.

2. Избранный автором универсальный метод познания — формальный критерий истинности

В рамках общей научно-исследовательской деятельности автор проводит непрерывный мониторинг осуществления уголовного судопроизводства в судах. В первую очередь внимание привлекают те из них, в рамках которых судебными органами инстанциями уже были выявлены следственные,

прокурорские и судебные ошибки. Выбор конкретного предмета в таких случаях исследования произвольный, как правило ситуационный.

Так, в 2020 г. в ряде регионов России анализируется движение уголовных дел, которые в принципе могли быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей судами районного звена (п. 2.1 ч. 2 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)).

Например, в Иркутской области дела указанной категории в основном рассмотрены «коронными» судьями (единолично): постановлено 102 приговора, из которых в апелляционном порядке обжаловано 93, отменено 3 приговора (3,2 %).

По уголовным делам, рассмотренным в районном звене с участием присяжных заседателей, в апелляционном порядке обжаловано 8 приговоров (в отношении 11 лиц), из которых 1 приговор отменен (12,5 %).

Изучение всего массива отмененных судебных решений в апелляционном порядке в отдельных регионах (в том числе Иркутской области) позволяет сделать вывод о том, что природа четверти выявленных второй инстанцией судебных ошибок — низкий уровень квалификации следователей, прокуроров, адвокатов и судей, т. е. элементарное незнание прописных истин.

В то же время точно и честно определить природу оставшихся трех четвертей судебных ошибок весьма затруднительно, поскольку речь идет о различиях, возникающих в рамках следственного, прокурорского и судебного (в первой и второй инстанциях) усмотрения.

3. Оригинальное судебное усмотрение

Критерий истинности (пусть для кого-то и весьма условный) автор видит в конкретных итоговых судебных решениях Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ). Например, органами предварительного расследования Воробей был обвинен в том, что путем мошенничества похитил автомобиль, принадлежащий П. (потерпевшая), в связи с чем по приговору Первомайского районного суда г. Ростова-на-Дону от 12 сентября 2022 г. Воробей был осужден. Попытки стороны защиты отменить данное судебное решение последовательно «пре-секались», названный выше приговор оставлен без изменения: апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 7 ноября 2022 г. и кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 6 апреля 2023 г.

Сторону защиты услышали только в ВС РФ. В рамках второй кассации судьи наконец-то обратили внимание на то, что Воробей и потерпевшая П. в течение длительного времени состояли в фактических брачных отношениях, следовательно, оба они являлись законными владельцами спорного автомобиля. Закономерный итог: все вышеперечисленные судебные решения были отменены, а уголовное дело возвращено в суд первой инстанции¹.

Не будем отрицать, что решение конкретного состава Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ по делу Воробей как минимум спорное. Во всяком случае, прецедентное значение за ним признать пока отказались, ввиду того что названная коллегия, распространив общепризнанные правовые особенности классических брачно-семейных отношений на так называемый гражданский брак, вторглась в «чужую епархию» — сферу действия, подведомственную Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ [10].

Причина череды элементарных следственных, прокурорских и судебных ошибок (ВС РФ таковыми их уже признал!) более чем банальна — обвинительный уклон: на отношения между П. и Воробей вышеперечисленные субъекты процесса взирали исключительно через призму Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) (вот он — впитанный с молоком матери дух позитивизма и экзегезы). О том, что между П. и Воробей, помимо формально «уголовных», могут существовать также отношения, урегулированные Гражданским и Семейным кодексами Российской Федерации (ГК РФ и СК РФ) (совсем другие отрасли права, совершенно иные методы правового урегулирования), данные субъекты процесса — «жертвы профессиональной деформации» — даже не подумали.

Вопрос к читателю: а должны были? Приведем ответ на этот вопрос одного из ученых Московского университета МВД России — профессора В. П. Малахова, тем более что он однозначен: «Формальность такой (до принятия решения ВС РФ. — Н. К.) оценки вторична, несущественна». Суть сказанного Валерием Петровичем: преступное — не только в форме, но еще обязательно и в содержании [11, с. 128].

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 41-УД23-31-К4 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

Всегда ли присутствует истина в решениях самых высших судебных инстанций? Ответим дипломатично: правил без исключения не бывает. Уже были описаны такие ситуации, когда, например:

— Президиум ВС РФ 5 декабря 2018 г. принимает решение о прекращении уголовного дела в отношении Алиханова², а 28 декабря 2018 г. свое решение отменяет³, данное противоречие нашу оценку получило в ряде публикаций [12, с. 73—91];

— по факту хищения акций параллельно существуют два взаимоисключающих друг друга решения: 1) в уголовном процессе — акции похищены, поэтому они должны быть изъяты у держателей и возвращены владельцам, 2) в арбитражном процессе — держатели акций являются добросовестными приобретателями и никому ничего возвращать не должны [13, с. 111—125].

Вспомним вторую заповедь по синодальному переводу Библии: «Не сотвори (делай) себе кумира» и позволим себе вывод, что ошибки процессуальные — это та категория, метастазы (вторичные очаги) которой обнаруживаются далеко за пределами собственно уголовного судопроизводства. «Дело Воробей», которое вылетело и его уже не поймаешь, — классический тому пример. «Гражданский брак» — не запрещенная законом, не порицаемая большинством населения, выгодная как минимум для 10 % граждан форма сожительства. Куда податься рядовому правоприменителю в условиях, когда законодатель «гражданский брак» предпочитает не замечать, у судов к нему отношение весьма настороженное?

Таким образом, нами выявлена первая причина множества процессуальных ошибок, механизм исправления которых отсутствует. Скажем больше, на всех уровнях (ученые, законодатель, практики) их стараются не замечать. «Дело Воробей», которое вдруг заметили, — исключение из общего правила.

4. Генезис (конструкция) процессуальных ошибок

Ошибки уголовно-процессуального характера начинают появляться (назовем вещи своими име-

² Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2018 г. № 126-П18 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 296-П18 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

нами: они невольно генерируются конкретными исполнителями, их коллективами) уже на этапе осуществления компетентными органами оперативно-разыскной деятельности (ОРД). Следующий этап генерации уголовно-процессуальных ошибок — стадия предварительного расследования. Ошибки, допущенные на этапе проведения ОРД и в стадии предварительного расследования, в какой-то степени могут купироваться как самими органами, осуществляющими вышеперечисленные действия (самостоятельное исправление ошибок), так и надзирающими за ними прокурорами. Впрочем, и контрольные органы структур, непосредственно осуществляющих как ОРД, так и предварительное расследование, а равно надзирающие за ними прокуроры не только могут не заметить ошибок контролируемых инстанций, но и в состоянии придать явно базовым ошибочным результатам их деятельности некое формально правильное толкование, имеющее уже общеобязательный правильный характер.

Очередным, третьим, этапом генерации уголовно-процессуальных ошибок является судебное разбирательство во всех его формах и разновидностях.

Автор исходит из того, что природа анализируемых уголовно-процессуальных ошибок одна — качество работы (функционирования) как конкретных органов государственной власти, так и отдельных участников процесса, к таковым не относящихся, например адвокатов.

5. Процессуальные ошибки «родом» из оперативно-разыскных мероприятий

К чему приводят ошибки при проведении ОРД, мы уже писали [14]. Классический пример такой ошибки просматривается в организации незаконного уголовного преследования в отношении сотрудника ГИБДД Миненкова¹, который не только смог доказать свою невиновность в суде первой инстанции², но и с помощью сначала Конституцион-

¹ Фамилия данного участника процесса приведена полностью, поскольку дело в отношении указанного лица было в том числе в производстве Конституционного Суда Российской Федерации, который в «шифровании» очевидного никакой необходимости не видит.

² Миненков оправдан по приговору мирового судьи судебного участка № 8 судебного района Центрального округа г. Курска от 6 сентября 2018 г. на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с неустановлением события преступления по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291.2 УК РФ; за оправданным признано право на реабилитацию и возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

ного Суда Российской Федерации³, а затем и Президиума ВС РФ «подсказал» судебным инстанциям Курской области, как им следует устранить ошибки, допущенные ими на этапе реабилитации⁴.

6. Следственные ошибки

Исследованию проблем появления (генерации) собственно следственных ошибок значительное внимание было уделено сотрудниками Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, в частности доцентом Ю. А. Цветковым [2—4].

7. Прокуроры — тоже люди, которые как минимум ошибаются

Профессиональный обвинитель, прокурор Генеральной прокуратуры Российской Федерации Л. А. Курочкина честно призналась, что «не все прокуроры, поддерживающие обвинение, находят в себе силы воздержаться от поддержания обвинения, когда представленные органами предварительного расследования доказательства его не подтверждают» [15, с. 34].

Причину такого поведения 60 % прокуроров и 61 % судей видят в подчиненности государственных обвинителей прокурорам, утвердившим обвинительное заключение [15, с. 34].

8. «Произвол во благо», смело и небезуспешно маскируемый под ошибку

Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в порядке второй кассации по жалобе осужденного выявила правовую коллизию, в рамках которой органы предварительного расследования, прокурор и суды сознательно пошли на принятие ошибочных решений в отношении егеря П.: по версии стороны

³ По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. П. Атрощенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2021 г. № 41-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023); По жалобе гражданина Миненкова П. С. на нарушение его конституционных прав пунктами 4 и 5 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 г. № 2128-О // Там же.

⁴ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации о возобновлении производства по делу ввиду новых обстоятельств от 29 марта 2023 г. № 162-П22 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

обвинения, в целях задержания браконьеров он умышленно таранил мотоцикл последних¹.

Фабула дела предельно проста. Егерь П. умышленно таранил своим УАЗом мотоцикл, на котором браконьер К. пытался скрыться с места его обнаружения. В результате таранного удара К. лишился ноги, тяжкий вред был причинен здоровью сестры последнего. Содеянное однозначно надлежало квалифицировать по п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ. Однако правоприменители из Курганской области решили егеря «строго не наказывать», для чего квалифицировали содеянное им сначала по ч. 1 ст. 264 УК РФ, а когда истек срок давности привлечения П. к уголовной ответственности — по ч. 2 ст. 114 УК РФ, направили дело для рассмотрения мировому судье.

Если бы не упрямое стремление П. добиться полного оправдания совершенного им тарана, то об этой плановой «ошибке во благо» мы бы никогда ничего не узнали [16].

9. За какую ошибку наказан судья Емельянов?

По общему правилу, судья не может быть наказан за выражение в процессуальном документе своего собственного мнения (судебное усмотрение). В связи с этим примечательно наложение дисциплинарного наказания на судью Смоленского областного суда Емельянова.

По приговору Ленинского районного суда г. Смоленска от 14 июля 2017 г. к длительным срокам лишения свободы (семь лет) за совершение преступлений в сфере экономики (выдача в 2011 г. необеспеченного кредита на сумму 370 млн руб. смоленским филиалом «Россельхозбанка») были осуждены глава отделения Т. Кучер, а также Т. П. и Л. П.

4 сентября 2017 г. судебная коллегия по уголовным делам Смоленского областного суда, рассмотрев по апелляционным жалобам стороны защиты указанное дело, по докладу и под председательством судьи Емельянова (кандидата на пост председателя облсуда) существенно (более чем вдвое) снизила осужденным размер наказания, мотивируя это частичным признанием вины одним осужденным и состоянием здоровья другого (судейское усмотрение?).

31 октября 2017 г. президиум Смоленского областного суда, отменив по кассационному пред-

ставлению прокурора Смоленской области и кассационной жалобе представителя потерпевшего определение суда второй инстанции с направлением дела на новое судебное разбирательство в суд апелляционной инстанции², вынес частное постановление в адрес состава суда второй инстанции, в котором указал на допущенное грубое нарушение норм уголовного и уголовно-процессуального права³.

Копия данного документа была направлена председателю Смоленского областного суда, председателю квалификационной коллегии судей (ККС) Смоленской области, председателю Совета судей Смоленской области.

8 ноября 2017 г. и. о. председателя Смоленского областного суда обратился в ККС области с представлением о лишении судьи Емельянова полномочий. 29 ноября 2017 г. данное представление автором было дополнено. Суть данных документов — судебная коллегия неправильно (т. е. ошибочно?) истолковала ст. 6 и 60 УК РФ, незаконно была признана заслуживающей внимание совокупность комплекса спорных (по мнению президиума Смоленского областного суда) обстоятельств, смягчающих наказание виновных.

Судья-председательствующий-докладчик, в адрес которого было вынесено частное постановление, поскольку в отношении его был поставлен вопрос о досрочном прекращении полномочий, принес в Судебную коллегия по уголовным делам ВС РФ жалобу, в которой поставил вопрос об отмене частного постановления президиума Смоленского областного суда.

В принятии данной жалобы к производству Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ было отказано за неподведомственность.

22 декабря 2017 г. решением ККС Смоленской области судья Емельянов был лишен полномочий ввиду «ненадлежащего и неполноценного исполнения полномочий по осуществлению правосудия», 30 мая 2018 г. аналогичное решение было принято и Высшей ККС.

Уже бывший судья Емельянов, доказывая, что наказан за судебское усмотрение, попытался обжаловать оба решения квалификационных коллегий судей в Дисциплинарную коллегия ВС РФ, кото-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. № 82-УД22-14-К7 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

² Постановление Президиума Смоленского областного суда от 31 октября 2017 г. № 22-1468/2017 // Архив Смоленского областного суда. 2017.

³ Частное постановление президиума Смоленского областного суда от 31 октября 2017 г. № 44-У98/2017 // Архив Смоленского областного суда. 2017.

рая факт лишения его судейских полномочий признала обоснованным¹, так как однозначно презюмировалось, что «имела место не судебная ошибка, а лично его (Емельянова) недобросовестность или правовая некомпетентность».

Данное решение было оставлено без изменения Апелляционной коллегией ВС РФ².

Теоретически запрета на снижение наказания осужденным за любое преступление вплоть «до нуля» в законе нет. Иными словами, формально судейскому усмотрению нет пределов. В то же время снижение наказания Т. Кучеру и др., в силу каких-то тайных причин явно «организованное» «весьма перспективным судьей» Емельяновым, прокуратурой и вышестоящими судебными инстанциями было расценено как нечто явно выходящее за пределы судебного усмотрения.

10. Прокурорское усмотрение

Потерпевший — частное лицо, самое заинтересованное в уголовном процессе, рассчитывающее при покровительстве власти публичной «выжать» из обвиняемого (подсудимого) максимум пользы. Обвиняемый (подсудимый), выстраивая отношения с потерпевшим, вступает с ним «в торг»: как правило, обещает жертве преступления, ее представителям нечто реальное. По результатам этого бесспорно законного торга потерпевший вправе рассчитывать еще до приговора на возмещение ущерба материального и максимальную компенсацию вреда морального. Не будем скрывать очевидного: платежеспособный обвиняемый (подсудимый) и разумный потерпевший (очередная парная категория) нужны друг другу. Очевидно, что подсудимому не интересен потерпевший, который не готов пойти на примирение, о чем мы всегда писали [17].

Законом (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ) предусмотрен регламент прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (подсудимым). Правило это законодатель снабдил оговоркой: признать факт такого примирения — не обязанность, а право суда. Если с регламентом примирения все

более или менее ясно (в законе оно прописано сравнительно подробно), то вопрос о реализации права на признание факта примирения законодателем отдан на откуп конкретным судебным инстанциям.

Согласились вышестоящие инстанции с постановлением о прекращении уголовного дела за примирением сторон — нет судебной ошибки, не согласились — выявлена судебная ошибка: суд незаконно освободил от наказания преступника.

Классический пример выявления такой «ошибки» (может быть, всего лишь факта судейского усмотрения) — уголовное дело в отношении Телевного.

10.1. Позиция стороны обвинения

Органами предварительного расследования Телевный обвинялся в том, что проигнорировал требования временных дорожных знаков: 1.25 «Дорожные работы», 3.20 «Обгон запрещен», 3.24 «Ограничение максимальной скорости 50 км/ч», в нарушение пп. 1.3, 1.5, 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации (ПДД РФ) неправильно выбрал скоростной режим и допустил столкновение со стоящим автомобилем ГАЗ, в результате удара данный автомобиль отбросило на стоящего перед ним дорожного рабочего В.Ю.В, который получил телесные повреждения, повлекшие его смерть, а ехавшей с Телевным пассажирке Ш. (Т.) был причинен тяжкий вред здоровью.

10.2. Позиция судебных инстанций: «худой мир лучше доброй ссоры»

Постановлением Гвардейского районного суда Калининградской области от 17 марта 2023 г. прекращено уголовное дело в отношении Телевного, который обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, в связи с примирением сторон (ст. 76 УК РФ, ст. 25 УПК РФ). Суд, принимая решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон, сослался на то, что: 1) Телевный совершил преступление впервые; 2) относится оно к категории средней тяжести; 3) вину признал, в содеянном раскаялся; 4) добровольно загладил причиненный вред потерпевшим; 5) имеет на иждивении малолетнего ребенка; 6) вступил в брак с потерпевшей Ш. (Т.); (7) у них родился ребенок, которого они совместно воспитывают; 8) жена не работает, так как находится в отпуске по уходу за ребенком.

Апелляционным постановлением Калининградского областного суда от 4 мая 2023 г. и кассационным постановлением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 сентября 2023 г. судебное решение оставлено без изменения.

¹ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № ДК18-43 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

² Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2018 г. № АПЛ18-14Д // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

10.3. Позиция Генеральной прокуратуры Российской Федерации

В кассационном представлении, адресованном в ВС РФ, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Ткачев поставил вопрос об отмене всех состоявшихся судебных решений и направлении уголовного дела на новое судебное рассмотрение, так как при принятии решения о прекращении уголовного дела в отношении Телевного судом оставлено без внимания, что объектами преступного посягательства, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются, во-первых, общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; во-вторых, здоровье и жизнь человека — непреходящая общечеловеческая ценность, утрата которой необратима и невосполнима (ст. 2, ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации). Что касается прекращения дела за примирением сторон, то суд вправе с таким примирением согласиться, но далеко не обязан.

10.4. Позиция Верховного Суда Российской Федерации

Судебная коллегия, отменив все состоявшиеся по делу судебные решения, указала следующее. Общее правило в поведении субъектов уголовного процесса, которое разрешил законодатель: лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред (ст. 76 УК РФ).

Ниже авторы кассационного определения вспомнили частное:

— правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации в определении от 4 июня 2007 г. № 519-О-О о том, что регламенты ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ направлены на достижение конституционно значимых целей дифференциации уголовной ответственности и наказания, усиление их исправительного воздействия (что это: хаотическая совокупность оценочных категорий или «процессуальная демагогия?»);

— п. 32 постановления Пленума ВС РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» от 29 июня 2010 г. № 17, согласно которому суд, принимая решение о прекращении уголовного дела за примирением сторон, оценивает, соответствует ли оно целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия;

— п. 9 постановления Пленума ВС РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 г. № 19, на основании которого при разрешении вопроса об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим судам следует учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет, наличие свободно выраженного волеизъявления потерпевшего, изменение степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшим, личность совершившего преступление, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

— п. 10 указанного выше постановления, согласно которому под заглаживанием вреда для целей ст. 76 УК РФ нужно понимать возмещение ущерба (*а если ущерб невозместим?*), а также иные меры (*какие?*), направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего.

Далее в кассационном определении указывается, что «различные уголовно наказуемые деяния влекут наступление разного по своему характеру вреда, поэтому предусмотренные ст. 76 УК РФ действия, направленные на заглаживание такого вреда и свидетельствующие о снижении степени общественной опасности преступления, нейтрализации его вредных последствий, не могут быть одинаковыми во всех случаях, а определяются в зависимости от особенностей конкретного деяния. Таким образом, суд обязан не просто констатировать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое, обоснованное и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных, характеризующих в том числе особенности объекта преступного посягательства, обстоятельства его совершения, конкретные действия, предпринятые виновным для возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного преступлением вреда, изменение степени общественной опасности деяния вследствие таких действий.

Суд должен был оценить, в какой степени предпринятые Телевным действия по заглаживанию вреда в виде извинений, принесенных супруге погибшего — В.Е.В., а также выплаченных ей денежных средств позволяли компенсировать наступившие от этого преступления негативные последствия в виде смерти В.Ю.В.

Игнорирование Телевным, имеющим длительный водительский стаж, требований установленных непосредственно перед участком дорожных работ предупреждающих и запрещающих временных дорожных знаков, предусматривающих в том числе ограничение максимальной скорости транспортного средства, наличия включенных световых сигналов (проблесковых маячков) специализированного автомобиля дорожной службы, предупреждающих о том, что на данном участке дороги ведутся ремонтные работы, привело к гибели В.Ю.В., Судебная коллегия пришла к выводу о том, что «отсутствие лично у потерпевшей В.Е.В. претензий к Телевному, а также ее мнение о полном заглаживании причиненного им вреда не могут являться единственным подтверждением такого уменьшения степени общественной опасности содеянного, которое позволило бы суду освободить Телевного от уголовной ответственности.

Кроме того, суд не привел суждений о том, соответствует ли прекращение уголовного дела по данному основанию общественным интересам в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с учетом характера нарушения Телевным ПДД РФ и способны ли меры, которыми ограничился суд, предотвратить в будущем подобные нарушения, поскольку прекращение уголовного дела не ограничило Телевного в праве управления транспортными средствами»¹.

Не удивительно, если мнения читателей относительно наличия или отсутствия ошибки в постановлении районного суда будут противоположными. Нашим оппонентам позволим только напомнить следующее.

Во-первых, возмещение ущерба потерпевшему (жене погибшего), причиненного смертью мужа. Чего здесь больше: рационального (думается, что все разумное здесь от лукавого) или иррационального? Человечество согласилось, что смерть человека (группы людей) равнозначна определенному сроку наказания (от двух месяцев лишения свободы до пожизненного).

Во-вторых, законодатель в ситуациях, аналогичных той, которая сложилась по делу Телевного, разрешает прекращение уголовного дела за при-

мирением сторон. Правильно ли решил законодатель или ошибся — тема отдельного разговора.

В-третьих, суд первой инстанции в полном объеме выполнил установленный законом регламент примирения, поэтому все рассуждения автора кассационного представления, а равно авторов кассационного определения о полноте возмещения ущерба — от лукавого.

В-четвертых, может быть, Телевный — стритрейсер? Таких, например в ФРГ, сразу могут осудить и за умышленное убийство.

Как в сложившейся ситуации «на земле» следует понимать намеки высших прокурорских и судебных инстанций? Ответ один: не допустить повторения судебной ошибки, вырвать Телевного из семьи и направить в места лишения свободы для содержания за счет общества.

Удивляет нас только позиция прокуратуры, которая основным объектом преступного посягательства по анализируемому делу усматривает безопасность дорожного движения. Очевидно и бесспорно, что Телевный ПДД РФ нарушил, он этого не скрывает и раскаивается. Однако останься это нарушение без последствий, пусть даже его последствия ограничились бы причинением вреда здоровью средней тяжести обоим потерпевшим, кто бы обо всем этом из должностных лиц прокуратуры вспомнил? Скажем больше (и это главное) — в современной России давно сложилась практика прекращения уголовных дел по ч. 3 ст. 264 УК РФ за примирением сторон. Видимо, прокуратура этого массива дел просто не видит.

Впрочем, может быть, по делу водителя Телевного, как и по делу судьи Емельянова, имеют место какие-то подводные камни? Нам неизвестно.

11. «Техническая ошибка»

Уголовно-процессуальный закон предлагает довольно-таки сложный, громоздкий, бесконечно растянутый во времени алгоритм выявления и исправления разного рода судебных ошибок. Примечательно, что функция их исправления в России традиционно возлагается преимущественно на вышестоящие судебные инстанции, включая Президиум ВС РФ. Вместе с тем очевидно: значительная часть «технических ошибок» может быть в самые кратчайшие сроки исправлена непосредственно судом, постановившим решение.

Институт исправления технических ошибок судом, постановившим решение, в котором они обнаружены, давно известен за рубежом. Отечественный

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2024 г. № 71-УДП23-11-К3 // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

законодатель начиная с 28 ноября 2018 г.¹ допускает исправление «описок» и «явных арифметических ошибок» судом, вынесшим «некорректное» решение в административном, гражданском и арбитражном процессе (ч. 2.1 ст. 184 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ст. 203.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), ст. 179 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Без прямого на то указания в законе генерируется практика исправления «технических ошибок» и в уголовном процессе.

17 декабря 2003 г. Судебной коллегией по уголовным делам ВС РФ в кассационном порядке было рассмотрено уголовное дело в отношении Ш., осужденного к пожизненному лишению свободы за совершение ряда особо тяжких преступлений. Наряду с прочими составами Ш. вменялась ч. 3 ст. 223 УК РФ. Из описательно-мотивировочной части определения суда второй инстанции следовало, что данный состав из осуждения Ш. подлежал исключению за непричастностью последнего к совершению преступления по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Однако в резолютивной части кассационного определения значилось, что уголовное дело прекращено в отношении Ш. в силу п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — ввиду истечения сроков давности.

Налицо классическая «техническая ошибка» (как принято говорить в среде профессионалов — «ляп»), допущенная судьей-докладчиком, который, как правило, единолично готовит проект документа, подлежащего оглашению в судебном заседании, и лично отвечает не только за точность юридических формулировок в описательно-мотивировочной части, но и за корректность цитирования уголовного и уголовно-процессуального закона в его резолютивной части.

«Вкравшуюся» в текст документа «техническую ошибку» тогда не заметили все участники процесса, в том числе сторона защиты и сам осужденный. Очевидна и причина равнодушия Ш. к итоговому для него судебному решению. Тогда институт частичной реабилитации был неведом судебной практике. Согласно требованиям ч. 1 ст. 134 УПК РФ

(в ред. от 5 июня 2007 г.²) лицо, в отношении которого прекращено уголовное преследование, имеет право на реабилитацию вне зависимости от того, оправдано оно полностью или в части.

Лицо, незаконно обвиненное в совершении преступлений, вправе рассчитывать на возмещение морального вреда (ст. 136 УПК РФ). Осужденный Ш. заявил, что необоснованное привлечение его к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 223 УК РФ с 1998 по 2003 г. причинило ему нравственные страдания, обратился с иском о компенсации ему морального вреда в размере 50.000 руб. к Федеральному казначейству и прокуратуре Ярославской области (последняя по закону должна перед ним извиниться).

Мы уже неоднократно задавались вопросом: что важнее в уголовном процессе: форма или содержание? В описательно-мотивировочной части кассационного определения была обоснована необходимость прекращения уголовного дела в отношении Ш. за непричастность его к совершению преступления — это содержание. Как отмечалось выше, форма резолютивной части документа была совершенно иной. Как в такой ситуации должен поступить суд?

Решением Дзержинского районного суда г. Ярославля от 15 января 2021 г. Ш. в удовлетворении иска было отказано, так как согласно резолютивной части кассационного определения уголовное дело в отношении его было прекращено совсем не по реабилитирующим основаниям, а всего лишь за истечением срока давности привлечения его к уголовной ответственности³.

Формальный подход районного судьи подвиг Ш. на внимательное прочтение процессуальных документов, и он потребовал от «автора» последней ошибки уточнения. Судья Дзержинского районного суда по правилам ч. 1 ст. 203.1 ГПК РФ осуществил самопроверку и самопересмотр своего же судебного решения и своим же определением от 30 марта 2021 г. внес изменения сразу во вводную

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).

³ Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 15 января 2021 г. № 2-88/2021 // Архив Дзержинского районного суда. 2021.

и резолютивную части документа, предельно кратко указав номер статьи — 223 УК РФ¹.

Следующий шаг Ш. — надзорная жалоба в Президиум ВС РФ, от которого осужденный потребовал внести соответствующие исправления в кассационное определение от 17 декабря 2003 г.

Анализ практики Президиума показывает, что этот высший исполнительный орган судебной власти Российской Федерации буквально перегружен исправлением «технических судебных ошибок».

Председатель состава докладчиков Президиума своим письмом возвратил осужденному его надзорную жалобу и предложил последнему обратиться в Судебную коллегия по уголовным делам ВС РФ в порядке п. 15 ст. 397 УПК РФ. Осужденный тут же воспользовался данным советом и направил в Судебную коллегия соответствующее ходатайство.

¹ Определение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 30 марта 2021 г. № 2-88/2021 // Архив Дзержинского районного суда. 2021.

Как известно, согласно п. 15 ст. 397 УПК РФ суд, постановивший приговор (ч. 1 ст. 396 УПК РФ), разъясняет сомнения и неясности, возникающие при его исполнении [18]. Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ «дополнительным определением» от 1 июля 2021 г., постановленным иными судьями, уточнила резолютивную часть определения от 17 декабря 2003 г., указав, что уголовное дело в отношении Ш. по ч. 3 ст. 223 УК РФ было прекращено по п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ за его непричастность к совершению данного преступления².

С сожалением констатируем, что институт исправления «технических ошибок» в уголовном процессе на данный момент не имеет не только законодательного закрепления, но и какого-либо научного обоснования [19].

(Продолжение статьи в следующем номере журнала.)

² Определение (дополнительное) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 июля 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

1. Колоколов Н. А. Деконструкция процессуальных ошибок: анализируем примеры из практики // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1. С. 2—10.

2. Следственные ошибки: учеб.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 159 с.

3. Новые следственные ошибки: учеб.-практ. пособие / под ред. А. М. Багмета. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 303 с.

4. Новейшие следственные ошибки: учеб.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Цветкова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 415 с.

5. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 714 с.

6. Цветков Ю. А. О феномене следственной ошибки // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3. С. 48—57.

7. Колоколов Н. А. Судебная ошибка: понятие, пути исправления // Уголовное судопроизводство: в 3 т. / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2019. Т. 3. С. 189—194.

8. Колоколов Н. А. Понятие судебной ошибки // Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) / под ред. А. И. Бастрыкина. Санкт-Петербург: Фонд «Университет», 2023. С. 477—478.

1. Kolokolov N. A. Deconstruction of procedural errors: analyzing examples from practice. Criminal proceedings, 2—10, 2023. (In Russ.).

2. Investigative errors. Educational-practical textbook. Ed. by A. I. Bastyrykin. Moscow: UNITY-DANA; 2016: 159. (In Russ.).

3. New investigative errors. Educational and practical textbook. Ed. by A. M. Bagmet. Moscow: UNITY-DANA; 2019: 303. (In Russ.).

4. The newest investigative errors. Educational and practical textbook. Ed. by Yu. A. Tsvetkov. Moscow: UNITY-DANA; 2021: 415. (In Russ.).

5. Nazarov A. D. Investigative and judicial errors and the criminal procedural mechanism for their elimination: conceptual basis. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saint Petersburg; 2017: 714. (In Russ.).

6. Tsvetkov Yu. A. On the phenomenon of investigative error. Journal of applied research, 48—57, 2021. (In Russ.).

7. Kolokolov N. A. Judicial error: concept, ways of correction. Criminal proceedings. In 3 vols. Ed. by N. A. Kolokolov. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurait, 189—194, 2019. (In Russ.).

8. Kolokolov N. A. The concept of judicial error. Criminal procedural law (Criminal proceeding). Ed. by A. I. Bastyrykin. Saint Petersburg: "University" Fund, 2023: 477—478. (In Russ.).

9. Конт-Спонвиль А. Философский словарь. Москва: Этерна, 2012. 750 с.

10. Колоколов Н. А. Засекреченный прецедент? Да нет, все-таки: «дело Воробей» уже вылетело — не поймаешь! Анализируем образец смелого и исключительно принципиального судебного усмотрения — определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в отношении лица, поспешно осужденного за «хищение» автомобиля у своей сожительницы // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 2—10.

11. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 335 с.

12. Колоколов Н. А. Президиум Верховного Суда РФ: два взгляда на одну проблему = Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation: two views on one problem // Международный журнал «Уголовное судопроизводство. Проблемы теории и практики» = International journal «Criminal Procedure. Problems of Theory and Practice». 2019. № 3. С. 73—91.

13. Колоколов Н. А. Критический анализ разрешения рядового гражданского иска в уголовном деле: случайные проблемы преюдициального характера или когнитивный диссонанс в головах правоприменителей? // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 111—125.

14. Колоколов Н. А. Провокация — оружие обоюдоострое // Уголовное судопроизводство. 2023. № 4. С. 2—10.

15. Курочкина Л. А. Обеспечение прокурором прав участника судебного разбирательства. Москва: Юрлитинформ, 2004. 160 с.

16. Колоколов Н. А. УАЗом по браконьеру: Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не без повода усомнилась в законности и обоснованности приговора, постановленного мировым судьей по ч. 2 ст. 114 УК РФ в отношении егеря // Мировой судья. 2023. № 1. С. 2—12.

17. Колоколов Н. А. Защита жертв преступлений: возможные пути совершенствования процессуального закона // Проблемы защиты жертв преступлений: материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ Проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Москва, 1999. С. 14—17.

18. Колоколов Н. А. Раздел XIV. Исполнение приговора. Глава 46. Обращение к исполнению приговора определений и постановлений.

9. Compt-Sponville A. Philosophical Dictionary. Moscow: Eterna; 2012: 750. (In Russ.).

10. Kolokolov N. A. Classified secret precedent? No, after all: the "Vorobey case" has already taken off — you won't catch it! We analyze an example of bold and exceptionally principled judicial discretion — the ruling decision of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to a person hastily convicted for a car theft from his partner. Criminal Proceedings, 2—10, 2024. (In Russ.).

11. Malakhov V. P. Theory of legal consciousness. Experience of formation. Moscow: UNITY-DANA; 2020: 335. (In Russ.).

12. Kolokolov N. A. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation: two views on one problem. International journal "Criminal Procedure. Problems of Theory and Practice", 73—91, 2019. (In Russ.).

13. Kolokolov N. A. Critical analysis of the resolution of an ordinary civil suit in a criminal case: random problems of a prejudicial nature or cognitive dissonance in the minds of law enforcement officers? Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 111—125, 2022. (In Russ.).

14. Kolokolov N. A. Provocation is a double-edged weapon. Criminal Proceedings, 2—10, 2023. (In Russ.).

15. Kurochkina L. A. Prosecutor's ensuring the rights of a participant in the trial. Moscow: Yurlitinform; 2004: 160. (In Russ.).

16. Kolokolov N. A. UAZ-vehicle movement directed to a poacher: the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, not without any reason, doubted the legality and validity of the sentence passed by the magistrate under Part 2 of Art. 114 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to the huntsman. Justice of the Peace, 2—12, 2023. (In Russ.).

17. Kolokolov N. A. Protection of crime victims: possible ways to improve the procedural law. In: Problems of protection of crime victims: materials of the extended meeting of the Academic Council of the Research Institute of Problems to Strengthen Law and Order under the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow; 1999: 14—17. (In Russ.).

18. Kolokolov N. A. Section XIV. Execution of the sentence. Chapter 46. Appeal to the execution of sentences related to verdicts and decisions. Chapter 47. Proceedings to consider and resolve issues related to the execution of the sentence.

Глава 47. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 33—56. Поставленный научно-практический комментарий / отв. ред. Л. А. Воскобитова. Москва: Ред. «Российской газеты», 2015. С. 476—536.

19. Колоколов Н. А. «Технические ошибки»: практика в поисках путей их исправления // Российский судья. 2021. № 9. С. 49—54.

Колоколов Никита Александрович,

судья Верховного Суда Российской Федерации в почетной отставке;
заведующий кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А. С. Грибоедова;
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета,
председатель редакционного совета журнала «Уголовное судопроизводство»,
председатель редакционного совета журнала «Мировой судья»;
nikita_kolokolov@mail.ru

In: Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Chapters 33—56. Article-by-article scientific and practical commentary. Ed. by L. A. Voskobitova. Moscow: Editorial office of Rossiyskaya Gazeta; 2015: 476—536. (In Russ.).

19. Kolokolov N. A. "Technical errors": practice in search of ways to correct them. Russian Judge, 49—54, 2021. (In Russ.).

Kolokolov Nikita Alexandrovich,

judge of the Supreme Court of the Russian Federation, honorably retired;
head of the department of judicial and prosecutor-investigative activities of the Moscow University named after A. S. Griboyedov;
professor at the department of theory and history of state and law of the Moscow State Pedagogical University;
chairman of the editorial board of the "Criminal Justice" journal,
chairman of the editorial board of the "Justice of the Peace" journal;
nikita_kolokolov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.12.2023; одобрена после рецензирования 22.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 13.12.2023; approved after reviewing 22.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.132

doi: 10.25724/VAMVD.A217

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБЫСКА И ВЫЕМКИ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
(НОВОЕ ИЛИ ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ)**

Эльдар Кяримович Кутуев

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия,
kutuev@inbox.ru

Аннотация. В ходе предварительного следствия избрание мер пресечения осуществляется с учетом вынужденной необходимости обеспечения должного поведения со стороны подозреваемого (обвиняемого) с соблюдением его конституционных прав и гарантий безопасности других участников уголовного судопроизводства, то же самое относится к следственным и иным процессуальным действиям, содержащим элементы уголовно-процессуального принуждения, причем ряд принудительных мер применяется фактически до возбуждения уголовного дела (осмотр, освидетельствование и др.).

С одной стороны, законодателем поставлена точка в некоторых теоретических спорах по поводу отнесения тех или иных уголовно-процессуальных институтов к мерам процессуального принуждения. Так, законодательно решен вопрос о том, к следственным действиям или мерам принуждения относится задержание. С другой стороны, за рамками раздела IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации остались многие процессуальные действия и решения, имеющие явно принудительный характер (например, временное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях) или содержащие элементы уголовно-процессуального принуждения. К последним относится обыск, который в ряде зарубежных стран по степени принуждения приравнивается к аресту лица.

Ключевые слова: предварительное следствие; меры принуждения в уголовном процессе; следственные действия, содержащие элементы принуждения; конституционные права и гарантии безопасности участников

Для цитирования: Кутуев Э. К. Принудительный характер обыска и выемки в уголовном процессе (новое или хорошо забытое старое) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 74—79. doi: 10.25724/VAMVD.A217

**FORCED NATURE OF SEARCH AND SEIZURE
IN CRIMINAL PROCEEDINGS
(NEW OR WELL-FORGOTTEN OLD PROBLEMS)**

Eldar Kyarimovich Kutuev

Saint-Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia, kutuev@inbox.ru

Abstract. In the preliminary investigation, preventive measures shall be selected to comply with the mandatory need to ensure proper behavior of the suspect (accused) and to respect his / her constitutional rights and guarantees the safety of other participants in the criminal proceedings; the same applies to investigative and other procedural activities with elements of criminal procedure compulsion, and some of enforcement measures are applied immediately before the criminal proceedings (personal search, medical examination etc.).

On the one hand, the legislator has finished some theoretical disputes about the attribution of certain criminal procedure institutions to measures of enforcement. Thus, the question of whether detention is an investigative activity or a measure of compulsion has been legally resolved. On the other hand, the Section IV of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation has left out many procedural activities and decisions, which are obviously compulsory (e. g., temporary placement in a medical organization providing inpatient psychiatric care). The measures of criminal procedure compulsion include the search, and in some foreign countries, the search is equal to arrest of a person by the degree of compulsion.

Keywords: preliminary investigation; measures of compulsion in criminal proceedings; investigative actions with elements of compulsion; constitutional rights and guarantees of safety of participants

For citation: Kutuev E. K. Forced nature of search and seizure in criminal proceedings (new or well-forgotten old problems). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 74—79, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A217

Уголовное судопроизводство представляет собой одну из сфер деятельности государства и его органов, в которой допускается применение государственного принуждения различной степени вплоть до ограничения естественных и неотъемлемых конституционных прав человека.

К процессуальным действиям, содержащим элементы принуждения, которые могут применяться в отношении лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, следует отнести: обыск и выемку (ст. 182—184 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)); получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ); освидетельствование (ст. 179 УПК РФ); осмотр жилища против воли проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ); эксгумацию трупа, если родственники покойного возражают против нее (ч. 3 ст. 178 УПК РФ); наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ); контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ). Однако такие процессуальные действия, как обыск и (или) выемка в жилище и осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, эксгумация трупа при отсутствии согласия родственников, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, обусловлены судебным решением.

Среди перечисленных процессуальных действий обыск стоит на первом месте по степени принудительности.

В Соединенных Штатах Америки существуют конституционные положения, относящиеся к аресту и обыску. В 1791 г. в Билле о правах (поправках к Конституции США) в четвертой поправке был установлен запрет на нарушение права в отношении гарантий неприкосновенности от безосновательных обысков личности и жилища. Была также предусмотрена необходимость подтвержденного присягой основания, являющегося достаточным для выдачи ордера, и детальной характеристики в данном ордере предметов, лиц, в отношении которых будет проводиться арест, места, где должен быть проведен обыск¹.

¹ Международные акты о правах человека: сб. док. М., 2000. С. 24.

Как отмечал М. А. Пешков, в практике Верховного Суда США к середине прошлого века сформировался подход, согласно которому указанная поправка ориентирована преимущественно на то, чтобы защищать от противоправного избыточного вмешательства со стороны государства в частную жизнь граждан и их свободу [1].

В большинстве иностранных государств только суд обладает полномочиями выдавать ордер на обыск и арест.

В Российской Федерации, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, для того чтобы осуществлять личный обыск, выемку и (или) обыск в жилище, требуется решение, вынесенное судом. Вместе с тем проведение данных действий возможно без указанного решения в безотлагательных ситуациях, являющихся исключительными. Согласно ч. 5 ст. 165 УПК РФ, не позднее трех суток с момента начала производства следственного действия о его производстве должны быть уведомлены прокурор и судья. В. В. Кальницкий отмечает оценочность использованного законодателем понятия исключительных случаев и указывает, что подобные ситуации возникают, когда требуется обыск для задержания преступника, пресечения преступной деятельности; получена информация об осуществлении действий лицом, имеющим значимые для дела объекты, которые оно собирается скрыть либо уничтожить; при проведении иных следственных действий возникли фактические основания для обыска [2]. Отметим также ситуации, при которых из-за непроведения безотлагательного обыска будут скрыты значимые для уголовного дела документы либо предметы лицом, находящимся в месте производства следственного действия, или скроется подозреваемый².

В соответствии с ч. 6 ст. 29 УПК РФ возможность проведения личного обыска в отсутствие

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19. П. 5 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217688/ (дата обращения: 01.01.2024).

решения суда существует в случаях, указанных в ст. 93 УПК РФ, из которой следует, что правила личного обыска подозреваемого содержатся в ст. 184 УПК РФ.

Если имеются достаточные основания для вывода о сокрытии присутствующим в месте проведения обыска лицом при себе значимых для уголовного дела документов либо предметов, а также в случае задержания либо заключения лица под стражу, согласно ч. 2 ст. 184 УПК РФ устанавливается возможность личного обыска без решения суда, более того — в отсутствие отдельного постановления, вынесенного следователем или дознавателем.

Таким образом, в сопоставлении со ст. 29 УПК РФ число случаев, когда потребность в судебном решении о проведении личного обыска отсутствует, является более значительным. Нет и указаний в отношении особенностей обыска применительно к адвокату, которые отражены в ст. 450.1 уголовно-процессуального закона.

Среди прочих следственных действий обыск является наиболее распространенным, поэтому процессуалисты, криминалисты уделяют ему повышенное внимание [3—7]. В то же время относящиеся к производству данного следственного действия элементы, связанные с процессуальным принуждением, анализируются намного реже. А. Ф. Кони в свое время говорил, что материальные и нравственные стороны жизни человека при безосновательном обыске подвергаются негативному влиянию, и подобный обыск представляет собой вмешательство в личную жизнь, являющееся оскорбительным [8].

Согласно УПК РФ обыск, выемка в помещении — это принудительные действия. После того как предъявляется постановление о производстве обыска или выемки в отношении лица, которое обладает объектами, представляющими интерес для следствия, при себе либо в принадлежащем ему помещении, выдвигается предложение о добровольном порядке предоставления перечисленных объектов следствию. Если указанный порядок не реализуется, обыск и выемка являются принудительными.

Принудительность, присущая указанным действиям, связана и с тем, что при их производстве могут вскрываться хранилища, помещения (следователь не должен повреждать двери, запоры, если потребность в этом отсутствует). Еще одно проявление принудительности — наличие у следователя права установить запрет на общение, выход из помещения до завершения обыска для лиц, которые там присутствуют [4; 9].

Обыск, выемка, которые проводятся на местности (например, на дачном участке), в отличающемся от жилища помещении (рабочий кабинет, офис и т. п.), также характеризуются принудительностью. В данных местах возможно наличие документов, личных вещей, содержащих тайну, охраняемую законом, или сведения, относящиеся к частной жизни. Соответственно, предусмотренное Конституцией России принципиальное требование, согласно которому частная жизнь неприкосновенна, может быть нарушено в случае, когда осуществляется обыск и (или) выемка в ином помещении, а не только в жилище. С учетом этого обстоятельства необходимо предусмотреть наличие решения, вынесенного судом, в отношении всех видов обыска, выемки независимо от места их проведения.

Распространены ситуации, когда обыск производится безотлагательно. Специалисты неоднократно отмечали целесообразность нормативно зафиксировать обстоятельства, при которых вынесенное следователем либо дознавателем постановление о производстве обыска является обязательным [8]. Необходимо обратить внимание на то, что нет возможности в полном объеме отразить нормативно соответствующие обстоятельства.

Личный обыск характеризуется еще большей степенью выраженности принудительности. Этот вид обыска осуществляется применительно к лицу, являющемуся подозреваемым, обвиняемым, для того чтобы обнаружить значимые для уголовного дела документы, предметы. Данная норма, зафиксированная в чч. 1 и 2 ст. 184 УПК РФ, определяет, что указанное действие может проводиться применительно к любому из лиц, пребывающих в месте его осуществления. Условием выступает возможное наличие у лица значимых для уголовного дела документов или вещей.

Как полагает И. Л. Петрухин, специфика личного обыска состоит в том, что местом обнаружения значимых для уголовного дела документов, предметов являются ручная поклажа, имеющаяся при лице, его тело, одежда, естественные отверстия. В случае обыска тела и естественных отверстий неприкосновенность человека в физическом отношении подвергается ограничению [10].

Каждая разновидность обыска включает в себя связанные с уголовно-процессуальным принуждением составляющие. Они относятся как к обвиняемому или подозреваемому, так и к прочим лицам, процессуальный статус которых по делу отсутствует. Например, действия в виде личного обыска лиц, присутствующих в помещении, где он производится, обыска в жилище, которое принадлежит

родным лица, являющегося обвиняемым либо подозреваемым, и др.

В некоторых случаях возможны противоправные посяательства в отношении имущества, находящегося в помещении, где осуществляется обыск, в том числе когда основания для его производства соответствуют закону в полном объеме. Существуют и ситуации, когда изъятые из гражданского оборота вещи (оружие, психотропы, наркотики и др.) подбрасываются. Для пресечения подобных действий при обыске в ч. 1 ст. 170 УПК РФ нормативно предусмотрено требование присутствия понятых, лица, применительно к которому осуществляется обыск, или членов его семьи, достигших возраста 18 лет.

Обыск может производиться в присутствии адвоката либо защитника лица, в жилище которого он осуществляется, при этом необходимость в том, чтобы следователь предоставлял разрешение на присутствие адвоката либо защитника, отсутствует (тогда как исходная редакция ч. 11 ст. 182 уголовно-процессуального закона подобное требование содержала).

В части 15 ст. 182 УПК РФ закреплена возможность присутствия лица, представляющего администрацию организации, когда в ее помещении производится обыск. Согласно ч. 10 данной статьи присутствующим при обыске лицам, в том числе понятым, предъявляются ценности, документы, предметы, которые были изъяты. Если требуется, соответствующие объекты подлежат упаковке и опечатыванию там, где производится обыск, и указанные лица должны это удостоверить.

Предусмотрена необходимость вручения копии протокола лицу, помещение которого является местом проведения обыска, или члену его семьи в возрасте от 18 лет. В соответствии с ч. 15 ст. 182 УПК РФ копия протокола вручается под расписку и лицу, представляющему администрацию организации, если место проведения обыска — помещение данной организации.

Обыск должен производиться в присутствии двух и более понятых. Потребность в том, чтобы число понятых было больше двух, возникает, когда одновременно проводятся действия поискового характера в помещении в различных местах или данные действия осуществляют более одного следователя [2].

Исходная редакция ч. 1 ст. 170 уголовно-процессуального закона не фиксировала необходимости в понятых при личном обыске. Было установлено, что их наличие определяется или заявленным участниками уголовного судопроизводства хода-

тайством, или усмотрением следователя. По мнению исследователей, данная норма была связана с тем, что законодатель должен сохранять личную тайну лица, применительно к которому осуществляется личный обыск [11]. С принятием 4 июля 2003 г. соответствующего Федерального закона содержание указанной нормы изменилось, и было зафиксировано, что понятые должны присутствовать и во время производства личного обыска (кроме предусмотренных ч. 3 ст. 170 УПК РФ ситуаций). Установлено также, что понятые должны быть одного пола с лицом, подвергающимся личному обыску, и само действие должно осуществлять лицо того же пола.

Применительно к сохранению личной тайны следует обратить внимание на норму, содержащуюся в ч. 7 ст. 182 уголовно-процессуального закона. Согласно этой норме следователь реализует меры, исключающие разглашение семейной, личной тайны, сведений, относящихся к частной жизни лица, в помещении которого проведен обыск, и прочих лиц. Указанное положение относится и к случаям, когда обыск в помещении сопровождается личным обыском, при этом сходное правило не распространяется на ситуации, когда личный обыск производится как отдельное следственное действие. Данное обстоятельство нужно расценивать как нормативный пробел.

Присутствующие при обыске понятые не имеют права разглашать сведения, относящиеся к предварительному расследованию, и должны быть заблаговременно предупреждены об этом. В случае разглашения указанных сведений наступает предусмотренная ст. 310 УПК РФ ответственность. Д. К. Стригалева, С. Б. Мартыненко и И. А. Антонова в своей работе отмечают, что, исходя из соответствующих положений закона, усматривается стремление законодателя обеспечить интересы следствия, а не неприкосновенность частной жизни, поскольку возможности привлечения к ответственности бывшей понятой в связи с разглашением относящейся к предварительному следствию информации будут весьма ограниченными, если понятая сообщит кому-либо, что хозяйка жилого помещения, являвшегося местом обыска, содержит его в беспорядке [11].

В. Т. Томин не видит оснований для установления обязательности участия понятых в процессе производства обыска и прочих следственных действий. Автор отмечает, что существующий в уголовном процессе институт понятых представляет собой явное отражение связанной с виновностью следователя презумпции. Он также считает, что нужно

рассматривать соответствующий институт в аспекте необходимости сохранять тайну — семейную, личную, защищать относящиеся к частной жизни интересы, указывая, что осмотры, обыски, в некоторых случаях — следственные эксперименты сопровождаются привлечением абсолютно посторонних людей в жилые помещения граждан [12]. С учетом данного обстоятельства в научных публикациях рекомендуется предусмотреть диспозитивность при решении вопроса, связанного с участием понятых, и возможность их участия по усмотрению лица, применительно к которому производится следственное действие [11].

В работе В. Т. Томина подчеркнута целесообразность введения в уголовно-процессуальный закон возможности не участвовать в следственных действиях понятых в случае заявления соответствующего ходатайства лицом, применительно к которому они осуществляются, адвоката; не вести непрерывную видеозапись производства следственного действия; не привлекать к участию в нем минимум двух сотрудников органов правоохраны — в связи с отсутствием или ограничением возможности найти понятых, поскольку вследствие задержки с обыском может возникнуть опас-

ность для людей или следы преступления будут утрачены [12]. Отметим, что по прошествии ряда лет в законодательство была внесена часть перечисленных предложений.

Обратим внимание на возможность решения рассматриваемой проблемы за счет отвода понятых. Аргументация подобного предложения была представлена, в том числе, И. Л. Петрухиным, указавшим, что лицо, применительно к которому проводится обыск, должно быть вправе отвести понятых, которые могут разгласить имеющиеся у обыскиваемого личные тайны (коллеги по работе, соседи и др.). Вместе с тем необходимо разъяснять лицу, в жилище которого проводится обыск, о наличии такого права с фиксацией в протоколе соответствующей отметки [10].

Меры, связанные с процессуальным принуждением, применяются преимущественно в рамках досудебных стадий. Между тем освидетельствование и ряд иных мер, являющихся принудительными, принимаются еще до того, как возбуждено дело. Следовательно, уголовно-процессуальное принуждение реализуется и на стадии предварительного расследования, и на стадии возбуждения уголовного дела.

1. Пешков М. А. Арест и обыск в США. Москва: Спарк, 1998. 102 с.

2. Кальницкий В. В., Ларин Е. Г. Следственные действия: учеб. пособие. Омск: ОМА МВД России, 2015. 222 с.

3. Еремин С. Г. Возбуждение уголовного дела о преступлениях в сфере дистанционно-банковского обслуживания, следственные ситуации, версии, планирование и расследование на первоначальном этапе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 78—85.

4. Лукинов А. С. Законность обыска и выемки до возбуждения уголовного дела // Законность. 2020. № 7 (1029). С. 50.

5. Меркулов М. А., Абросимов И. И. Актуальные проблемы производства обыска и выемки в контексте обеспечения безопасности прав участников уголовного процесса // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 40—44.

6. Морозова Н. В. Некоторые проблемы, возникающие при проведении выемки и обыска в жилище // Закон и право. 2019. № 5. С. 150—151.

7. Харина Э. Н. Обыск: виды и цели, особенности производства в современных условиях // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 148—159.

1. Peshkov M. A. Arrest and Search in the USA. Moscow: Spark; 1998: 102. (In Russ.).

2. Kalnitsky V. V., Larin Ye. G. Investigative activities. Textbook. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2015: 222. (In Russ.).

3. Yeremin S. G. Initiation of criminal proceedings in the sphere of the telebanking, investigations, leads, planning and preliminary investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 78—85, 2019. (In Russ.).

4. Lukinov A. S. Legality of the search and seizure before the initiation of a criminal case. Legality, 50, 2020. (In Russ.).

5. Merkulov M. A., Abrosimov I. I. Topical problems of search and seizure in the context of ensuring the security of the rights of participants in criminal proceedings. Bulletin of Prikamsky Social Institute, 40—44, 2020. (In Russ.).

6. Morozova N. V. Some problems in the seizure and search in the dwelling. Legislation and Law, 150—151, 2019. (In Russ.).

7. Kharina E. N. Search: types and aims, specifics to conduct it under acting conditions. Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 148—159, 2019. (In Russ.).

8. Кони А. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / [под общ. ред. В. Г. Базанова и др.]. Москва: Юрид. лит., 1966—1969. Т. 2. 503 с.

9. Ахпанов А. Н. Меры процессуального принуждения: социальная ценность, теория и практика применения: учеб. пособие / под ред. С. П. Щербы. Караганда: Караганд. высш. шк. МВД СССР, 1989. 92 с.

10. Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: Общая концепция. Неприкосновенность личности / отв. ред. И. Б. Михайловская. Москва, 1985. 239 с.

11. Антонов И. А., Мартыненко С. Б., Стригалева Д. К. Неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства: монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2003. 181 с.

12. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. Москва: Юрид. лит., 1991. 239 с.

8. Koni A. F. Collection of works. In 8 vols. Vol. 2. Ed. by V. G. Bazanov (et al.). Moscow: Juridical literature, 1966—1969; 503. (In Russ.).

9. Akhpanov A. N. Measures of procedural compulsion: social value, theory and practice of implementation. Textbook. Ed. by S. P. Shcherba. Karaganda: Karaganda Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; 1989: 92. (In Russ.).

10. Petrukhin I. L. Personal liberty and Criminal Procedure compulsion. General concept. Inviolability of the person. Ed.-in-chief I. B. Mikhaylovskaya. Moscow: Nauka Publ.; 1985: 239. (In Russ.).

11. Antonov I. A., Martynenko S. B., Strigalev D. K. Privacy in the sphere of criminal procedure. A monograph. Ed. by V. P. Salnikov. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia; 2003: 181. (In Russ.).

12. Tomin V. T. Critical problems of criminal proceedings. Moscow: Juridical literature; 1991: 239. (In Russ.).

Кутуев Эльдар Кяримович,

исполняющий обязанности
заведующего кафедрой
уголовного права и уголовного процесса
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник в сфере образования
Российской Федерации;
kutuev@inbox.ru

Kutuev Eldar Kyarimovich,

acting head of the department
of criminal law and criminal procedure
of the Saint-Petersburg State
Economic University,
doctor of juridical sciences, full professor,
honorable worker of education
of the Russian Federation;
kutuev@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.154
doi: 10.25724/VAMVD.A218

ОСНОВАНИЯ ОПРАВДАНИЯ И ПОСТАНОВЛЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Нина Сергеевна Манова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
n.manova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность оснований вынесения оправдательного приговора и анализируется соотношение таких понятий, как «основания оправдания» и «основания постановления оправдательного приговора». Автор приходит к выводу о том, что необходимо различать основания оправдания, под которыми следует понимать выведенные из норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации общие случаи признания подсудимого невиновным, и основания постановления оправдательного приговора, которые могут быть определены как закрепленные в ч. 2 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации обстоятельства, обуславливающие принятие судом решения о невиновности подсудимого. Подчеркивается, что основания вынесения оправдательного приговора, несмотря на единую природу, имеют индивидуальное смысловое наполнение, и их разграничение крайне важно в практическом отношении, поскольку от точности формулировки зависит возникновение конкретных правовых последствий для оправданного.

В статье также анализируется последовательность законодательного изложения оснований для постановления оправдательного приговора и подчеркивается, что каждое предшествующее основание оправдания не должно допускать возможности оправдания по основанию, следующему за ним. В связи с этим очередность расположения оснований вынесения оправдательного приговора в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, когда вначале суд решает вопрос об установлении события преступления, затем о причастности к совершению преступления подсудимого и только потом о наличии в действиях подсудимого состава преступления, по мнению автора, отвечает требованиям разумности и заслуживает поддержки.

Ключевые слова: оправдание, оправдательный приговор, основания оправдания, основания вынесения оправдательного приговора, последовательность законодательного изложения оснований оправдания

Для цитирования: Манова Н. С. Основания оправдания и постановления оправдательного приговора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 80—87. doi: 10.25724/VAMVD.A218

THE BASES FOR JUSTIFICATION AND THE RESOLUTIONS OF AN ACQUITTAL

Nina Sergeevna Manova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, n.manova@mail.ru

Abstract. In the article the main point of the bases for an acquittal is considered and the correlation of such notions as "bases for justification" and "bases for resolutions of an acquittal" is analyzed.

The author makes a conclusion that it is necessary to differentiate between the bases for justification, which should be understood as general cases of recognizing the defendant as innocent, derived from the standards of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the bases for resolutions of an acquittal, which can be defined as the circumstances fixed in part 2 of article 302 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, causing the court's decision concerning the innocence of the defendant.

It is pointed out that the bases for an acquittal, despite their unified nature, have individual semantic content, and their differentiation is highly important in practical terms, as because of the accuracy of the definition the emergence of specific legal consequences depends on the acquitted person.

The sequence of the legislative presentation of the bases for justification of an acquittal is also analyzed in the article and it is emphasized that each preceding base of an acquittal should not allow the possibility of acquittal about the base following it. Consequently, the sequence of the bases for acquittal in the acting Criminal Procedure Code of the Russian Federation, when firstly the court solves the issue of the identification of the event of the crime then about the involvement of the defendant in the commission of the crime and only then about the presence of the corpus delicti in the actions of the defendant, to the author's mind, meets the requirements of reasonableness and deserves support.

Keywords: justification, an acquittal, bases for justification, resolutions of an acquittal, consistency of the legislative statement of bases for justification

For citation: Manova N. S. The bases for justification and the resolutions of an acquittal. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 80—87, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A218

В доктрине уголовного процесса существуют различные представления о том, что следует понимать под основаниями оправдательного приговора. М. Ф. Маликов считает таковыми «всесторонние проверенные и оцененные судом конкретные фактические данные (доказательства), свидетельствующие о несостоятельности предъявленного обвинения, о невиновности лица в совершении преступления» [1, с. 13]. Похожим образом определяют основания вынесения оправдательного приговора и иные авторы [2; 3]. По мнению Л. М. Карнеевой, «основаниями вынесения оправдательного приговора являются как доказанность обстоятельств, свидетельствующих о невиновности лица, так и наличие этих обстоятельств» [4, с. 88], а М. И. Пастухов определяет их как «сложившуюся в результате судебного разбирательства дела ситуацию доказывания, свидетельствующую о неустановлении виновности подсудимого в совершении преступления» [5, с. 44]. Приведенные определения опираются на фактологическую составляющую оснований оправдания, подразумевая под ними доказательства, подтверждающие невиновность подсудимого или не устанавливающие его виновность.

В пункте 3 ч. 1 ст. 305, п. 2 ч. 1 ст. 306 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) понятие «основания оправдания» законодатель употребляет, говоря о содержании оправдательного приговора. Однако общий анализ норм УПК РФ приводит к выводу о неравнозначности формулировок «основания оправдания» и «основания постановления оправдательного приговора», «основания вынесения оправдательного вердикта присяжных заседателей».

Исходя из взаимосвязи норм ч. 2 ст. 302 и чч. 1, 2 ст. 339, а также ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 299 УПК РФ, оправдание подсудимого является следствием признания его невиновности, которая констатиру-

ется, если не установлено событие преступления, подсудимый непричастен к его совершению либо отсутствует состав уголовно наказуемого деяния. Указание же в п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ на такое основание постановления оправдательного приговора, как вынесение коллегией присяжных оправдательного вердикта, связано с особыми правилами принятия итогового решения при судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. В юридическом смысле оно имеет иное значение, поскольку отсылает к основаниям вынесения оправдательного вердикта присяжных, в значительной степени повторяющим положения пп. 1—3 ч. 1 ст. 302 УПК РФ.

Полагаем, что необходимо различать основания оправдания, под которыми следует понимать выведенные из норм УПК РФ общие случаи признания подсудимого невиновным, и основания постановления оправдательного приговора, оправдательного вердикта присяжных, обозначенные в ч. 1 ст. 339, ч. 3 ст. 343 УПК РФ.

Основания оправдания взаимосвязаны, коррелируют с основаниями отказа в возбуждении уголовного дела и основаниями прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Пункты 1, 2 ч. 1 ст. 24 полностью соответствуют пп. 1, 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, а п. 1 ч. 1 ст. 27 — п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ. Однако правовые последствия установления этих оснований в различных стадиях процесса различны. В стадии возбуждения уголовного дела установление обстоятельств, предусмотренных пп. 1, 2 ст. 24 УПК РФ, «исключает возможность дальнейшего производства по поступившей информации о совершенном или готовящемся преступлении» [6]. Если эти обстоятельства устанавливаются в ходе расследования, то они являются причинами прекращения дальнейшего уголовного

преследования лица¹. Если же эти обстоятельства устанавливаются в ходе судебного разбирательства, то они выступают как основания оправдания, указывающие на невиновность подсудимого.

В то же время основания оправдания способны влечь различные процессуальные решения. Так, оправдательный приговор на основе обвинительного вердикта присяжных постановляется только при отсутствии в совершенном деянии состава преступления (ч. 4 ст. 348 УПК РФ); отсутствие, по мнению судьи, события преступления или непричастности подсудимого к нему влечет роспуск коллегии и направление дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии предварительного слушания (ч. 5 ст. 348 УПК РФ). Обнаружение в процессе рассмотрения уголовного дела по правилам гл. 40 УПК РФ любых оснований оправдания требует принятия решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке соответственно (ч. 6 ст. 316 УПК РФ).

Исходя из изложенного, под основаниями оправдания следует понимать обстоятельства, свидетельствующие о невиновности лица в совершении преступления и являющиеся причиной вынесения оправдательного решения. Основания постановления оправдательного приговора могут быть определены как закрепленные в ч. 2 ст. 302 УПК РФ обстоятельства, обуславливающие принятие судом решения о невиновности подсудимого.

Согласно действующему законодательству оправдательный приговор выносится судом в следующих случаях:

- 1) если не установлено событие преступления;
- 2) подсудимый не причастен к совершению преступления;
- 3) в деянии подсудимого отсутствует состав преступления;
- 4) в отношении подсудимого коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт (ч. 2 ст. 302 УПК РФ).

В теории уголовного процесса предлагается дополнить этот перечень оснований случаями отказа прокурора от обвинения [7; 8] и установления обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния [9].

С момента первого закрепления оснований оправдания в процессуальном законе они связывались с ответами на вопросы о том, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и является ли это деяние преступлением. Позже оправдание стало зависеть и от доказанности совершения деяния подсудимым. Иными словами, существо оснований постановления оправдательного приговора практически не подвергалось изменению, однако в зависимости от происходящих в обществе политических процессов видоизменялась их форма. Кроме редакционных изменений самих формулировок оправдания, законодатель менял и последовательность их изложения в законе. В итоге в УПК РФ основания оправдания были представлены в статье, посвященной видам приговоров, хотя в проекте УПК РФ, принятом в первом чтении, основаниям постановления оправдательного приговора была посвящена отдельная статья (ст. 351)².

Все основания вынесения оправдательного приговора влекут признание подсудимого невиновным и его реабилитацию (ч. 3 ст. 302 УПК РФ). Однако, несмотря на их единую природу, разграничение этих оснований имеет большое практическое значение, «поскольку от точности формулировки оснований оправдания зависит возникновение конкретных правовых последствий для оправданного» [3, с. 18]. Закон (п. 3 ч. 1 ст. 305 и п. 2 ч. 1 ст. 306 УПК РФ) требует, чтобы в описательно-мотивировочной и резолютивной частях приговора были указаны конкретные основания оправдания. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, неустановление события преступления, непричастность к нему преследуемого лица и отсутствие состава преступления в нем, хотя и признаются в равной степени реабилитирующими основаниями, не являются тождественными и не могут подменять друг друга. Иное бы обесмысливало их выделение, свидетельствовало о правовой неопределенности, вело к произвольному выбору

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Посохова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав статьями 133—139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2019 г. № 2725-О // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.09.2023).

² Проект № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (окончат. ред., принята ГД ФС РФ 22 ноября 2001 г.) // СОЗД ГАС «Законодательство». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700236-2> (дата обращения: 10.08.2021).

нормы, подлежащей применению и нарушению принципа равенства перед законом¹.

Отличия оснований вынесения оправдательного приговора по правовым последствиям проявляются, например, в дальнейшей возможности привлечения оправданного к иному виду ответственности. Так, оправдание за отсутствием состава преступления не препятствует наступлению определенных негативных последствий для оправданного, который может быть привлечен к дисциплинарной, административной или иной ответственности, поскольку, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, данное основание оправдания не отрицает факта участия этого лица в совершении деяния, по которому было возбуждено уголовное дело, в отличие от оправдания в связи с отсутствием события преступления и непричастностью к нему подсудимого².

Кроме того, согласно положениям УПК РФ, суд при оправдании за отсутствием события преступления или в связи с непричастностью подсудимого к совершению преступления отказывает в удовлетворении гражданского иска, а когда в деянии подсудимого отсутствует состав преступления — оставляет гражданский иск без рассмотрения, указывая в решении, что за истцом сохраняется право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 306 УПК РФ)³.

Наконец, в соответствии с ч. 3 ст. 306 УПК РФ, при оправдании в связи с непричастностью подсудимого к совершению преступления суд направляет руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовное дело для установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Иначе говоря, в данном случае производство по уголовному делу не оканчивается [10], поскольку постановление оправда-

тельного приговора ввиду этого основания во многих случаях означает, что «преступление не раскрыто и преступник не изобличен: подсудимый не совершил преступления, но преступление было совершено, а кем именно — не установлено» [11, с. 19—20]. Вместе с тем, как справедливо отмечено, направление дела на предварительное расследование возможно только при доказанной непричастности оправданного [12]. Ненаправление же уголовного дела для установления действительного виновника преступления поставит оправданное лицо в состояние «оставления в подозрении». Неуверенность суда в том, что к преступному деянию причастен подсудимый, равнозначна его сомнению в том, что преступление совершил не подсудимый, а иное лицо. В связи с этим отказ от попытки изобличить действительно виновного в преступлении не позволит достичь назначения уголовного процесса: защитить права потерпевших от преступления и оградить невиновных от уголовного преследования.

Необходимость выполнения нормативных предписаний о последствиях оправдания требует от суда правильного определения оснований оправдания и их четкого формулирования, осознание их смыслового наполнения и той последовательности, в которой они изложены в УПК РФ. Поэтому огромную важность приобретает проблема истинности оправдательного приговора, порождаемая неоднозначностью понимания вопроса о необходимости доказанного отсутствия или достаточности недоказанного наличия события, состава преступления и причастности к нему обвиняемого. Несмотря на то что последнее упоминание «недоказанности» при формулировке оснований оправдания имело место в УПК РСФСР 1960 г., обсуждение того, насколько современные формулировки оснований постановления оправдательного приговора точно отражают отношение к подтвержденности оправдывающих обстоятельств, продолжается и ныне. Как точно замечено, «для оправданного не безразлично, будет он оправдан ввиду недоказанности его участия в совершении преступления, что не устраняет сомнений в виновности, или за непричастностью к совершению преступления» [13, с. 127], «оправданные, участие которых в совершении преступления не доказано, не должны носить ярлык неразоблаченных преступников» [5, с. 67].

В теории уголовного процесса применительно к понятиям доказанности и недоказанности отмечается, что «достаточность доказательств всегда означает доказанность наличия или отсутствия

¹ По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой: постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2021 г. № 13-П // СЗ РФ. 2021. № 17. Ст. 3044.

² Там же.

³ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 12.

определенных обстоятельств уголовного дела, и напротив, недостаточность доказательств — это всегда недоказанность, вероятное знание в отношении выясняемых обстоятельств и фактов» [14, с. 201—202], «доказанность — это несомненность установления наличия или отсутствия обстоятельств уголовного дела, обусловленная достаточной совокупностью доказательств. В случае отсутствия таких доказательств в силу презумпции невиновности субъект доказывания признает установленными благоприятные для обвиняемого обстоятельства предмета доказывания» [15, с. 125—126].

Применительно к основаниям постановления оправдательного приговора указывается на то, что «недоказанная виновность лица в совершении преступления равнозначна доказанной невиновности» [3, с. 23]. Однако некоторые авторы не соглашались с равнозначностью этих категорий. Так, Ю. Ю. Чурилов разграничивает оправдание законное и незаконное, понимая под последним «ситуации, когда оправдательный приговор является результатом неустранимых следственных ошибок, свидетельствующих о том, что потенциальные возможности следствия по собиранию доказательств не были реализованы» [16, с. 11—12]. Другие ученые-процессуалисты указывают на то, что при вынесении оправдательного приговора доказываются так называемые отрицательные факты [17, с. 212].

Нередко, исследуя категории доказанной невиновности или недоказанной виновности, ученые связывают их с конкретной формулировкой оснований постановления оправдательного приговора. В ряде случаев «неустановление» понимается как синоним «недоказанности» [18; 19]. По мнению других авторов, равнозначным «неустановлению» является термин «отсутствие» [11]. Третьи полагают, что «неустановление» имеет более широкое значение и подразумевает как «достоверное отсутствие», так и «недостоверное установление», хотя «отсутствие» не охватывает понятие «недоказанность» [18].

По нашему мнению, в законе при определении оснований оправдания не следует использовать понятия «недоказанность», «неустановленность», поскольку действие презумпции невиновности в полной мере и в первую очередь касается именно процесса оправдания, в связи с чем основания оправдания констатируются как при доказанности соответствующих обстоятельств, так и при их недоказанности.

Последовательность изложения в законе оснований для постановления оправдательного приговора в доктрине уголовного процесса также подвергается критике. Правило о том, что «оправдание должно происходить лишь по одному из перечисленных в законе оснований» [16, с. 8—9], за исключением оправдания ввиду вердикта присяжных, подразумевает, что каждое предшествующее основание оправдания не допускает возможности оправдания по основанию, следующему за ним. В отечественном процессуальном законодательстве долгое время отдавалось предпочтение оправданию за отсутствием состава преступления при подтверждении того, что имело место событие преступления и к нему причастен подсудимый. Однако после принятия УПК РСФСР 1923 г. (в редакции от 20 мая 1936 г.) и до принятия современного УПК РФ последовательность расположения оснований постановления оправдательного приговора была иной. В связи с этим признание невиновным ввиду «недостаточности улик для обвинения подсудимого» или «недоказанности участия подсудимого в совершении преступления» было возможно только после подтверждения наличия общественно опасного деяния и признаков состава преступления.

Сегодня многие ученые признают первоочередность такого основания для оправдания, как отсутствие преступного события, в силу того, что если оно не установлено, то отпадает необходимость установления всех остальных обстоятельств, подлежащих доказыванию, что прежде всего требуется установление судом факта совершения преступления, положительный ответ на вопрос о том, имело ли место деяние [11; 18; 20].

Оправдание же в связи с отсутствием состава преступления в действиях подсудимого предполагает, «во-первых, доказанность деяния, в совершении которого он обвиняется, во-вторых, доказанность того, что это деяние совершил подсудимый, и в-третьих, отсутствие в деянии признаков состава преступления» [3, с. 19]. Подчеркивается, что оправдание по такому основанию, как отсутствие состава преступления, возможно, когда «факт деяния, совершенного конкретным лицом, был установлен» [2, с. 145], что прежде требуется доказать совершение расследуемого деяния данным лицом [9]. Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что, ссылаясь на отсутствие состава преступления, как минимум следует

установить, имелось ли деяние, в связи с которым возбуждено уголовное дело¹.

В работах ряда авторов подчеркивается, что оправдание в связи с непричастностью подсудимого возможно только после того, как отпали основания для постановления оправдательного приговора в связи с отсутствием события и состава преступления [21]. Как отмечает О. Ю. Александрова, непричастность «появляется вследствие недостаточности имеющихся по делу фактических данных (доказательств) ни для признания обвинения доказанным, ни для оправдания подсудимого за неустановлением события или отсутствием состава преступления» [22, с. 15—16].

Последовательность разрешения вопросов, стоящих перед судом при постановлении приговора (пп. 1—3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), соответствует порядку изложения в законе оснований оправдания (пп. 1—3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). «Обсуждение и разрешение этих вопросов, причем в том порядке, в котором они приведены в законе, дает возможность суду максимально полно, объективно и последовательно уяснить для себя все обстоятельства деяния, явившегося предметом судебного разбирательства, дать этому деянию уголовно-правовую оценку, выяснить причастность к нему подсудимого, установить все другие юридически значимые обстоятельства рассматриваемого уголовного дела и данные о личности подсудимого» [23].

Таким образом, очередность расположения оснований вынесения оправдательного приговора в дей-

ствующем УПК РФ, когда вначале суд решает вопрос об установлении события преступления, затем о причастности к совершению преступления подсудимого и только потом о наличии в действиях подсудимого состава преступления, отвечает требованиям разумности и заслуживает поддержки. Состав преступления обнаруживается именно в деянии подсудимого, а это означает, что тем или иным образом он имеет отношение к случившемуся событию, предположительно носящему характер преступления.

Неточное понимание сущности и последовательности законодательного расположения оснований оправдания становится причиной ошибочного применения судами по конкретному делу того или иного основания признания подсудимого невиновным², служит поводом для обращения граждан с жалобами в порядке конституционного судопроизводства³.

² Апелляционный приговор Брянского областного суда от 27 марта 2019 г. по делу № 22-311/2019. URL: https://oblsud--brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=1215957&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 02.11.2021); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 сентября 2019 г. № 30-УД19-6 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 11.

³ По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова: постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П // СЗ РФ. 2021. № 26. Ст. 5043; По делу о проверке конституционности статьи 22, пункта 2 части первой статьи 24, части второй статьи 27, части третьей статьи 246, части третьей статьи 249, пункта 2 статьи 254, статьи 256 и части четвертой статьи 321 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. И. Тихомоловой.

¹ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части четвертой статьи 133 и статьи 212 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. А. Боровкова и Н. И. Морозова: постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. № 24-П // СЗ РФ. 2013. № 47. Ст. 6156.

1. Маликов М. Ф. Концептуальные основы изучения судебного приговора. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2003. 256 с.

2. Рогава И. Г., Олексюк А. В. Основания постановления оправдательного приговора: вопросы теории и практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5-4. С. 144—147.

3. Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 24 с.

1. Malikov M. F. Conceptual bases of the study of judicial verdict. Ufa: Bashkir State University; 2003: 256. (In Russ.).

2. Rogava I. G., Oleksyuk A. V. Bases for the judgment of acquittal: issues of theory and practice. International journal of humanities and natural sciences, 144—147, 2020. (In Russ.).

3. Sukhanova N. N. Settlement of an acquittal in the Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Irkutsk; 2008: 24. (In Russ.).

4. Карнеева Л. М. Доказывание в советском уголовном процессе и основание процессуальных решений // Советское государство и право. 1981. № 10. С. 85—90.

5. Пастухов М. И. Оправдание подсудимого. Минск: Университетское, 1985. 111 с.

6. Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. Москва, 2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

7. Андреев В. А. Процессуальные аспекты отказа от обвинения и изменения обвинения государственным обвинителем // Российский судья. 2008. № 2. С. 28—31.

8. Мухин А. М. Процессуальная деятельность прокурора при разбирательстве уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. 27 с.

9. Артамонов А. Н. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отсутствием события преступления, отсутствием в деянии состава преступления, непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления // Законодательство и практика. 2015. № 1. С. 71—78.

10. Селина Е. В. Уголовное преследование в уголовно-процессуальных решениях // Современное право. 2015. № 7. С. 89—93.

11. Оганесян Р. М. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1970. 31 с.

12. Овсянников И. В. О категориях «недоказанности» и «доказанности» виновности в уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 1999. № 3-4. С. 103—109.

13. Шейфер С. А., Миронова М. А. Непричастность подсудимого к совершению преступления как основание оправдания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 126—132.

14. Сеницын А. А. Основания оправдания в некоторых уголовно-процессуальных законах стран ближнего зарубежья с точки зрения оценки судом достаточности доказательств // Государственная служба и кадры. 2019. № 4. С. 201—204.

15. Сеницын А. А. Оценка достаточности доказательств судом при постановлении оправдательного приговора ввиду неустановления события преступления // Закон и право. 2019. № 12. С. 124—127.

16. Чурилов Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. 300 с.

4. Karneeva L. M. Proving in the Soviet criminal process and the basis of procedural decisions. Soviet state and law, 85—90, 1981. (In Russ.).

5. Pastukhov M. I. Justification of the defendant. Minsk: Universitetskoe; 1985: 111. (In Russ.).

6. Rumyantseva M. O. Initiation of criminal cases: problems and prospects. A monography. Moscow; 2019. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Mode of access: for registered users. (In Russ.).

7. Andreyanov V. A. Procedural aspects of the refusal of the prosecution and the change of the charge by the state prosecutor. Russian judge, 28—31, 2008. (In Russ.).

8. Mukhin A. M. Procedural activity of the prosecutor in the proceedings of criminal cases in the court of first instance. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Chelyabinsk; 2009: 27. (In Russ.).

9. Artamonov A. N. Termination of criminal case (criminal prosecution) in connection with the absence of the event of crime, the absence of the corpus delicti in the action, non-involvement of the suspect or accused in the commission of a crime. Legislation and practice, 71—78, 2015. (In Russ.).

10. Selina E. V. Criminal prosecution in criminal procedural resolutions. Modern law, 89—93, 2015. (In Russ.).

11. Oganesyanyan R. M. Justification verdict in the Soviet criminal process. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 1970: 31. (In Russ.).

12. Ovsyannikov I. V. On the categories of "lack of evidence" and "proof" guilt in criminal procedural law. Journal of Russian law, 103—109, 1999. (In Russ.).

13. Sheifer S. A., Mironova M. A. Non-involvement of the defendant in the commission of a crime as a basis for acquittal. Tomsk State University journal of law, 126—132, 2017. (In Russ.).

14. Sinitsyn A. A. Bases for acquittal in some criminal procedural laws of neighboring countries from the point of view of the court's assessment of the sufficiency of evidence. Public service and personnel, 201—204, 2019. (In Russ.).

15. Sinitsyn A. A. Assessment of the sufficiency of evidence by the court when deciding an acquittal verdict due to the failure to establish the event of the crime. Law and legislation, 124—127, 2019. (In Russ.).

16. Churilov Y. Y. Justification verdict in the Russian legal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Voronezh; 2009: 300. (In Russ.).

17. Кудрявцева А. В., Сысков В. Л. Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам. Москва: Юрлитинформ, 2007. 250 с.

18. Миронова М. А. Неустановление события преступления как основание оправдания — анализ понятия // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2017. № 6. С. 62—64.

19. Панокин А. М. Неустановленные обстоятельства совершения преступления: проблемы доказывания // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 90—94.

20. Самсонов И. И. Непричастность как основание постановления оправдательного приговора // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 4. С. 122—124.

21. Лифанова Л. Г. Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 26 с.

22. Александрова О. Ю. Оправдательный приговор в уголовном процессе: теоретические основы и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. 202 с.

23. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 33—56. Постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, П. В. Волосюк, Л. А. Воскобитова [и др.]. Москва, 2015. Вып. V—VI // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

17. Kudryavtseva A. V., Syskov V. L. Evidentiary activity of the court of first instance in criminal cases. Moscow: Yurilitinform; 2007: 250. (In Russ.).

18. Mironova M. A. Failure to establish the event of a crime as a basis for acquittal — analysis of the notion. Modern Science: topical issues of theory and practice. Series "Economics and law", 62—64, 2017. (In Russ.).

19. Panokin A. M. Unidentified circumstances of committing a crime: problems of proving. Journal of Russian law, 90—94, 2015. (In Russ.).

20. Samsonov I. I. Non-participation as a basis for the judgment of acquittal. Journal of Udmurt University, 122—124, 2010. (In Russ.).

21. Lifanova L. G. Termination of criminal prosecution for non-involvement of a suspect or accused to the commission of a crime. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2005: 26. (In Russ.).

22. Aleksandrova O. Yu. Justification verdict in the criminal procedure: theoretical foundations and law-enforcement practice. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2005: 202. (In Russ.).

23. Antonovich E. K., Volosyuk P. V., Voskobitova L. A. [et al.] Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Chapters 33—56. Article-by-article scientific and practical commentary. Moscow; 2015. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". Mode of access: for registered users. (In Russ.).

Манова Нина Сергеевна,

заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор; n.manova@mail.ru

Manova Nina Sergeevna,

head of the department of criminal procedure of the Saratov State Law Academy, doctor of juridical sciences, full professor; n.manova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.10.2023; одобрена после рецензирования 21.10.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 15.10.2023; approved after reviewing 21.10.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A219

**ЦИФРОВЫЕ УЧЕТЫ МОНИТОРИНГОВЫХ СВЕДЕНИЙ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ,
ИЛИ О КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ЦИФРОВОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА
(В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)**

Надежда Георгиевна Муратова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, muratowan@mail.ru

Аннотация. Современное информационное поле уголовного судопроизводства, активно совершенствуясь в цифровом формате, предполагает понимание субъектами права значения государственных и статистических учетов мониторинговых сведений. Интерес к информационным технологиям связан прежде всего с многочисленными дискуссиями о применении искусственного интеллекта в досудебном и судебном производстве по уголовному делу. Исследование направлено на выявление и обобщение существующих позиций цифровых учетов, которые содержат многоуровневый ряд учетов правовых явлений. Информацию об отдельных этапах уголовно-процессуальной деятельности, о полномочиях субъектов, количестве заявлений о преступлениях, суммах ущерба и другие сведения, размещенные в отраслевых базах данных, нуждаются в систематизации и совмещении аналогичных межотраслевых позиций. В статье обосновывается последовательность определенных направлений в целях создания целостного представления о едином цифровом уголовном деле и его формах. Систематизация цифровых учетов и существующих обобщенных баз данных компетентных органов, по мнению автора, позволит сформулировать аргументы о необходимых параметрах Концепции формирования единого цифрового уголовного дела и ее значении в условиях применения технологий искусственного интеллекта.

Ключевые слова: цифровые учеты, мониторинговые сведения, технологии искусственного интеллекта, единое уголовное дело, межотраслевые сведения

Для цитирования: Муратова Н. Г. Цифровые учеты мониторинговых сведений по уголовным делам, или О Концепции единого цифрового уголовного дела (в продолжение дискуссии) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 88—96. doi: 10.25724/VAMVD.A219

**DIGITAL SECTOR
STATISTICS OF MONITORING INFORMATION
IN CRIMINAL CASES, OR ON THE CONCEPT
OF A UNIQUE DIGITAL CRIMINAL CASE
(CONTINUED DISCUSSION)**

Nadezhda Georgievna Muratova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, muratowan@mail.ru

Abstract. Actively improving in digital format modern information sphere of criminal proceedings involves the understanding of importance of state and sector statistics of monitoring information by subjects of the law. Interest in information technologies is primarily associated with numerous discussions to use artificial intelligence in pre-trial and judicial proceedings in a criminal case. The research deals with identifying and summarizing existing positions of digital statistics involving a multi-level set of statistics for legal phenomena. Information related to certain stages of criminal procedure, the powers of subjects, the number of reports on crimes, amounts / size of damage and other information posted in the branch databases needs to be systematized and combined with similar inter-branch positions. The article proves the sequence of certain directions in order to create the main idea of a unique digital criminal case and its forms. In author's opinion, systematization of digital statistics and existing generalized databases of competent authorities will make it possible to formulate arguments related to neces-

sary parameters of the Concept to form a unique digital criminal case and its significance under conditions to use artificial intelligence technologies.

Keywords: digital statistics, monitoring information, artificial intelligence technologies, unique criminal case, inter-branch information

For citation: Muratova N. G. Digital sector statistics of monitoring information in criminal cases, or On the Concept of a unique digital criminal case (continued discussion). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 88—96, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A219

Процессуальные правила, процедуры, акты, решения, дела, количество дел, состояние преступности, суммы ущерба и суммы возмещенного ущерба и другие параметры социально значимых цифровых данных закономерно порождают ряд практически риторических вопросов: как запомнить и применить все официально опубликованные статистические данные? зачем они нужны отдельному следователю, прокурору, судье, адвокату? можно ли эти данные привести в систему, которая в обозримом будущем может превратиться в единый цифровой ряд с позиций технологий искусственного интеллекта? Профессиональные ответы на эти вопросы, представляется, можно получить последовательно после изучения закономерностей формирования единого информационно-правового поля и создания условий для внедрения технологий искусственного интеллекта в такую социально значимую сферу, как уголовное судопроизводство. Можно в данном случае ограничиться как минимум принятыми нормативными актами, которые формируют концептуальные основы единства информационно-правового поля.

Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657, утвердивший Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации¹, изменил отношение к массиву статистических данных. Так, 5 марта 2021 г. было принято распоряжение Правительства Российской Федерации, которое обязывает исследователей понять значение системы мониторинга и оценки каких-либо ситуаций². В распоряжении Правительства Россий-

ской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2572-р говорится о плановых мероприятиях мониторинга правоприменения³.

В ноябре 2017 г. Департамент проектной деятельности правительства обратился с предложениями по цифровизации нормотворчества и правоприменения: создать «электронные кодексы», генерировать типовые судебные решения при помощи искусственного интеллекта и автоматизированной системы контроля судебной практики. Оптимизируются тексты правовых документов, они станут более четкими и понятными, улучшится в целом юридическая техника [1]. Автоматизированная система поддержки правовых решений сможет проверять их на ошибки и коррупционную составляющую⁴.

В Верховном Суде Российской Федерации на форуме «Повышение эффективности судебной защиты и законных интересов бизнеса» отмечалась востребованность идеи внедрения искусственного интеллекта в судебную систему в условиях цифровизации, которая обеспечит единообразие судебной практики, профессиональное развитие и качество правосудия, анализа коррупционных рисков [2]. Кроме того, интересна идея создания модели «электронных весов правосудия» [3]. Генеральная прокуратура Российской Федерации разработала и утвердила Концепцию трансформации органов и организаций прокуратуры, которая обеспечивает понимание целей, задач и принципов применения информационных технологий при реализации полномочий прокуроров⁵. Заслуживают

¹ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657, утвердивший Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации (в послед. ред. 09.10.2023, с изм. и доп.) // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12185954/> (дата обращения: 21.12.2023).

² О Концепции системы мониторинга и оценки ситуации в сфере противодействия незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2021 г. № 551-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573852172> (дата обращения: 18.03.2023).

³ Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2023 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2572-р. URL: <https://legalacts.ru/doc/gasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-08092022-n-2572-r-ob-utverzhenii/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁴ Искусственный интеллект подключат к судебной системе. 13 ноября 2017. URL: <https://www.law.ru/news/19352-iskusstvennyy-intellekt-podklyuchat-k-sudebnoy-sisteme> (дата обращения: 21.10.2023).

⁵ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.10.2023).

внимания и опубликованные результаты исследования в сфере адвокатской деятельности в рамках научного проекта № 18-29-16170 «Концептуальные основы нормативного регулирования единой цифровой среды адвокатуры России», когда Федеральная палата адвокатов Российской Федерации инициировала создание Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) [4]. Об использовании информационных технологий и значении комплексных мер по противодействию трансграничной преступности говорится в Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2019—2023 годы¹.

Таким образом, единство информационно-правового поля и правоприменительной практики в условиях цифровизации экономических и социальных явлений может обеспечить оптимизацию современных технологий для создания Концепции единого цифрового уголовного дела.

Трудно переоценить значение идей великого немецкого математика, философа и юриста Готфрида Вильгельма Лейбница (1646—1616), создавшего счетную машину, принцип действия которой лег в основу счетно-решающей техники, и, в будущем, кибернетики [5, с. 29; 6]. В 1972 г. Д. А. Керимов ввел понятие «математическая юриспруденция» [7, с. 299]. Математика удивительно точна в описании научных событий: о вероятности судебных ошибок в приговоре (П. Симон Лаплас, 1775), о правилах вероятности в судебных решениях (С. Пуассон, 1837), о «количественном анализе судейского поведения» (Дж. Шуберт, 1959), об «ожидании вердикта» (С. Нагель, 1961)².

В научной среде активно обсуждается проблема использования математических, имитационных и эвристических моделей при расследовании преступлений (формулы, таблицы, числовые последовательности, геометрические образы) [8]. Примечательно мнение о том, что математическая теория классификации применяется и в правовой статистике [9]. Следовательно, большое значение в юридической практике имеют математические

методы: статистика, обработка информации, возможности выявления достоверного прогноза на основании имеющегося статистического материала [10]. Криминологические исследования также не исключают применения математики в юриспруденции, где возможен процесс формализации знаний [11].

Таким образом, мониторинг статистических данных, их учет и оценка приблизили, как представляется, законодателя и практиков к созданию Единого цифрового уголовного дела. Юристы в условиях оптимизации уголовного судопроизводства и законодательства неизбежно будут сопровождать правоприменительные процедуры, процесс принятия решений инновационными технологиями, электронными ресурсами, математической классификационной основой, цифровым программированием и предиктивной аналитикой.

В последние годы обсуждение проблем, связанных с цифровыми технологиями, традиционно занимает страницы юридических изданий. Так, А. А. Бессонов обращает внимание на возможности алгоритмов искусственного интеллекта и математической статистики в криминалистическом изучении преступности [12] и рассказывает о разработке «технологий, которые базируются на алгоритмах искусственного интеллекта, позволяющих осуществлять построение поискового портрета серийного преступника» [13]. С. В. Зуев отмечает, что «цифровые следы остаются далеко не только при совершении киберпреступлений» [14] и предлагает рассмотреть вопрос создания Электронного уголовного дела, считая, что, «учитывая всеобщую цифровизацию общества, уголовное судопроизводство в перспективе подвергнется существенным изменениям» [15]. Активно обсуждается «Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве» [16], а также идея уголовно-правового регулирования робототехники [17].

Представляется, что можем развить ранее сформулированную нами идею о формировании концептуальных основ применения искусственного интеллекта в криминалистике и уголовном процессе — «это система складывающихся в информационных правоотношениях взглядов, идей и явлений в процессе расследования преступлений с целью оптимального управления массивом статистических данных и доказательственных сведений по уголовным делам при формулировании объективных выводов и решений при оценке процессуальной и криминалистической ситуации» [18]. Заслуживают внимания рассуждения о теоретических основах формирования единой нормативной базы вещественных доказательств по уголовным делам [19].

¹ О межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы: утв. решением Совета глав государств СНГ от 28 сентября 2018 г. (принята в г. Душамбе 28.09.2018). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33153831&pos=71;-57#pos=71;-57 (дата обращения: 20.01.2024).

² Математические методы // Туронков С. Г. Политический анализ и прогнозирование: учеб. для вузов. 2016. URL: studme.org/84127/parvo/matematicheskie_metody (дата обращения: 15.11.2023).

Мониторинг уголовных дел включает сведения о рассмотрении дел судами первой инстанции, апелляционной инстанции, надзорной инстанции; кассационной инстанции; количестве лиц, совершивших преступление в одиночку; в соучастии; в состоянии алкогольного опьянения; в состоянии наркотического опьянения; рассмотрении дел по существу (с вынесением приговора; прекращением дела; применением принудительных мер медицинского характера); количестве дел, переданных по подсудности; количестве дел, которые были возвращены прокурором для устранения недостатков в порядке ст. 237 УПК РФ; количестве дел, производство по которым окончено; количестве вынесенных частных определений и постановлений суда; количестве дел, рассмотренных в порядке особого производства; о видах наказаний; количестве представлений, ходатайств, жалоб; сведениях о наложении ареста на имущество¹.

По данным о состоянии преступности на 2021—2022 г., количество зарегистрированных преступлений снизилось на 1,9 %; преступлений против личности стало на 5,5 % меньше; каждое четвертое преступление в 2022 г. совершается с использованием высоких технологий (киберпреступность), при этом их раскрываемость увеличилась на 4,4 %; количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, снизилось на 4,4 %; количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, уменьшилось на 12,5 % (в состоянии наркотического опьянения — на 18,5 %); в 2022 г. кража является самым совершаемым преступлением (35,5 %)².

Таким образом, указанные выше позиции мониторинга уголовных дел позволяют убедиться в необходимости создания законодательной модели Единого цифрового уголовного дела.

Современное информационное поле уголовного судопроизводства, активно совершенствуясь в цифровом формате, предполагает понимание субъектами права значения статистического мониторинга. Интерес к информационным технологиям связан,

прежде всего, с многочисленными дискуссиями о применении искусственного интеллекта в досудебном и судебном производстве по уголовному делу. В 2008 г. А. Ф. Амануллина обосновала идею создания «единого завершеного производства по уголовному делу, в котором отражались бы все стадии уголовного процесса» [20]. В проекте для издания Scopus была обоснована формирующаяся Концепция применения математических методов и алгоритмов в процессе принятия уголовно-процессуальных решений, которая предполагает: во-первых, формулирование концепта процессуального решения; во-вторых, определение системы вероятностных оснований для принятия процессуальных решений; в-третьих, установление рейтинговых критериев оптимального процессуального решения; в-четвертых, определение алгоритма вариативного результата процессуального решения по уголовному делу; в-пятых, изучение мониторинга судебных ошибок [21].

Действительно, существующие позиции цифровых учетов содержат многоуровневый ряд выявленных и обобщенных правовых закономерностей правоприменительной практики. В Институте проблем правоприменения (г. Санкт-Петербург) много лет проводятся масштабные исследования статистических показателей в целях формирования эмпирической базы. Результатом проделанной работы стало создание проекта «Траектория уголовного дела» [22]. Здесь сведения и о девяти стадиях уголовного-судопроизводства, и о системе процессуальных решений сторон и судебных решений, и о количестве зарегистрированных сообщений и заявлений о совершенных и готовящихся преступлениях, и о суммах ущерба, и другие сведения, размещенные в отраслевых базах данных. Создание Единого цифрового уголовного дела, отражающего систему сведений о процедурах и движении по продолжающемуся или завершеному производству по уголовному делу и хранящегося определенное, порой длительное время в архиве суда, позволит систематизировать все цифровые учеты и статистические базы данных компетентных органов.

Существовал проект использования в следственных органах информационной системы «Электронный паспорт уголовного дела» (Северо-Кавказский и Южный федеральный округ), который был свернут, так как не мог гарантировать защиты персональных данных и тайны предварительного расследования [23].

На основании Федерального закона Российской Федерации «Об осуществлении идентификации

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3: утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г. // Верховный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/33172/> (дата обращения: 19.12.2023).

² Состояние преступности в Российской Федерации за 2020—2022 гг., январь — октябрь 2023 г. URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 19.12.2023).

и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ с применением «Единой системы идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» создана нормативная база биометрических персональных данных: изображений лиц людей, полученных с помощью фото- и видеоустройств, а также записей голоса, полученных с помощью звукозаписывающих устройств. Приняты Правила отказа и отзыва отказа от сбора и размещения биометрических персональных данных¹.

В Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. дано определение: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, который включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты»². Федеральный закон Российской Федерации «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ предлагает интересный терминологический ряд: «компьютерная атака», «компьютерный инцидент», «безопасность критической информационной инфраструктуры». Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ в течение пяти лет в Москве будет применять-

¹ Правила представления физическим лицом отказа от сбора и размещения биометрических персональных данных в целях проведения идентификации и (или) аутентификации, отзыва такого отказа и письменного подтверждения многофункциональным центром предоставления государственных и муниципальных услуг, представления физическим лицом указанных отказа и отзыва отказа, а также форм отказа, отзыва отказа и письменного подтверждения их представления: постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2023 г. № 478 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1616592/> (дата обращения: 02.04.2023).

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 30.06.2022).

ся экспериментальный правовой режим для внедрения технологий искусственного интеллекта³. Отмечают, что новые технологии могут повлечь за собой появление новых форм преступности [24].

В Казахстане появился Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР), и в УПК РК была введена ст. 42-1 «Формат уголовного судопроизводства»⁴. В Республике Армения в 2018 г. был принят новый Судебный кодекс, где созданы единые процедуры и правила для всех судов и звеньев судебной системы⁵. По УПК ФРГ часть уголовного дела в электронном виде носит название «электронное досье»⁶. В Китае создана единая цифровая платформа сбора и обработки судебной информации, идет формирование «умных судов»: предиктивная аналитика (прогнозирование резуль-

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон № 123-ФЗ от 24 апреля 2020 г. // Официальный портал правовой информации (государственная система правовой информации). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030/> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ «В 2017 г. по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Казахстан была разработана ИТ-система электронного уголовного дела (Е — уголовное дело). Данное нововведение позволяет лицу, ведущему уголовный процесс, с учетом мнения участников уголовного процесса и технических возможностей вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем он выносит мотивированное постановление. Электронное уголовное дело позволяет контролировать действия и решения лиц, ведущих уголовный процесс, служить сдерживающим фактором для различного рода укрытий, злоупотреблений и фальсификаций доказательств. Весь процесс прозрачен для контрольных органов и должностных лиц» (Балгынтаев А. О. Электронное уголовное судопроизводство в Республике Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34878697&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 24.04.2023)).

⁵ Судебный кодекс Армении от 10 февраля 2018 г. (Ереван НО-95-Н; подписан Президентом РА). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8613/file/Armenia_judicial_code_2018_ru.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

⁶ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12185954/> (дата обращения: 21.12.2023).

тата судебных процессов), онлайн-посредники, поиск прецедентов, возможность генерировать тексты судебных решений [25].

Современный глоссарий, определяющий информационные технологии: цифровая (электронная) валюта, криптовалюта, фиатная валюта, майнинг, блокчейн, хеш, хеширование, облачные вычисления, игровой (технологический) автомат, — отмечается в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации¹. В СМИ неоднократно говорится о неправомерном доступе к учетным записям пользователей Интернета и платежных систем [26]. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) все больше составов преступлений, в конструктивных или квалифицирующих признаках которых указана электронная информация и электронные носители информации: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ); мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ); мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) и др. В УПК РФ появился перечень следственных действий с использованием видео-конференц-связи (Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ). Федеральный закон «Об оперативно-розыскной дея-

тельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (чч. 3, 4 ст. 6) регламентирует возможность использования информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, получения компьютерной информации. Исследуется криминальное использование цифровых технологий (киберпреступность) в социально-экономической сфере, материальном производстве: робототехника, электронная почта, компьютеризация производства, обеспечение финансовой безопасности, информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», служба мгновенных сообщений, хищение персональных данных — «виртуальный криминал» [27]. Дискуссию вызвала инициатива уполномоченного при Президенте России по правам ребенка о создании реестра педофилов в целях защиты несовершеннолетних². В связи с этим считаем, что применение математических, статистических и информационно-технологических методов при противодействии киберпреступлениям предполагает формирование Концепции электронно-технологического сопровождения расследования уголовного дела, которая содержала бы комплексное, научное, профессионально-экспертное, оперативное, электронно-цифровое, техническое и финансово-аналитическое обеспечение расследования уголовного дела [28].

Концепция формирования Единого цифрового уголовного дела в условиях применения технологий искусственного интеллекта предполагает определение этапов сбора статистических данных об уголовном деле; систематизацию сведений об уголовном деле, полученных в ходе мониторинга, создание теоретико-правовой модели Единого цифрового уголовного дела.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1591816/> (дата обращения: 22.12.2022).

² Сообщает «Интерфакс»: Уполномоченная при президенте России по правам ребенка Анна Кузнецова предложила создать реестр педофилов и бессрочно следить за теми, кто в него попал. URL: <https://m.lenta.ru/news/2020/05/29/kuz/> (дата обращения: 25.10.2023).

1. Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере / Н. Краснушкина, А. Райский, Е. Крючкова, Д. Скоробогатько // Коммерсантъ. 2017. 13 нояб. С. 1. URL: kommersant.ru/doc/3466185 (дата обращения: 07.02.2020).

1. Krasnushkina N., Raisky A., Kryuchkova Ye., Skorobogatko D. Judicial Processor. The government authorities are discussing artificial intelligence applying in the legal sphere. Kommersant. 2017. Available from: kommersant.ru/doc/3466185. Accessed: 7 February 2020. (In Russ.).

2. Ковалева Т. Создать искусственный интеллект для судебной системы предложили в НПП // *Zakon.kz: сетевое изд.* URL: www.zakon.kz (дата обращения: 07.02.2020).
3. Аликперов Х. Д. Электронная технология определения меры наказания. Санкт-Петербург: Юрид. центр, 2020. 170 с.
4. Концептуальные основы нормативного регулирования единой цифровой среды адвокатуры России: монография / под науч. ред. Ю. С. Пилипенко, С. И. Володиной. Москва: Информ-Право, 2022. 303 с.
5. Горшунов Д. Н. Математические методы исследования системы права // *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки.* 2008. Т. 150, кн. 5. С. 27—34.
6. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. Москва: Аванта, 2001. 558 с.
7. Керимов Д. А. Философские проблемы права. Москва: Мысль, 1972. 471 с.
8. Ковалев С. В. Математические методы криминалистического исследования преступлений коррупционной направленности в сфере экономики // *Научные исследования: от теории к практике.* 2015. Т. 2, № 2 (3). С. 387—392.
9. Орлов А. И. Математические методы теории классификации // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета.* 2014. № 95. С. 23—45. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/23.pdf> (дата обращения: 25.01.2020).
10. Ильин И. Математика в жизни юриста // *Молодой ученый.* 2016. № 17. С. 89—91.
11. Утаров К. А. Математические методы в криминологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 29 с.
12. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений: монография. Москва: Проспект, 2021. 812 с.
13. Бессонов А. А. Преимущества и ограничения использования технологий искусственного интеллекта в расследовании преступлений // *Наука и технологии XXI века: тренды и перспективы: сб. ст. по итогам IV Профессорского форума (Москва, 27—30 сентября 2021 г.). В 2 т. Т. 1.* Москва: Рос. проф. собр., 2021. С. 14—15.
14. Зуев С. В. Электронные доказательства, используемые в уголовном процессе. 4-я видеолекция // *Международная ассоциация содействия правосудию: сайт.* 09.06.2019. URL: <https://www.iauaj.net/node/2266> (дата обращения: 06.05.2023).
2. Kovalyeva T. They propose to create artificial intelligence for the judicial system in the National Chamber of Entrepreneurs. In: *Zakon.kz: network ed.* Available from: www.zakon.kz. Accessed: 7 February 2020. (In Russ.).
3. Alikperov Kh. D. Electronic technology to determine punishment. Saint Petersburg: Legal Center; 2020: 170. (In Russ.).
4. Conceptual basis of normative regulation of the unified digital environment of the Russian Bar. Monograph. Scientifically ed. by Yu. S. Pilipenko, S. I. Volodina. Moscow: Inform-Pravo; 2022: 303. (In Russ.).
5. Gorshunov D. N. Mathematical methods to study the system of law. Scientific notes of the Kazan State University. Humanitarian sciences, 27—34, 2008. (In Russ.).
6. Kerimov D. A. Methodology of law. Subject, functions, problems of philosophy of law. 2nd ed. Moscow: Avanta; 2001: 558. (In Russ.).
7. Kerimov D. A. Philosophical problems of law. Moscow: Mysl; 1972: 471. (In Russ.).
8. Kovalyev S. V. Mathematical methods of criminalistic research of corruption-related crimes in the economic sphere. Scientific research: from theory to practice, 387—392, 2015. (In Russ.).
9. Orlov A. I. Mathematical methods of theory of classification. Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University, 23—45, 2014. Available from: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/23.pdf>. Accessed: 25 January 2020. (In Russ.).
10. Ilyin I. Mathematics in the life of a lawyer. Young scientist, 89—91, 2016. (In Russ.).
11. Utarov K. A. Mathematical methods in criminology. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 29. (In Russ.).
12. Bessonov A. A. Artificial intelligence and mathematical statistics in criminalistic study of crimes. Monograph. Moscow: Prospect; 2021: 812. (In Russ.).
13. Bessonov A. A. Advantages and limitations to use artificial intelligence technologies in crime investigation. In: *Science and technologies of the 21st century: trends and prospects. Collection of articles based on the results of the IV Professorial Forum, 27—30 September 2021, Moscow.* In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian professor's meeting; 2021: 14—15. (In Russ.).
14. Zuev S. V. Electronic evidence used in criminal proceedings. 4th video lecture. In: *International Association for the Advancement of Justice: website.* 09.06.2019. Available from: <https://www.iauaj.net/node/2266>. Accessed: 6 May 2023. (In Russ.).

15. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6—12.

16. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of digital technologies and law. 2023. Т. 1, № 1. URL: <https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/155> (дата обращения: 02.04.2023).

17. Бегисhev И. Р. Уголовно-правовое регулирование робототехники: монография. Москва: Блок-Принт, 2022. 320 с.

18. Муратова Н. Г. Искусственный интеллект, уголовный процесс и криминалистика: концептуальный подход // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. (Рязань, 16 дек. 2020 г.). Рязань: Book Jet, 2021. С. 226—230.

19. Муратов К. Д. Вещественные доказательства в сфере межотраслевых связей уголовного судопроизводства // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2, № 8. С. 185—192.

20. Амануллина А. Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 221 с.

21. Digitalization of the decision-making process in criminal proceedings / N. Muratova, N. Solovyeva, V. Shinkaruk, V. Rudkovskiy, P. Fantrov // SHS Web of Conferences. 2021. № 109.

22. Панях Э., Титаев К., Шклярук М. Траектория уголовного дела: институциональный анализ. Санкт-Петербург: Изд-во Евр. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. 476 с.; Шклярук М. С. Траектория уголовного дела в официальной статистике на примере обобщенных данных правоохранительных органов / под ред. К. Д. Титаева, Э. Л. Панях. Санкт-Петербург: ИПП ЕУСПб, 2014. 70 с.

23. Бессонов А. А. К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова): сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3 ноября 2023 г.). В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б. Я. Гаврилова, Ю. Е. Салеевой, Ю. В. Шпагиной. Москва: Акад. управления МВД России, 2023. С. 26—32.

24. Гузеева О. С. Преступления, совершаемые в российском сегменте сети Интернет: монография. Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федер., 2015. 136 с.

15. Zuyev S. V. Electronic criminal case: pro and contra. Law and order: history, theory, practice, 6—12, 2018. (In Russ.).

16. Dmitriyeva A. A., Pastukhov P. S. The concept of electronic evidence in criminal proceedings. Journal of digital technologies and law, 2023. Available from: <https://www.lawjournal.digital/jour/article/view/155>. Accessed: 2 April 2023. (In Russ.).

17. Begishev I. R. Criminal legal regulation of robotics. Monograph. Moscow: Block-Print; 2022: 320. (In Russ.).

18. Muratova N. G. Artificial intelligence, criminal procedure and criminology: a conceptual approach. In: Criminal process and criminology: theory, practice, didactics. Collection of materials of VI All-Russian scientific and practical conference, 16 December 2020, Ryazan. Ryazan: Book Jet; 2021: 226—230. (In Russ.).

19. Muratov K. D. Physical evidence in the sphere of inter-branch connections of criminal proceedings. Journal of Applied Research, 185—192, 2022. (In Russ.).

20. Amanullina A. F. Judicial control at the stage of execution of the sentence. Dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 2008: 221. (In Russ.).

21. Muratova N., Solovyeva N., Shinkaruk V., Rudkovskiy V., Fantrov P. Digitalization of the decision-making process in criminal proceedings. SHS Web of Conferences, 2021. (In Russ.).

22. Paneyakh E., Titayev K., Shklyaruk M. A way of a criminal case: institutional analysis. Saint Petersburg: Publishing House of the European University in Saint Petersburg; 2018: 476; Shklyaruk M. S. A way of a criminal case in official statistics based on the example of generalized data from law enforcement agencies. Ed. by K. D. Titayeva, E. L. Paneyakh. Saint Petersburg: IPP EUSPb; 2014: 70. (In Russ.).

23. Bessonov A. A. On issue of digitalization of criminal proceedings in the Russian Federation. In: Criminal procedure and criminology: legal foundations, theory, practice, didactics (dedicated to the 75th anniversary of the birth of professor B. Ya. Gavrilov). Collection of scientific articles based on materials from the international scientific and practical conference, 3 November 2023, Moscow. In 2 parts. Part 1. Ed. by B. Ya. Gavrilova, Yu. Ye. Saleyeva, Yu. V. Shpagina. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia; 2023: 26—32. (In Russ.).

24. Guzeyeva O. S. Crimes committed in the Russian segment of the Internet. Monograph. Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2015: 136. (In Russ.).

25. Сунь Юйпэн. История и перспективы создания «умных судов» в КНР: проблемы применения технологии искусственного интеллекта // История государства и права. 2023. № 5. С. 44—47.

26. Попов И. В 11 регионах России задержана группировка из 30 хакеров. URL: <https://rg.ru/2020/03/24/v-11-regionah-rossii-zaderzhana-gruppirovka-iz-30-hakerov.html> (дата обращения: 21.04.2023).

27. Ищенко Е. П. Виртуальный криминал. Москва: Проспект, 2015. 232 с.

28. Муратова Н. Г. Генезис применения математических и информационно-технологических методов при противодействии киберпреступлениям // Проблемы противодействия киберпреступности: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 28 апреля 2023 г.). Москва: Моск. акад. Следств. ком. Рос. Федер., 2023. С. 126—132.

25. Sun Yupeng. History and prospects for the creation of "smart courts" in China: problems to use artificial intelligence technology. History of State and Law, 44—47, 2023. (In Russ.).

26. Popov I. A group of 30 hackers was apprehended in 11 regions of Russia. Available from: <https://rg.ru/2020/03/24/v-11-regionah-rossii-zaderzhana-gruppirovka-iz-30-hakerov.html>. Accessed: 21 April 2023. (In Russ.).

27. Ishchenko Ye. P. Virtual crime. Moscow: Prospect; 2015: 232. (In Russ.).

28. Muratova N. G. Genesis to use mathematical and information technology methods in countering cybercrime. In: Problems of countering cybercrime. Materials of the international scientific and practical conference, 28 April 2023, Moscow. Moscow: Moscow Academy of Investigation Committee of the Russian Federation; 2023: 126—132. (In Russ.).

Муратова Надежда Георгиевна,

профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Казанского (Приволжского)
федерального университета,
доктор юридических наук, профессор;
muratowan@mail.ru

Muratova Nadezhda Georgievna,

professor at the department
of criminal procedure and criminalistics
of the Kazan (Volga region) Federal University;
doctor of juridical sciences; full professor;
muratowan@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A220

ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Ирина Александровна Насонова

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, nasonova-amelina@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость осуществления властными субъектами правообеспечительной деятельности на стадии предварительного расследования. Анализируются ее составляющие. Приводятся механизмы, способные реализовать правообеспечительные обязанности властных субъектов. Особое внимание уделяется такому механизму, как разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость коррекции ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях повышения эффективности функционирования указанного механизма. Проведен анализ такого правообеспечительного механизма, как ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела. Предлагаются пути усовершенствования процессуальных норм, регламентирующих соответствующий вид деятельности на стадии предварительного расследования. Аргументируется, что обеспечение прав участников уголовного судопроизводства является неотъемлемым направлением деятельности государственных органов и должностных лиц. Приводятся доказательства в пользу того, что укрепление дополнительными механизмами указанного направления деятельности властных субъектов вполне соответствует и назначению уголовного судопроизводства, и интересам потерпевшего. Перечисленные меры могут укрепить правообеспечительный фундамент процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, усилить защищенность невластных участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: правообеспечительная деятельность, потерпевший, обвиняемый, следователь, дознаватель, разъяснение прав, ознакомление с материалами

Для цитирования: Насонова И. А. Правообеспечительные механизмы, применяемые в ходе предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 97—104. doi: 10.25724/VAMVD.A220

LAW ENFORCEMENT MECHANISMS USED AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Irina Alexandrovna Nasonova

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, nasonova-amelina@mail.ru

Abstract: In this article:

- the need for government entities to carry out law enforcement activities at the stage of preliminary investigation is substantiated as well as its components are analyzed;
- mechanisms capable to perform the law-enforcement responsibilities of government entities are presented;
- particular attention to such mechanism as explaining the rights to participants in criminal proceedings is paid;
- the need to correct Art. 11 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to increase the efficiency of this mechanism functioning is proved;
- an analysis of such law enforcement mechanism as interpretation of the criminal case materials to participants in criminal proceedings has been made;
- ways to improve procedural norms regulating the corresponding type of activity at the stage of preliminary investigation are proposed;

— the fact to ensure the rights of participants in criminal proceedings as an integral area of activity of government bodies and officials is argued;

— evidence related to strengthening this area of activity of government entities with additional mechanisms to be fully consistent with both the purpose of criminal proceedings and the interests of the victim is provided.

The listed measures can strengthen the law enforcement foundation of the procedural activities of government bodies and officials, enhance the protection of powerless participants in criminal proceedings.

Keywords: law enforcement activities, victim, accused, investigator, interrogator, interpretation of rights, dealing with / looking through materials

For citation: Nasonova I. A. Law enforcement mechanisms used at the stage of preliminary investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 97—104, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A220

Следователь, как и другие участники уголовного судопроизводства, отвечающие за движение уголовного дела, не только выполняют в уголовно-процессуальной системе функцию обвинения, но и осуществляют правообеспечительную деятельность, существование которой применительно к публичным участникам уголовного судопроизводства не раз обосновывалось учеными [1—4]. Более того, вопросы правообеспечения находились и в поле зрения Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Наиболее знаменательным в этом плане является постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29¹. В нем признается необходимость выполнения правообеспечительной деятельности не только за следователем, дознавателем, прокурором, судом, но и за руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания.

Очевидно, что осуществление следователем правообеспечительной деятельности идет не в ущерб выполнению его функции обвинения. Вместе с тем реализация указанной функции не должна нарушать права невластных участников уголовного судопроизводства. Скорее наоборот. Реализация функции обвинения должна осуществляться в режиме обеспечения прав указанных лиц. Все это позволяет говорить о параллельном существовании в уголовно-процессуальной деятельности следователя двух направлений: обвинительного и правообеспечительного. На данное обстоятельство в литературе уже обращалось внимание [5].

Осуществление следователем правообеспечительной деятельности происходит с помощью различных процессуальных механизмов. Их виды

определяются содержанием тех субъективных прав участников, на реализацию которых указанные механизмы направлены. А поскольку следователю приходится контактировать с различными участниками уголовного судопроизводства, обладающими своим специфическим статусом, то правообеспечительная деятельность следователя будет иметь весьма богатое содержание. Последнее может быть представлено несколькими сегментами. Все их можно распределить на три большие группы: а) деятельность, направленная на обеспечение прав лиц, заинтересованных в исходе дела; б) деятельность, направленная на обеспечение прав субъектов, защищающих интересы заинтересованных в исходе дела лиц; в) деятельность, направленная на обеспечение прав лиц, выполняющих вспомогательную функцию.

Говоря о первой группе сегментов, следует отметить, что она подразумевает соответствующие виды деятельности, осуществляемые как в отношении участников, выполняющих функцию обвинения, так и в отношении участников, выполняющих функцию защиты. Иными словами, речь идет о деятельности, направленной на обеспечение прав обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего; частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика.

Что касается второй группы сегментов правообеспечения, осуществляемого следователем, то они соответствуют тем видам его уголовно-процессуальной деятельности, которые позволяют реализовывать права субъектов, защищающих права заинтересованных в исходе дела лиц: защитников, представителей, законных представителей несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства.

Наконец, третья группа правообеспечительных сегментов включает в себя деятельность, поддерживающую реализацию субъективных прав лиц, выполняющих в уголовном судопроизводстве вспомогательную функцию (свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, лица, в отношении

¹ О праве применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 9.

которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве).

Перечисленные сегменты связаны между собой и участвуют в формировании правообеспечительной системы уголовного судопроизводства. Будучи целостным образованием, эта система включает в себя определенную группу правовых норм, которые объединяются в уголовно-процессуальные институты и субинституты. Соблюдение указанных норм со стороны должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, позволяет обеспечить права личности в каждом конкретном случае. Такая правообеспечительная деятельность с неизбежностью предполагает выполнение должностными лицами своих процессуальных обязанностей, которые в идеальном варианте должны соответствовать правам лиц, которые указанная деятельность затрагивает. Данный подход вполне отвечает общепринятому взгляду на соотношение прав и обязанностей, которого придерживаются многие ученые [6].

Большая часть обязанностей лиц, ведущих уголовный процесс, определяет правообеспечительные механизмы, находящиеся в их арсенале. Так, обязанность должностных лиц по приему, регистрации и разрешению жалоб, поступивших от невластных субъектов уголовно-процессуальных отношений, предполагает функционирование соответствующего механизма, направленного на удовлетворение процессуальной возможности указанных субъектов в сфере обжалования действий и решений. Механизм этот (прием, регистрация, разрешение жалоб) функционирует в ходе реализации обязанностей властных субъектов.

Аналогичный подход сохраняет свою актуальность и по отношению к другим обязанностям лиц, ведущих уголовный процесс. В самом общем виде их можно распределить на большие группы, каждая из которых соответствует уже названному сегменту правообеспечительной деятельности властных субъектов. Так, правообеспечительные обязанности государственных органов и должностных лиц, предопределяющие функционирование процессуальных механизмов в соответствующей области, могут быть представлены следующими блоками: 1) обязанности, реализуемые в целях обеспечения прав лиц, заинтересованных в исходе дела; 2) обязанности, направленные на обеспечение прав субъектов, защищающих интересы заинтересованных в исходе дела лиц; 3) обязанности, выполнение которых подчинено обеспечению прав лиц, выполняющих вспомогательную функцию.

Внутри каждого блока обязанностей можно выделить те, которые для государственных органов и должностных лиц являются общими по отношению к ряду участников, на которых направлен соответствующий вектор правообеспечительной деятельности. К их числу относятся следующие обязанности:

1) по разъяснению прав участникам уголовного судопроизводства;

2) принятию, регистрации, разрешению жалобы, исходящей от участника уголовного судопроизводства;

3) принятию и разрешению ходатайств, исходящих от участника уголовного судопроизводства;

4) сообщению участникам о принесенных жалобах и принятию от них возражений на них;

5) обеспечению участия в судебном разбирательстве;

6) обеспечению участия в следственных действиях в случаях, предусмотренных законом;

7) обеспечению участия переводчика на стороне лица, настаивающего на его приглашении;

8) обеспечению дачи показаний соответствующим лицом на своем родном языке;

9) ознакомлению участников по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела в объеме, определяемом законодательством;

10) принятию и разрешению ходатайств и отводов, поступивших от соответствующих лиц;

11) принятию доказательств, представленных заинтересованным лицом, и др.

Примечательно, что обязанности государственных органов и должностных лиц под номерами 1—3 являются общими и по отношению к заинтересованным участникам уголовного судопроизводства, и применительно к лицам, защищающим интересы других участников уголовного судопроизводства, и по отношению к лицам, выполняющим вспомогательную функцию. А, например, обязанность под номером 9 реализуется и в отношении заинтересованных участников уголовного судопроизводства, и в отношении лиц, защищающих интересы других его участников. И в этом смысле их тоже можно считать общими обязанностями властных субъектов.

Как уже было отмечено ранее, правообеспечительные обязанности занятых в уголовном судопроизводстве лиц реализуются с помощью соответствующих процессуальных механизмов. Если говорить об арсенале правообеспечительных средств государственных органов и должностных лиц, отвечающих за производство предварительного расследования, то он по мере нормативного пре-

образования полномочий руководителя следственного органа (особенно после 2007 г.), начальника подразделения дознания, начальника органа дознания заметно расширяется. Связано это с тем, что указанные участники становятся носителями ведомственного процессуального контроля, являющегося наряду с прокурорским надзором и судебным контролем важной уголовно-процессуальной гарантией прав личности. Расширение сферы ведомственного процессуального контроля неизбежно будет сопровождаться усилением правообеспечительной деятельности государственных органов и должностных лиц, являющихся его носителями. Следовательно, будет расширяться и арсенал правообеспечительных средств, способствующих реализации прав участников уголовного судопроизводства, вовлекаемых в уголовно-процессуальные отношения.

Если говорить о правообеспечительном характере деятельности руководителя следственного органа, то особенно ярко он дает о себе знать в случае согласования ходатайства следователя об избрании, продлении, отмене или изменении меры пресечения или о производстве другого процессуального действия (п. 4 ч. 1 ст. 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)). Давая согласие следователю на обращение в суд с данным видом ходатайства, руководитель следственного органа проверяет законность выбора процессуальных действий, непосредственно затрагивающих интересы обвиняемого, подозреваемого применительно к конкретной процессуальной ситуации, причем проверка законности осуществляется не только с точки зрения уголовного преследования, но и с позиции обеспечения прав личности в уголовно-процессуальных отношениях.

Безусловно, правообеспечительная деятельность представителей ведомственного контроля не снимает ответственности со следователя за создание надлежащих условий для реализации уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства. Более того, со стороны следователя должно предприниматься гораздо больше шагов в правообеспечительном направлении, поскольку именно он вступает в непосредственный контакт с участниками уголовного судопроизводства в ходе расследования. Отмеченные шаги соответствуют правам следующих участников уголовного судопроизводства, с которыми следователь вступает в уголовно-процессуальные отношения: обвиняемого (ч. 4 ст. 47 УПК РФ); подозреваемого (ч. 4 ст. 46 УПК РФ); потерпевшего (ч. 2 ст. 42 УПК РФ); част-

ного обвинителя (ст. 43 УПК РФ); гражданского истца (ч. 4 ст. 44 УПК РФ); гражданского ответчика (ч. 2 ст. 54 УПК РФ); защитника (ст. 53 УПК РФ), представителя (ч. 3 ст. 45 УПК РФ), законного представителя несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 45 УПК РФ); свидетеля (ч. 4 ст. 56 УПК РФ); эксперта (ч. 3 ст. 57 УПК РФ), специалиста (ч. 3 ст. 58 УПК РФ), переводчика (ч. 3 ст. 59 УПК РФ), понятого (ч. 3 ст. 60 УПК РФ), лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ).

Анализ правообеспечительных средств, находящихся в распоряжении следователя, позволяет сделать вывод о том, что в отношении всех участников уголовного судопроизводства они должны применяться на фоне разъяснения им прав и обязанностей, которое сопровождает любой вид правообеспечительной деятельности не только следователя, но и дознавателя. Более того, согласно ч. 1 ст. 11 УПК РФ эта обязанность возлагается в том числе на суд и прокурора. Представляется, что разъяснительная деятельность должна также осуществляться руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания. Особенно она должна быть востребована в качестве правообеспечительного средства у руководителя следственного органа тогда, когда он обладает полномочиями следователя (ч. 2 ст. 39 УПК РФ). А поскольку начальник подразделения дознания может также реализовывать полномочия дознавателя (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ), то и для него обязанность по разъяснению прав участникам уголовного судопроизводства также звучит актуально. В связи с этим видится более правильным закрепление в ч. 1 ст. 11 УПК РФ более широкого круга лиц, отвечающих за разъяснение прав участникам уголовного судопроизводства. Наряду с прокурором, следователем, дознавателем и судом в приведенной ранее норме должны быть указаны руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания.

Учитывая, что участники уголовного судопроизводства, особенно из числа заинтересованных в исходе дела лиц, нередко в своих жалобах ссылаются на ненадлежащее разъяснение им прав, то в ч. 1 ст. 11 УПК РФ должны быть добавлены дополнительные характеристики разъяснительной деятельности, возлагаемой на властных субъектов: своевременность и доходчивость. Такое дополнение позволит дисциплинировать государственные

органы и должностные лица применять соответствующее правообеспечительное средство добросовестно и более эффективно.

Поскольку разъяснительная работа должна осуществляться в отношении всех участников уголовного судопроизводства (в этом плане невластные участники равны между собой), то в ч. 1 ст. 11 УПК РФ будет достаточно указать на то, что права, обязанность, ответственность разъясняются участникам уголовного судопроизводства. В силу этого конкретизация субъектов, на которых должна распространяться разъяснительная деятельность, представляется излишней. Излишней будет и конкретизация невластных участников уголовного судопроизводства, подлежащих правообеспечительной деятельности со стороны суда, прокурора, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, следователя, дознавателя.

Таким образом, норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 11 УПК РФ, на наш взгляд, должна выглядеть так: «Суд, прокурор, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, следователь, дознаватель обязаны своевременно и доходчиво разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав».

Представляется, что ч. 1 ст. 11 УПК РФ в предложенном варианте будет более четко отражать положение дел применительно к разъяснительной деятельности государственных органов и должностных лиц как составляющей правообеспечительной сферы.

Одним из важных и распространенных правообеспечительных средств, используемых следователем и дознавателем, является предоставление возможности заинтересованным участникам уголовного судопроизводства и лицам, защищающим их интересы, ознакомиться с материалами уголовного дела. На разных этапах расследования указанные участники могут знакомиться с разными процессуальными документами. До окончания предварительного расследования участники вправе ознакомиться лишь с ограниченным кругом таких документов. Как правило, речь идет о документах, затрагивающих непосредственно того или иного участника. В случаях, предусмотренных законом, определенные процессуальные документы должны вручаться заинтересованному лицу. Например, копию постановления о привлечении лица в каче-

стве обвиняемого необходимо вручить обвиняемому (п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Есть еще ряд документов, которые подлежат вручению заинтересованному лицу (например, постановление о возбуждении уголовного дела (п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ); постановление о применении в отношении лица меры пресечения (п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) и др.).

Ознакомлению с протоколами следственных действий подлежит лицо, принимавшее участие в производстве указанного следственного действия (п. 10 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, п. 8 ч. 4 ст. 46 УПК РФ; п. 10 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и др.).

Однако полное ознакомление с материалами уголовного дела следователь и дознаватель обязаны обеспечить лишь определенному кругу лиц и только после окончания предварительного расследования. Достаточно четко данная мысль сформулирована законодателем по отношению к обвиняемому (п. 12 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), его защитнику (п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), а также его законному представителю (п. 7 ч. 2 ст. 426 УПК РФ). Вместе с тем даже применительно к указанным участникам не всегда возможно ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Некоторые составляющие материалов могут не предъявляться для ознакомления обвиняемому и лицам, защищающим его интересы. Речь идет о документах, хранящихся в опечатанном конверте. Необходимость в таком способе хранения документов может возникнуть, например, в случае угрозы безопасности участников уголовного процесса (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ). Кроме того, согласно ч. 1 ст. 217 УПК РФ обвиняемый (впрочем, как и другой участник уголовного судопроизводства) не сможет ознакомиться и с вещественными доказательствами, которые невозможно предъявить, и в связи с этим вынесено соответствующее постановление следователем.

Если даже обвиняемый не всегда имеет возможность ознакомиться с материалами уголовного дела в полном объеме, то другие участники уголовного судопроизводства тем более ее не имеют. Данный вывод основывается на действующем уголовно-процессуальном законодательстве.

Так, гражданский истец и гражданский ответчик вправе знакомиться по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела, относящимися к предъявленному гражданскому иску (п. 12 ч. 4 ст. 44 УПК РФ, п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ). Что касается ознакомительных возможностей потерпевшего, то они также в отдельных случаях ограничены. Несмотря на то что законо-

датель закрепляет общее правило об ознакомлении данного участника со всеми материалами уголовного дела, в некоторых случаях из него делается исключение. Имеется в виду участие в уголовном деле нескольких потерпевших, когда каждому из них предоставляется возможность ознакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ).

Аналогичные ограничения в сфере ознакомления с материалами уголовного дела характерны и для прав представителей гражданского истца, гражданского ответчика, потерпевшего. Это вытекает из содержания ч. 3 ст. 45 УПК РФ, в соответствии с которой указанные участники наделены теми же правами, что и их представляемые. Кроме того, важно помнить, что они получают доступ к ознакомлению с материалами уголовного дела при условии заявления гражданским истцом, гражданским ответчиком, потерпевшим соответствующего ходатайства. Заявление ходатайства перечисленными участниками является также необходимым условием и для их ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия (ст. 216 УПК РФ).

Представляется, что законодательные ограничения ознакомительных возможностей упомянутых участников уголовного судопроизводства идут не на пользу защиты интересов потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. Они ослабляют обеспечительный фундамент предварительного расследования, что нельзя признать правильным.

Действительно, для того чтобы выстроить полноценную защитительную позицию по уголовному делу, необходимо знание не отдельных его фрагментов, а всего уголовного дела. Грамотное решение вопросов гражданского иска, которым законодатель отводит место ориентира при определении объема ознакомительных возможностей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, предполагает получение знания о виновности лица, событии преступления и др. К тому же заранее не всегда представляется возможным определить, какие сведения из уголовного дела будут ценными для выстраивания защитительной позиции потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. В связи с этим предлагаем для указанных участников уголовного судопроизводства и их представителей снять ознакомительные ограничения на этапе окончания пред-

варительного расследования. Необходимо уравнивать потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика с обвиняемым в праве на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования, предоставив им возможность ознакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела.

Более того, необходимо привести нормы, содержащиеся в п. 12 ч. 2 ст. 42, п. 12 ч. 4 ст. 44, п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ, в соответствие с нормой, представленной статьей 216 УПК РФ. В действующей редакции УПК РФ статьи, посвященные процессуальному статусу потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, не предусматривают в качестве обязательного условия ознакомления указанных участников с материалами уголовного дела заявление ими соответствующего ходатайства. В то же время ст. 216 УПК РФ на этом условии внимание акцентирует. Представляется, что указанный подход также не лучшим образом сказывается на защите прав потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. Объясняется это следующими обстоятельствами. Для того чтобы заявить ходатайство, от указанных лиц необходимы не только время и определенные усилия, но и знание соответствующего субъективного права. И здесь без надлежащей разъяснительной деятельности государственных органов и должностных лиц не обойтись. К сожалению, как уже отмечалось ранее, она не всегда бывает своевременной и доходчивой. А это может поставить под угрозу реализацию права потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика на ознакомление с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования. В связи с этим предлагаем привести в соответствие норму, содержащуюся в ст. 216 УПК РФ, с нормами, раскрывающими процессуальный статус указанных участников уголовного судопроизводства (п. 12 ч. 2 ст. 42, п. 12 ч. 4 ст. 44, п. 9 ч. 2 ст. 54 УПК РФ), и предоставить им наряду с обвиняемым право ознакомления с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования. Очевидно, реализация этого предложения на практике приведет к дополнительной нагрузке на следователя, дознавателя. Однако данное обстоятельство не должно быть решающим при оценке предлагаемых новелл. На наш взгляд, в подобной ситуации следует ориентироваться на ст. 6 УПК РФ, закрепляющую назначение

уголовного судопроизводства. Согласно нормам, содержащимся в указанной статье, приоритетным направлением является защита прав потерпевшего. Обеспечение права последнего на защиту собственных интересов — неотъемлемое направление деятельности государственных органов и должностных лиц, которое нуждается в укреплении дополнительными механизмами, что вполне будет соответствовать и назначению уголовного судопроизводства, и интересам потерпевшего.

1. Зайцева Е. А., Гринюк Е. Н. Роль прокурора в обеспечении прав участников досудебного производства по уголовным делам: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 208 с.

2. Владимирова Ю. К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2018. 152 с.

3. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 536 с.

4. Асанов Р. Ш., Давлетов А. А. Правообеспечительная функция следователя: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 216 с.

5. Насонов А. А., Цинова М. В. О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных возможностей при производстве дознания в сокращенной форме // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 236—241.

6. Волколупов В. Г. Уголовно-процессуальный институт обжалования: теоретические и законодательные аспекты // Новое в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве: основные тенденции и перспективы совершенствования: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию со дня образования Волгоградской академии МВД России (Волгоград, 31 мая — 1 июня 2012 г.) / отв. ред. В. И. Третьяков. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 213—223.

В заключение отметим, что правообеспечительные механизмы, применяемые государственными органами и должностными лицами на этапе окончания предварительного расследования, несмотря на их функциональность, не безупречны. Их усовершенствование позволит укрепить правообеспечительный фундамент процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц, усилить защищенность невластных участников уголовного судопроизводства.

1. Zaitseva Ye. A., Grinyuk Ye. N. Role of the prosecutor to ensure the rights of participants in pre-trial proceedings in criminal cases. Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 208. (In Russ.).

2. Vladimirova Yu. K. Ensuring the criminal procedural rights of participants in criminal proceedings being in custody or serving a sentence in imprisonment. Dissertation of candidate of juridical sciences. Voronezh; 2018: 152. (In Russ.).

3. Kolosovich M. S. Procedural means to ensure publicity and secrecy in criminal proceedings: conceptual foundations. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 536. (In Russ.).

4. Asanov R. Sh., Davletov A. A. Law enforcement function of the investigator. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2022: 216. (In Russ.).

5. Nasonov A. A., Tsinova M. V. On the subjects to ensure the right to defense to the suspect and accused and some features of their procedural capabilities at the stage of an inquiry in reduced form. Society and Law, 236—241, 2015. (In Russ.).

6. Volkolupov V. G. Criminal procedural institute of appeal: theoretical and legislative aspects. In: New in criminal, criminal procedural and criminal executive legislation: main trends and prospects for improvement. Collection of scientific works of all-Russian scientific-practical conference dedicated to the 45th anniversary of the establishment of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 31 May — 1 June 2012, Volgograd. Ed. by V. I. Tretyakov. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2013: 213—223. (In Russ.).

Насонова Ирина Александровна,
профессор кафедры уголовного процесса
Воронежского института МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
nasonova-amelina@mail.ru

Nasonova Irina Alexandrovna,
professor at the department of criminal procedure
of the Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
nasonova-amelina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.102
doi: 10.25724/VAMVD.A221

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Вячеслав Владимирович Николюк

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, nvv56@mail.ru

Аннотация. В текущий момент резко возрастает необходимость не «бумажного», а реального взаимодействия и профессиональных связей юридической науки и практики, повышается значение научно-практических рекомендаций для правоприменителей. Особое внимание должно уделяться потенциально эффективным в борьбе с преступностью юридическим инструментам, имеющим, как правило, межотраслевую правовую природу. Принципиально важно в научном и прикладном аспектах выработать оптимальные формы совместной деятельности оперативных подразделений и органов предварительного расследования как одного из условий успешного раскрытия и расследования преступлений. В связи с этим актуальным и приоритетным становится эффективное использование положений ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» на базе процессуальной конструкции неотложных следственных действий. Автор показывает специфику правовой природы неотложных следственных действий и их отличий от процессуальных механизмов, предусматривающих производство следственных действий в «экстренных» случаях. Представлены результаты анализа неотложных следственных действий через призму доктрины «правовых институтов». Обосновывается вывод, что теория неотложных следственных действий дистанцировалась от практики раскрытия и расследования преступлений, вышла на сугубо абстрактный уровень и перестала носить прикладной характер. Далее в статье показываются возможности реализации в уголовном процессе собранной органом дознания оперативно-разыскной информации, указывающей на совершение преступлений определенным лицом, в рамках неотложных следственных действий. Отмечая комплексный характер категории «неотложные следственные действия», в статье формулируется итоговый вывод о возрастании значения их оперативно-разыскной составляющей.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, оперативно-разыскные мероприятия, орган дознания, следователь, дознаватель, возбуждение уголовного дела, подследственность, правовой институт

Для цитирования: Николюк В. В. Оперативно-разыскные аспекты производства неотложных следственных действий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 105—113. doi: 10.25724/VAMVD.A221

OPERATIONAL SEARCH ASPECTS OF COMPLETING URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS

Vyacheslav Vladimirovich Nikoljuk

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, nvv56@mail.ru

Abstract. At the current moment, the need for real, but not for "on paper only" interaction and professional connections between legal science and practice is sharply increasing, and scientific and practical recommendations for law enforcement are gaining in importance. Special attention should be given to potentially effective legal instruments for crime fighting, having, as a rule, an inter-sectoral juridical nature. It is fundamentally important in the scientific and applied aspects to develop optimal cooperation forms of operative units and preliminary investigation bodies as one of the conditions for the successful crime detection and investigation. In this regard, the effective use of the provisions of Art. 157 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and of Art. 11 of the

Federal Law "On Operational Investigative Activities" based on the procedural design of urgent investigative actions turns out to be topical and priority issue. The author shows the specifics of the legal nature of urgent investigative actions and their differences from procedural mechanisms providing for investigative actions in "emergency" cases. The results of the analysis of urgent investigative actions through a focus on the doctrine of "legal institutions" are presented. The conclusion that the theory of urgent investigative actions has distanced itself from the practice of solving and investigating crimes, reached a purely abstract level and ceased to be of an applied nature is substantiated. Further, the article shows the possibilities of implementing in criminal proceedings operational investigative information collected by the inquiry body, indicating the crime commission by a particular person within the framework of urgent investigative actions. Noting the complex nature of the category "urgent investigative actions", the article formulates the final conclusion about the increasing importance of their operational investigative component.

Keywords: urgent investigative actions, operational investigative activities, inquiry body, investigator, inquiry officer, criminal case initiation, investigative jurisdiction, legal institution

For citation: Nikol'yuk V. V. Operational search aspects of completing urgent investigative actions. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 105—113, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A221

Законодательная конструкция, изначально закрепленная в ст. 119 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, а затем в п. 19 ст. 5, ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), воспринимается в теории уголовного процесса отдельными учеными как самостоятельный институт уголовно-процессуального права. Подобный подход тянет за собой череду вопросов, касающихся структуры права, и центральные из них — о критериях обособления правовых институтов в рамках одной отрасли права, вариантах композиционного построения институтов, связях между входящими в них нормами, соотношении близких по своему функциональному назначению институтов.

Так, П. В. Вдовцев в рамках решения исследовательской задачи — изучить эволюцию возникновения и развития института неотложных следственных действий в российском уголовном процессе и выявить тенденции дальнейшего развития данного института — приходит к выводу, что неотложные следственные действия как правовой институт в основных чертах были нормативно выражены еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС 1864 г.). Действительно, УУС 1864 г. предусматривал дознание по преступлениям в безотлагательном порядке тем органом, который обнаружил признаки преступления. Фактически тот или иной субъект предварительного расследования мог выполнить его часть, заменяя собою надлежащий субъект производства, во избежание утраты доказательственной информации [1]. Данное понимание, за определенными исключениями, в организации расследования преступлений органами дознания и предварительного следствия придерживался законодатель и во всех последующих кодифика-

циях отечественного уголовно-процессуального законодательства (УПК РСФСР 1922 г., УПК РСФСР 1923 г., УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г.). В связи с этим возникает резонный вопрос: когда же произошла концептуализация института неотложных следственных действий, или в какой момент нормативное образование, обеспечивающее их производство, приобрело юридические признаки института и в отношении него стало возможным применять понятие «институт уголовно-процессуального права»? Сомневаемся, что подобное «процессуальное чудо» произошло с феноменом «неотложные следственные действия» уже с принятием УУС 1864 г., когда понятие правового института было *terra incognita* для юридической науки того времени. Очевидно, что заявлять неотложные следственные действия как институт уголовно-процессуального права корректно лишь при условии формирования устойчивой доктрины правовых институтов вообще и теории уголовно-процессуальных институтов в частности. И то и другое, причем с определенной дискуссионностью и конвенциональностью, произошло сравнительно недавно, а некоторые элементы категории «правовой институт» до сих пор остаются малоисследованными.

Более осторожен в трактовке неотложных следственных действий как уголовно-процессуального института Р. А. Шахназов, который, понимая неполное его соответствие признакам правового института, вынужден пояснять, что он еще «окончательно не сформировался», «имеет незавершенный вид», «требует дополнительного правового регулирования» [2, с. 10]. Высказанная двумя годами ранее К. А. Синкиным точка зрения о натурализации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) института

неотложных следственных действий сопровождается замечанием, что данному институту присущ ряд конструктивных неточностей, которые необходимо устранить на законодательном уровне: «Целесообразно будет выполнение неотложных следственных действий не после, а до возбуждения уголовного дела. Правом производства неотложных следственных действий следует наделить не только органы дознания, но и следователя с дознавателем. Результатом выполнения неотложных следственных действий, наряду с оценкой других материалов предварительной проверки, будет являться решение, принимаемое в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ» [3, с. 116].

Предложения К. А. Синкина, которые исследователь скромно нарек «уточнениями», частично реализованы во время реформирования стадии возбуждения уголовного дела в 2013 г.: при проверке сообщения о преступлении дознаватель, следователь получили полномочия назначать судебную экспертизу, участвовать в ее производстве и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование¹. Однако содержание ст. 157 УПК РФ не поменялось, что с очевидностью подчеркивает самостоятельность процессуальной проверки сообщений о преступлении, регулируемой ст. 144 УПК РФ, и производства неотложных следственных действий по правилам ст. 157 УПК РФ. Обратим внимание на то, что законодатель разрешил проведение лишь нескольких следственных действий в рамках проверки сообщения о преступлении. В их число, например, не включены обыск и выемка, являющиеся основными способами обнаружения и изъятия доказательств. Поэтому попытки «соединить» два разных по своему назначению вида уголовно-процессуальной деятельности и подчинить их единому процессуальному режиму непродуктивны, теоретически и юридически не обоснованы. Такие подходы к структуризации процессуальных механизмов реализации назначения досудебного уголовного судопроизводства детерминированы неточными, неадекватными представлениями о правовых институтах, концептуализация которых

на общетеоретическом и отраслевом уровнях произошла во второй половине XX в.

Позиционирование выделенного в УПК РФ самостоятельного сегмента (нормативного комплекса) с рубрикой «неотложные следственные действия» в качестве уголовно-процессуального института без соответствующего теоретического обоснования, включающего обязательный анализ признаков института, методологически несостоятельно. Ученными разработана система положений о понятии, признаках и видах уголовно-процессуальных институтов, их составе и структуре [4]. Только при соответствии конкретной категории уголовно-процессуального права признанным доктриной критериям выделения правовых институтов в отношении нее можно применять понятие «институт». К сожалению, при анализе п. 19 ст. 5, ч. 1 ст. 144, ч. 5 ст. 152, ст. 157, ч. 5 ст. 165 УПК РФ исследователи отступают от этих правил. В результате на основе одного и того же нормативного образования ими обнаруживается сразу несколько процессуальных институтов.

Например, О. В. Мичурина усматривает два самостоятельных института, общим связующим звеном для которых выступает полномочие без отлагательства проводить следственные действия по делу «чужой» подследственности. «Первый... предусмотрен отдельной нормой и достаточно подробно регламентирован в законе, хотя не лишен недостатков. Второй институт — выполнение дознавателем и следователем неотложных следственных действий в порядке ч. 5 ст. 152 УПК РФ в случаях, если они установят, что уголовное дело им неподследственно. Его регламентация в уголовно-процессуальном законе оставляет желать лучшего» [5, с. 66]. Данный подход к выделению названных институтов допускает возможность их образования по принципу «одна норма — один институт». Но теория правовых институтов исходит из того, что одна правовая норма, независимо от ценности предусмотренного ею правила, не может составить правового института.

Неубедительна и позиция С. П. Брылякова, что неотложные следственные действия представляют собой уголовно-процессуальный институт, который предусматривает деятельность и в стадии возбуждения уголовного дела, и в стадии предварительного расследования, в случае выявления органом дознания преступления, подследственного следователю [6].

По этому поводу Л. В. Головки и О. Л. Васильев правильно замечают: «Нельзя путать неотложные следственные действия с тем ограниченным набором следственных действий, которые допустимы

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

в стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УП РФ). Речь идет о разных процессуальных институтах» [7, с. 690]. Однако и считать их а priori самостоятельными уголовно-процессуальными институтами, не прибегая к рассмотрению их институциональных признаков, также методологически неправильно.

Дифференцируя неотложные следственные действия и следственные действия, осуществляемые при обстоятельствах, не терпящих отлагательства, когда следственное действие в виде обыска или выемки в жилище, личного обыска в порядке исключения производится без судебного решения с последующим уведомлением суда в течение трех суток, Л. В. Головкин и О. Л. Васильев интерпретируют ч. 5 ст. 165 УПК РФ как институциональную конструкцию или самостоятельный правовой институт, где речь также идет о неотложности (безотлагательности), но совершенно в другом процессуальном контексте [7, с. 690].

В юридической литературе обращается внимание на наличие в УПК РФ четырех относительно самостоятельных категорий, на которые распространяется общий объединяющий критерий — фактор безотлагательности: 1) следственные действия, проводимые в случаях, не терпящих отлагательства, до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176, ч. 4 ст. 178, ч. 1 ст. 179, ч. 4 ст. 202 УПК РФ); 2) следственные действия, проводимые в исключительных случаях, не терпящих отлагательства, без судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ); 3) возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий органом дознания (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК РФ); 4) неотложные следственные действия, производимые следователем, дознавателем, установившим, что уголовное дело ему неподследственно (ч. 5 ст. 152 УПК РФ). «Смешение этих категорий, — пишет Д. С. Мерлаков, — приводит к трудностям в определении компетенции органов дознания и предварительного следствия и отрицательно сказывается на законности и эффективности правоприменительной деятельности» [8, с. 108—109].

Даже без детальной характеристики указанных категорий видно, что они имеют разные цели, свое предназначение и должны быть востребованы в строго определенной ситуации. Поэтому объединение их как «неотложных следственных действий» условно, уместно на теоретическом уровне для сравнения и выявления между ними тождества и различий. Несовпадений гораздо больше, что делает проблематичным закрепление в законе общих оснований и условий проведения «неотложных», «безотлагательных» следственных действий.

С другой стороны, если на все относительно самостоятельные случаи производства следственных действий, подчиненных общему объединяющему критерию «безотлагательность», взглянуть с позиций понятия «правовой институт» с присущим ему набором институциональных признаков, то обнаруживается, что нормы, корреспондирующие каждой из приведенных выше категорий, по своей нормативной сущности есть единичные лаконичные разрозненные предписания, не представляющие единого целого, не воплощающие в своем содержании специальной юридической конструкции. К тому же они не имеют общих связующих положений в виде, например, единых оснований и условий производства следственных действий в безотлагательных ситуациях.

Таким образом, понятие «неотложные следственные действия» объективно не может выступать объединяющим критерием следственных действий, осуществляемых до возбуждения уголовного дела; без судебного решения; после возбуждения уголовного дела органом дознания; по уголовному делу «чужой» подследственности. Нормы, регулирующие производство следственных действий в указанных ситуациях, в силу их неоднородности, не объединены в единую систему взаимосвязанных правил, не создали качественно новой правовой целостности, что препятствует восприятию их в качестве самостоятельного уголовно-процессуального института. Теоретически не обоснованно и позиционирование как отдельных процессуальных институтов следственных действий, проведение которых предусмотрено ч. 1 ст. 144, ч. 5 ст. 152, ст. 157, ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Во всех этих случаях проблематично идентифицировать юридический признак института в виде комплекса нормативно-правовых предписаний.

В теории уголовного процесса представлена точка зрения, в соответствии с которой система следственных действий квалифицируется как самостоятельный институт уголовно-процессуального права. По мнению О. И. Пигорева, отдельные, неупорядоченные нормы, регламентирующие собирание доказательств, сформировались в самостоятельный правовой институт. Он понимается исследователем как совокупность норм уголовно-процессуального права, которые регулируют отношения, складывающиеся по поводу собирания, проверки и исследования доказательств в ходе проведения следственных действий в досудебном производстве по уголовным делам, характеризующиеся обособленным закреплением в законе и полнотой регулируемых отношений (основания

и порядок производства следственных действий, правила поведения участников следственных действий) [9].

С учетом тематики и композиции статьи нет необходимости детально анализировать приведенные позиции. Ограничимся следующими суждениями.

Юридический признак института следственных действий образуют нормы, регулирующие производство таких действий по собиранию доказательств. Давая характеристику материальному признаку данного института (определенный вид общественных отношений), О. И. Пигорев называет их отношениями, складывающимися по поводу собирания, проверки и использования доказательств в ходе следственных действий [9]. Нормы УПК РФ, регулирующие собирание, проверку и использование доказательств, также являются органической частью института доказательственного права. Отсюда возникает проблема соотношения и разграничения рассматриваемых институтов.

Так, А. Б. Диваев полагает, что нормы уголовно-процессуального права, непосредственно относящиеся к доказыванию, образуют единый институт «Доказательственное право», имеющий единый предмет правового воздействия, который является частью предмета уголовно-процессуального права — доказывания по уголовному делу. К нормам доказательственного права, в частности, ученый относит предписания, устанавливающие досудебные способы собирания и проверки доказательств (ст. 164—170, 176—207 УПК РФ), каковыми в законе значатся следственные действия [10].

Применительно к обозначенной ситуации В. А. Лазарева замечает, что традиционные средства собирания доказательств — следственные действия — имеют прямое отношение к процессу доказывания, поэтому «нормы, устанавливающие общие правила производства следственных действий и каждого следственного действия в отдельности, порядок судебного следствия, особенности оценки доказательств в стадиях уголовного процесса» входят в доказательственное право [11, с. 10].

Неотъемлемой частью доказательственного права считает совокупность нормативных предписаний, устанавливающих общие условия предварительного расследования и порядок производства следственных действий, А. Ю. Афанасьев [12].

Для понимания того, в каких вариантах может быть представлен юридический признак правового института, надо иметь в виду, что о сложившемся

институте уголовно-процессуального права, как верно рассуждает Н. В. Лантух, «можно говорить только тогда, когда в законодательстве прямо установлено или практически обнаруживается достаточно четкое разделение между нормами, составляющими данный институт, и другими нормами отрасли права» [4, с. 15].

Регулируемые УПК РФ ситуации вынужденного производства следственных действий органом дознания или следователем своеобразны. Их специфика существенна, что обуславливает целесообразность их отдельного рассмотрения в условиях действующего правового регулирования. В настоящей статье наше внимание привлекли положения ст. 157 УПК РФ, что объясняется следующими причинами.

В текущий момент феномен «неотложные следственные действия» подвергается критике. Проведение научных исследований в данном направлении теряет актуальность. Неотложные следственные действия в большей степени ассоциируются с ситуациями, когда орган дознания заменяет следователя, находящегося в удалении от места производства предварительного следствия и по объективным причинам не имеющего возможности приступить к рассмотрению сообщения о преступлении, по которому обязательно предварительное следствие, и принять по нему процессуальное решение.

Так, условиями проведения неотложных следственных действий Т. В. Барсукова считает следующие типичные ситуации: когда необходимо пресечь преступление, а сделать это без возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий нельзя; когда органы дознания первыми оказываются на месте происшествия и непосредственно обнаруживают признаки преступления в виде следов, которые могут немедленно исчезнуть или быть уничтожены по объективным причинам; когда место происшествия находится на значительном удалении и следователь не может прибыть к нему незамедлительно; когда органы дознания производят задержание (фактическое) и последующий личный обыск вооруженных преступников [13].

Руководствуясь ст. 157 УПК РФ, орган дознания получает возможность реализации результатов оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) в рамках уголовно-процессуальных форм, возбуждая уголовное дело и проводя необходимые следственные действия, руководствуясь тем, что оперативно-разыскные данные рассматриваются законом

как основание для возбуждения уголовного дела, и используются при проведении следственных действий (ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — Закон об ОРД)).

На распространенность во второй половине прошлого столетия практики проведения оперативными уполномоченными уголовного розыска и БХСС ОВД (милиции) процессуальных проверок с учетом результатов их собственной ОРД обращает внимание А. И. Фадеев. «Они же выполняли и неотложные следственные действия, — пишет автор, — реализуя, таким образом, имевшееся у „органов дознания“ право самостоятельного возбуждения уголовных дел любой подследственности» [14, с. 149—150].

В современный период редко можно встретить выделение именно оперативно-розыскного аспекта неотложных следственных действий, регулируемых ст. 157 УПК РФ. На недооценку возможностей данного уголовно-процессуального инструмента в раскрытии преступлений более десяти лет назад обращали внимание В. Н. Махов и Г. С. Стародубцев [15].

Возбуждение в порядке ст. 157 УПК РФ органом дознания уголовного дела по материалам ОРД с последующим производством по нему неотложных следственных действий с использованием результатов оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) — специальная правовая конструкция, способствующая решению общей для органов предварительного следствия и дознания задачи раскрытия и расследования преступлений. Основы данной конструкции содержатся в положениях ст. 157 УПК РФ и ст. 11 Закона об ОРД, которые однозначно подчинены интересам оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Придавать ст. 157 УПК РФ исключительно узкое значение — временно (на срок до 10 суток) заменять следователя, по объективным причинам отсутствующего в месте совершения преступления (обнаружения, выявления признаков преступления), — значит отрицать тесную взаимосвязь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, наделение законом результатов ОРД статусом оснований возбуждения уголовного дела и производства следственных действий, существование хорошо отлаженной и поддерживаемой всеми силовыми ведомствами процедуры представления результатов ОРД органу дознания, следователю и в суд для использования в уголовно-процессуальном доказывании¹. На это

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельно-

прямо указывает С. В. Супрун, полагаящий, что если «следователь органа внутренних дел по объективным причинам не может возбудить подследственное ему уголовное дело и провести первоначальные следственные действия, то его место временно может занять должностное лицо органа внутренних дел» [16, с. 95].

В связи с этим представляется адекватно отражающей действующее уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство, установки нормативных актов силовых ведомств позиция А. Б. Судницына и Н. Н. Цуканова, согласно которой производство органом дознания неотложных следственных действий рассматривается как форма взаимодействия со следователем. Авторы исходят из того, что результаты многолетней практики раскрытия преступлений и расследования уголовных дел иллюстрируют большое число возможностей у органа дознания в сравнении со следователем, за счет чего деятельность сотрудников органа дознания достаточно эффективна. Последние свободно ориентируются в оперативной обстановке на обслуживаемой территории, способны в сравнительно короткое время установить места хранения похищенного имущества, изобличить и задержать лицо, совершившее преступление [17]. Ранее аналогичную точку зрения высказал А. П. Кругликов [18].

На примере деятельности таможенных органов видно, что положения ст. 157 УПК РФ актуальны и востребованы на практике. По нашим данным, ежегодно российские таможенные органы возбуждают в порядке ст. 157 УПК РФ свыше трех тысяч уголовных дел о преступлениях, производство предварительного следствия по которым обязательно.

При установлении в ходе осуществления ОРД достаточных данных, которые указывают на признаки одного из преступлений, предусмотренных ст. 173.1, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1¹, 194, 200.1, 200.2, 226.1, 229.1 УК РФ, оперативным уполномоченным региональной таможни представляется рапорт об обнаружении признаков преступления с регистрацией его в книге учета заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях. Уголовное

сти органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: [https:// www.consultant.ru](https://www.consultant.ru) (дата обращения: 12.11.2023).

дело возбуждается по материалам ОРД, и дальнейшая реализация результатов ОРМ происходит путем проведения следственных действий.

Во всех изученных уголовных делах в качестве повода к их возбуждению фигурировал рапорт оперативного работника таможни об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ).

В качестве оснований для возбуждения уголовного дела в соответствующих постановлениях органом дознания указываются достаточные данные, полученные при проведении ОРМ и подтверждающие событие преступления и причастность к нему конкретных лиц.

Содержание ч. 7 ст. 157 УПК РФ однозначно подчеркивает ее настроенность на комплексное применение органом дознания предусмотренных законом мер для раскрытия и расследования преступлений. В качестве таких мер рассматриваются следственные действия, ОРМ гласного и негласного характера. Более того, в случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан продолжать ОРД для раскрытия преступления.

Таким образом, приоритетная цель алгоритма действий, заложенного в ст. 157 УПК РФ, состоит в том, чтобы за счет сочетания уголовно-процессуальной доказательственной и оперативно-розыскной поисковой деятельности обеспечить раскрытие преступления, получение доказательств, устанавливающих обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. Понятие «неотложные следственные действия» объективно не может выступать объединяющим критерием следственных действий, осуществляемых неотложно: до возбуждения уголовного дела; без судебного решения; после возбуждения уголовного дела органом дознания; по уголовному делу «чужой» подследственности.

Теоретически не обоснованно выделение в качестве отдельных процессуальных институтов следственных действий, проведение которых предусмотрено ч. 1 ст. 144, ч. 5 ст. 152, ст. 157, ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Во всех этих случаях отсутствует юридический признак правового института в виде комплекса соответствующих нормативно-правовых предписаний.

2. Нормы, регулирующие производство неотложных следственных действий, в силу их неоднородности не объединены в единую систему взаимо-

связанных правил, объективно не могут трансформироваться в качественно новую правовую целостность и образовать самостоятельный уголовно-процессуальный институт «Неотложные следственные действия».

3. Разработанная на теоретическом уровне конструкция института следственных действий с включением в его юридическую составляющую норм, устанавливающих процесс доказывания, порождает проблему определения его соотношения с институтом доказательственного права. Данная проблема еще не близка к разрешению, ожидает «подбора ключа» для ее исследования в силу неординарности ситуации, когда одна и та же группа норм входит в состав двух и более институтов.

4. Положениями ст. 157 УПК РФ и ст. 11 Закона об ОРД заложены основы специальной правовой конструкции, предусмотревшей возбуждение органом дознания уголовного дела по материалам ОРД с последующим производством по нему неотложных следственных действий с использованием результатов ОРМ. В настоящее время отдельные органы дознания с помощью этой конструкции успешно решают задачу раскрытия преступлений.

5. Ведущиеся научные исследования досудебного уголовного судопроизводства необходимо переориентировать, выделив в качестве приоритетных проблемы насыщения оперативно-розыскной информацией процесса расследования уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, интенсификации применения норм ст. 11 Закона об ОРД непосредственно в качестве оснований для возбуждения уголовного дела и проведения неотложных следственных действий.

6. Доктрина неотложных следственных действий, как в целом, так и в части реализации предписаний ст. 57 УПК РФ в системном единстве со ст. 11 Закона об ОРД, нуждается в сближении с практической деятельностью оперативных подразделений полиции для преодоления образовавшегося разрыва между ними. В условиях возрастания доли тяжкой и особо тяжкой преступности правовая, ведомственная наука должна сосредоточиться на разработке практических рекомендаций в целях оптимизации взаимодействия органов дознания и предварительного следствия в формах, закрепленных ст. 57 УПК РФ и ч. 2 ст. 11 Закона об ОРД. В многочисленных публикациях, в названии которых присутствует термин «неотложные следственные действия», крайне редко можно встретить результаты непосредственного изучения уголовных дел и материалов ОРД.

1. Вдовцев П. В. Неотложные следственные действия в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 28 с.

2. Шахнавазов Р. А. Производство неотложных следственных действий как уголовно-процессуальный институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 27 с.

3. Синкин К. А. Некоторые проблемы института неотложных следственных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2003. № 3. С. 115—116.

4. Лантух Н. В. Теория уголовно-процессуальных институтов: монография. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2015. 156 с.

5. Мичурина О. В. Проблемы разграничения компетенции органов дознания при производстве неотложных следственных действий // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 64—67.

6. Брыляков С. П. О необходимости законодательного закрепления общих условий досудебного производства // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIII междунар. науч.-практ. конф. (24—25 мая 2018 г.). В 2 т. Т. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2018. С. 168—172.

7. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. Москва: Статут, 2021. 1328 с.

8. Мерлаков Д. С. Уголовно-процессуальная компетенция субъектов, ведущих досудебное производство: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. 243 с.

9. Пигорев О. И. Развитие института следственных действий в российском уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 29 с.

10. Диваев А. Б. Основы теории доказательств в уголовном процессе: учеб. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2018. 270 с.

11. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособие. Москва: Высш. образование, 2009. 343 с.

12. Уголовно-процессуальное доказывание: теория, практика, методология: монография / А. Ю. Афанасьев, А. А. Зайцев, С. А. Лубин, А. В. Смолин. Москва: Юрлитинформ, 2021. 176 с.

13. Барсукова Т. В. Неотложные следственные действия и ошибки при их производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 24 с.

1. Vdovtsev P. V. Urgent investigative actions in Russian criminal proceedings. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Ekaterinburg; 2011: 28. (In Russ.).

2. Shakhnavazov R. A. Completing urgent investigative actions as a criminal procedural institution. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2005: 27. (In Russ.).

3. Sinkin K. A. Some problems of the institution of urgent investigative actions. Topical problems of fighting crimes and other offenses, 115—116, 2003. (In Russ.).

4. Lantukh N. V. Theory of criminal procedural institutions. Monograph. Saint Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia; 2015: 156. (In Russ.).

5. Michurina O. V. Problems of delimiting the competence of the inquiry bodies by the completing urgent investigative actions. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 64—67, 2018. (In Russ.).

6. Brylyakov S. P. On the need for legislative reinforcement of the general conditions of pre-trial proceedings. In: Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the 23rd International scientific and practical conference. 24—25 May 2018. In 2 vols. Vol. 1. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Interior of Russia: 168—172. (In Russ.).

7. Course in criminal procedure. Ed. by L. V. Golovko. The 3rd ed., rev. Moscow: Statute; 2021: 1328. (In Russ.).

8. Merlakov D. S. Criminal procedural competence of subjects conducting pre-trial proceedings. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2023: 243. (In Russ.).

9. Pigorev O. I. Development of the institution of investigative actions in Russian criminal procedural law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2010: 29. (In Russ.).

10. Divaev A. B. Fundamentals of the theory of evidence in criminal proceedings. Textbook. Moscow: Yurлитинформ; 2018: 270. (In Russ.).

11. Lazareva V. A. Proof in criminal proceedings. Educational and practical textbook. Moscow: Higher education; 2009: 343. (In Russ.).

12. Afanasyev A. Yu., Zaitsev A. A., Lubin S. A., Smolin A. V. Criminal procedural proof: theory, practice, methodology. Monograph. Moscow: Yurлитинформ; 2021: 176. (In Russ.).

13. Barsukova T. V. Urgent investigative actions and errors in their completing. Abstract of dissertation

14. Фадеев И. А. Нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальной деятельности и органов дознания МВД России на современном этапе: монография. Москва: Проспект, 2022. 208 с.

15. Махов В. Н., Стародубцев Г. С. Значение неотложных следственных действий // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 222—225.

16. Супрун С. В. Производство неотложных следственных действий — часть предварительного следствия // Уголовное право. 2009. № 3. С. 95—98.

17. Судницын А. Б., Цуканов Н. Н. Производство органом дознания неотложных следственных действий как форма взаимодействия со следователем // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2, № 1 (2). С. 245—251.

18. Кругликов А. П. Начало предварительного следствия органом дознания как форма его взаимодействия со следователем // Уголовное право. 2005. № 3. С. 86—88.

of candidate of juridical sciences. Voronezh; 2003: 24. (In Russ.).

14. Fadeev I. A. Legal regulation of criminal procedural activities and inquiry bodies of the Ministry of Interior of Russia at the present stage. Monograph. Moscow: Prospekt; 2022: 208. (In Russ.).

15. Makhov V. N., Starodubtsev G. S. The importance of urgent investigative actions. Society and Law, 222—225, 2012. (In Russ.).

16. Suprun S. V. Completing urgent investigative actions as a part of the preliminary investigation. Criminal law, 95—98, 2009. (In Russ.).

17. Sudnitsyn A. B., Tsukanov N. N. Completing urgent investigative actions by the inquiry body as a form of interaction with the investigator. Modern criminal procedural law — history lessons and problems of further reforming, 245—251, 2020. (In Russ.).

18. Kruglikov A. P. The beginning of a preliminary investigation by the inquiry body as a form of its interaction with the investigator. Criminal law, 86—88, 2005. (In Russ.).

Николюк Вячеслав Владимирович,

главный научный сотрудник
Всероссийского
научно-исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
nvv56@mail.ru

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich,

chief researcher at National Research Institute
of the Ministry of Interior
of the Russian Federation,
honored worker of science
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor;
nvv56@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.1

doi: 10.25724/VAMVD.A222

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ПОРЯДКА ДОСЛЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ
С УЧЕТОМ КАДРОВОГО НЕКОМПЛЕКТА
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Игорь Владимирович Овсянников

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, ivover@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются современный процессуальный порядок рассмотрения сообщений о преступлениях и правоприменительная практика. Обосновывается наличие существенных недостатков: массовые уголовно-процессуальные проверки заявлений (сообщений), в которых нет признаков преступления; познавательные действия, в том числе следственные, затрагивающие права, свободы, интересы граждан, попавших в орбиту доследственного производства, могут производиться без какого-либо основания; после возбуждения уголовного дела та же криминалистически значимая информация собирается повторно (двойная работа). В результате ресурсы полиции расходуются неэкономно, что особенно плохо в условиях кадрового некомплекта. Многосуточное доследственное производство означает и отказ от полноценного расследования по горячим следам, что негативно сказывается на эффективности досудебного производства и раскрываемости преступлений. Формулируются предложения по изменению существующих регламента и правоприменительной практики, направленные на обеспечение правозащитного назначения уголовного судопроизводства; укрепление законности; исключение излишних доследственных проверок путем сбора дополнительных сведений и двойной работы; повышение эффективности досудебного производства; снижение суммарной служебной нагрузки на сотрудников.

Ключевые слова: кадровый некомплект, перегрузка, рассмотрение сообщений о преступлениях, доследственное производство, уголовное преследование, признаки преступления, несовершеннолетний потерпевший

Для цитирования: Овсянников И. В. Совершенствование регламентации порядка доследственного производства и правоприменительной практики с учетом кадрового некомплекта в органах внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 114—119. doi: 10.25724/VAMVD.A222

**IMPROVEMENT TO REGULATE ORDER
FOR PRE-INVESTIGATION PROCEEDINGS
AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
CONSIDERING STAFF SHORTAGE IN THE INTERIOR BODIES**

Igor Vladimirovich Ovsyannikov

Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, ivover@mail.ru

Abstract. The article analyzes the modern procedural action of consideration of crime reports and legal practice. The presence of significant defects are justified: numerous criminal procedural verifications of reports which have no constituent elements of crime; cognitive process, including investigatory actions, comprising the rights, freedoms, interests of citizens getting into the system of pre-investigative proceedings, can be carried out without any reasons; the same forensically significant information is collected again after the criminal case initiation (extra work). As a result, police manpower is not used carefully that is poorly in conditions of staff shortage. Extended pre-investigative proceedings means the refusal of adequate field investigation, that adversely affect the effectiveness of pre-trial proceedings and crime detection. Proposals are formulated to change the existing regulations and legal practice, focused on insurance of human rights in criminal action; statutory compliance; eliminating unnecessary pre-investigation checks by collecting additional information and extra work; increasing the efficiency of pre-trial proceedings; reducing the total work stress on staff members.

Keywords: staff shortage, work stress, consideration of crime reports, pre-investigative actions, criminal prosecution, constituent elements of crime, juvenile victim

For citation: Ovsyannikov I. V. Improvement to regulate order for pre-investigation proceedings and law enforcement practice considering staff shortage in the interior bodies. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 114—119, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A222

По данным МВД России, в январе — сентябре 2023 г. зарегистрировано 1470,4 тыс. преступлений, 92,7 % всех зарегистрированных преступлений выявляется органами внутренних дел¹.

В то же время в последние годы, несмотря на системную работу по укреплению кадрового потенциала, обостряются проблемы, связанные с кадровым некомплектом. На расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев указал на острую актуальность проблемы вакансий, особенно для подразделений, которые непосредственно взаимодействуют с населением². В октябре 2022 г., отвечая в ходе «правительственного часа» на вопросы депутатов Государственной Думы, Министр констатировал, что «МВД не может самостоятельно решить вопрос кадрового некомплекта, который уже достиг 20 %»³. В августе 2023 г. Владимир Александрович назвал некомплект личного состава сотрудников ведомства «критическим», ориентировал подчиненных на минимизацию рисков, связанных с этой ситуацией⁴.

Кадровый некомплект в правоохранительных органах, как правило, влечет возложение дополнительного объема работы на действующих сотрудников, перегрузку личного состава, что негативно сказывается на качестве служебной деятельности, на законности принимаемых должностными лицами решений.

В этом смысле примером узкого места многие годы является деятельность должностных лиц

по рассмотрению сообщений о преступлениях. Так, в 2022 г. в ходе надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства прокурорами выявлено более 3,4 млн нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что почти в два раза превышает количество выявленных нарушений законодательства при производстве следствия и дознания (1,8 млн); при этом отменено более 1,4 млн постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела⁵.

В связи с обозначенными проблемами актуален поиск путей реформирования досудебного производства, которые позволили бы уменьшить его трудоемкость, ограничить служебную нагрузку на сотрудников, но сохранить или даже повысить эффективность работы органов следствия и дознания, раскрываемость преступлений, укрепить законность.

В досудебном производстве органы дознания, дознаватели, следователи значительный объем работы выполняют при проведении по правилам ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁶ (далее — УПК РФ) доследственных проверок поступающих сообщений. Предпосылками для существенного роста этого объема в последнее двадцатилетие послужили, в частности, традиционное стремление должностных лиц собирать как можно больше криминалистически значимой информации без возбуждения уголовного дела, неоднократное расширение круга разрешенных при проверке познавательных действий, удлинения

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — сентябрь 2023 г. // Министерство Внутренних Дел Российской Федерации: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 29.10.2023).

² Расширенное заседание коллегии МВД России 3 марта 2021 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/65090> (дата обращения: 27.10.2023).

³ Владимир Колокольцев выступил в ГД в ходе «правительственного часа» // Государственная Дума ФС РФ: сайт. URL: <http://duma.gov.ru/news/55541/> (дата обращения: 27.10.2023).

⁴ Глава МВД РФ заявил об увольнении из ведомства 5 тыс. сотрудников в июле. URL: <https://www.interfax.ru/russia/915654> (дата обращения: 27.10.2023).

⁵ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2022 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации: сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85612220> (дата обращения: 28.10.2023).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.11.2023).

ее предельного процессуального срока¹. Большую часть этой работы выполняют сотрудники полиции, преимущественно участковые и оперативные уполномоченные.

Между тем в научной литературе обоснованно отмечаются многочисленные пробелы и недостатки в правовом регулировании стадии возбуждения уголовного дела [1]. Это порождает проблемы в практике доследственного производства.

Если для возбуждения дела и начала предварительного расследования по закону необходимы и повод, и основание (ст. 140 УПК РФ), то для проведения доследственной проверки основания в законе не предусмотрено. Допустимость безосновательных проверок путем производства ряда разрешенных познавательных действий, в том числе следственных (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), любые из которых в той или иной мере затрагивают права, свободы, интересы граждан, причастных к доследственному производству, вызывает сомнение. Сомнительна и допустимость на этапе доследственной проверки уголовного преследования граждан, тем более длительного за счет проведения дополнительных проверок (ч. 6 ст. 148 УПК РФ) [2].

Однако существующая правовая регламентация позволяет проводить проверки сообщений о преступлениях в отношении конкретных лиц путем производства познавательных действий и фактически допускает их уголовное преследование (п. 6 ч. 3 ст. 49, ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), причем без обеспечения им всех прав, имеющихся у подозреваемого или обвиняемого и необходимых для защиты от уголовного преследования (ст. 16 УПК РФ). Это способствует расширению такой практики, когда задачи предварительного расследования пытаются решать в доследственном производстве, «проверочные действия направлены на установление всех признаков состава преступления, а также изобличение лица, совершившего преступление» [3, с. 47].

Существующая правовая регламентация влечет также неоднородность и вариативность практики,

зачастую позволяет вести трудоемкое доследственное производство (с проведением многочисленных познавательных действий — сбором объяснений и др.) и при отсутствии данных, указывающих на признаки преступления. Говоря о практиках разграничения сообщений о происшествии и сообщений о преступлении, исследователи обращают внимание на наличие сильной региональной специфики, зависящей «от позиции прокуратуры, начальника отдела полиции, управления МВД, СК и прокуратуры по субъекту федерации, традиций района», и приводят следующий пример: «Рассмотрение факта обнаружения трупа гражданина в заведомо некриминальных обстоятельствах (стало плохо с сердцем на улице) могло в разных районах и в разные годы быть списано в номенклатурное дело, проверено участковым уполномоченным с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, передано в отдел СК для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следователем СК» [4, с. 20].

По данным И. Г. Башинской, на практике «абсолютно по всем заявлениям и сообщениям, независимо от их содержания, сотрудники полиции проводят проверку в соответствии со ст. 144 УПК РФ». Причину этого исследователь видит в ведомственном уравнивании процедур проверки тех заявлений (сообщений), которые содержат признаки преступления, и тех, которые таковых не содержат [5, с. 34—35].

На основании выборочного исследования О. И. Цоколова, С. С. Безруков и Е. И. Куприянов отмечают, что около 20 % постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела выносятся по сообщениям, не содержащим информации о признаках преступления. В целях исключения многочисленных процессуальных проверок сообщений о происшествиях, очевидно не являющихся преступными, указанные авторы предлагают запретить проведение процессуальной проверки по таким сообщениям [3, с. 47].

По мнению автора настоящей статьи, при отсутствии в сообщении информации о признаках преступления запрет процессуальной проверки путем производства следственных и других познавательных действий логичен. Но этого недостаточно, так как остается неясным, кто, когда и в каком порядке должен квалифицировать деяние, о котором сообщено², решать, есть ли в поступившем сооб-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706; О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 11. Ст. 1168; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ. Ст. 20 // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 16; О внесении изменений в статью 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Ст. 2 // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

² Квалификация, хотя бы предварительная, необходима, в частности, для определения правомерности уголовного преследования и его вида, наличия обязанности его осуществлять (ст. 20, 21 УПК РФ).

щении информация о признаках преступления. Если решение об этом принимается без проверки, то как обеспечить законность такого решения?

При наличии указанных выше практик процессуальные действия, предназначенные для защиты общества от преступлений, могут использоваться не по назначению, а ресурсы полиции — расходоваться неэкономно.

Если же уголовное дело все-таки возбуждается, то проведение предшествующей этому длительной и трудоемкой доследственной проверки (нередко с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и его отменой, иногда неоднократно) означает, *во-первых*, выполнение сотрудниками правоохранительных органов двойной работы из-за дублирования собирания криминалистически значимой информации после возбуждения уголовного дела: получение объяснений граждан дублируется в форме производства допросов тех же лиц; требования производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов дублируются в форме назначения и производства судебных экспертиз и т. д. Причина в отсутствии доказательственного значения у объяснений, справок (актов) об исследовании и других материалов доследственной проверки.

В случаях, когда потерпевшие и свидетели являются несовершеннолетними, дублирование сходных по содержанию действий, по нашему мнению, противоречит современным гуманистическим идеям о максимальном ограничении личного участия детей в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения охраны их психического и физического здоровья, противоречит в том числе разработанной В. В. Николюком и А. Б. Судницыным Концепции одного допроса несовершеннолетнего потерпевшего [6]. В принятых резолюцией Экономического и Социального Совета ООН Руководящих принципах, касающихся правосудия в вопросах, связанных с участием детей — жертв и свидетелей преступлений, утверждается: дети, принимающие участие в процессе отправления правосудия, могут испытывать дополнительные трудности; вмешательство в личную жизнь ребенка должно ограничиваться требуемым минимумом при одновременном поддержании высоких стандартов сбора доказательств; следует сокращать число их опросов, заявлений и заслушиваний, и, в особенности, таких контактов с процессом отправления правосудия, которые не являются необходимыми¹.

¹ Руководящие принципы, касающиеся правосудия в вопросах, связанных с участием детей — жертв и свидетелей преступлений (приняты 22.07.2005 Резолюцией

Во-вторых, на практике решение о возбуждении уголовного дела часто принимается лишь в конце 10- или 30-суточного процессуального срока проверки, даже при наличии очевидных признаков преступления [3, с. 47]. Но в период доследственного производства существенно ограничен по сравнению с предварительным расследованием круг разрешенных следственных действий, применение мер пресечения невозможно. Поэтому многосуточное доследственное производство, как правило, означает и отказ от полноценного расследования преступления по горячим следам, от незамедлительного производства всех неотложных следственных действий, направленных на обнаружение и фиксацию следов преступления и доказательств, «требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования» (п. 19 ст. 5 УПК РФ). Такая практика негативно сказывается на эффективности досудебного производства и раскрываемости преступлений, препятствует защите прав и законных интересов потерпевших.

Таким образом, современная регламентация порядка доследственного производства и правоприменительная практика не вполне соответствуют правозащитному назначению и принципам уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ). Существующая правоприменительная практика не всегда способствует и позитивному отношению граждан к правоохранительным органам.

Изложенное говорит о необходимости изменения указанных регламентации и правоприменительной практики. Автор настоящей статьи предлагает для обсуждения следующий вариант:

а) проводить проверку каждого сообщения, но не путем собирания ненадежных и потому создающих риск ошибки дополнительных сведений², а путем исследования самого сообщения, приложенных к нему документов и других материалов (при их наличии); исследование должно прово-

2005/20 на 36-м пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/guidelines_justice_inv_child.shtml (дата обращения: 12.11.2023)).

² Ненадежность, например, объяснений обусловлена следующим: порядок получения объяснений в УПК РФ не регламентирован; объяснения не являются показаниями; если свидетель и потерпевший обязаны на допросе давать показания и не вправе давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний (п. 2 ч. 5 ст. 42, п. 2 ч. 6 ст. 56 УПК), то на опрашиваемом лице таких обязанностей не лежит; если свидетель или потерпевший несут уголовную ответственность за заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ), за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), то опрашиваемые лица такой ответственности не несут.

даться на предмет наличия или отсутствия в сообщении повода для возбуждения уголовного дела и признаков преступления (достаточных данных, указывающих на признаки преступления); в досудебном производстве производить следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия лишь в рамках предварительного расследования;

б) обеспечить быстрое начало предварительного расследования (при наличии повода и основания) путем замены в ст. 144 УПК РФ 3-, 10- и 30-суточных процессуальных сроков предписанием незамедлительно принимать любое сообщение о преступлении и начинать (если ложность этого сообщения неочевидна) предварительное расследование.

Одновременно необходимо предусмотреть в законе предписание органу дознания, дознавателю, следователю оформлять результаты рассмотрения любого обращения о нарушениях законодательства постановлением о признании обращения сообщением или о преступлении, или об административном правонарушении, или о происшествии. В этом постановлении целесообразно указывать содержание полученного обращения, сведения о том, куда, от кого и когда оно поступило; признаки вероятного нарушения, место, время и способ его совершения (если это известно), данные о пострадавших лицах (если они есть и известны); решение о предварительной квалификации деяния

и признании его преступлением (административным правонарушением, происшествием без признаков правонарушения). Копию постановления следует незамедлительно направлять заявителю и потерпевшему, разъяснять им право на обжалование данного решения, порядок обжалования. В законе следует также закрепить правило: непризнание полученного обращения сообщением о преступлении возможно только в случае достоверного установления одного из обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 24 УПК РФ [7].

Предлагаемый регламент в большей мере будет соответствовать правозащитному назначению и принципам уголовного судопроизводства, способствовать укреплению законности в досудебном производстве, в том числе за счет уменьшения количества незаконных процессуальных решений (об отказе в возбуждении уголовного дела и др.). Кроме того, предлагаемый регламент позволит: повысить эффективность досудебного производства благодаря быстрому реагированию на сообщения о преступлениях; исключить излишние доследственные проверки путем собирания дополнительных сведений и двойную работу (дублирование), за счет этого уменьшить трудоемкость досудебного производства; снизить суммарную служебную нагрузку на сотрудников, уменьшить риски, связанные с некомплектom личного состава.

1. Власова Н. А., Мусеибов А. Г. Правовая регламентация возбуждения уголовного дела: состояние, проблемы и перспективы // Научный портал МВД России. 2021. № 1. С. 65—72.

2. Овсянников И. В. О порядке рассмотрения сообщений о преступлениях // Современное право. 2021. № 10. С. 125—129.

3. Цоколова О. И., Безруков С. С., Куприянов Е. И. О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части отказа в возбуждении уголовного дела)» // Научный портал МВД России. 2018. № 3. С. 46—48.

4. Криминальная статистика: механизмы формирования, причины искажения, пути реформирования. Исследовательский отчет / М. Шклярук, Д. Скугаревский, А. Дмитриева, И. Скифский, И. Бегтин. Санкт-Петербург; Москва: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2015. 122 с.

5. Башинская И. Г. Проблемы правовой интерпретации деятельности полиции в части рас-

1. Vlasova N. A., Museibov A. G. Legal regulation of initiation of criminal proceedings: status, problems and prospects. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 65—72, 2021. (In Russ.).

2. Ovsyannikov I. V. On the order of consideration of crime reports. Modern Law, 125—129, 2021. (In Russ.).

3. Tsokolova O. I., Bezrukov S. S., Kupriyanov E. I. On the draft federal law "On Amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in terms of refusal to initiate criminal proceedings)". Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 46—48, 2018. (In Russ.).

4. Shklyaruk M., Skugarevsky D., Dmitrieva A., Skifsky I., Begtin I. Criminal statistics: mechanisms of formation, causes of distortion, ways of reforming. Research report. Saint Petersburg; Moscow: Norma, Center for Independent Social Research and Education; 2015: 122. (In Russ.).

5. Bashinskaya I. G. Problems of legal interpretation of police activity in terms of consideration

смотрения заявлений и сообщений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3. С. 33—37.

6. Николыук В. В., Судницын А. Б. Концепция одного допроса несовершеннолетнего потерпевшего // Научный портал МВД России. 2023. № 1. С. 90—97.

7. Овсянников И. В. Проблемы начального этапа досудебного производства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 184 с.

of statements and reports. Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA, 33—37, 2019. (In Russ.).

6. Nikolyuk V. V., Sudnitsyn A. B. Concept of one interrogation of a juvenile victim. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 90—97, 2023. (In Russ.).

7. Ovsyannikov I. V. Problems of the initial stage of pre-trial proceedings. A monograph. Moscow: Yurlitinform; 2020: 184. (In Russ.).

Овсянников Игорь Владимирович,

главный научный сотрудник
научно-исследовательского отдела
научного центра
Академии ФСИН России,
доктор юридических наук, доцент;
ivover@mail.ru

Ovsyannikov Igor Vladimirovich,

chief scientist of the research department
of the scientific center
of Academy of the FPS of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
ivover@mail.ru

Статья поступила в редакцию 05.12.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 05.12.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.1

doi: 10.25724/VAMVD.A223

**ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Роман Васильевич Павленков*, **Марина Сергеевна Колосович****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* volakdm@va-mvd.ru

** 270619@mail.ru

Аннотация. Интерес авторов статьи к транспарентности обусловлен дефицитом внимания ученых-процессуалистов к данной теме, повлекшим неполное ее раскрытие в уголовно-процессуальной науке, отсутствие необходимой и целенаправленной нормативной регламентации понятийного аппарата и элементов транспарентности, а в итоге недостаточную обеспеченность реализации прав участников уголовного судопроизводства. Представляется, что должная теоретическая разработанность этих вопросов и соответствующее изменение законодательства будут способствовать открытости деятельности властных субъектов уголовного процесса, а значит, их подконтрольности обществу в целом и участникам уголовного судопроизводства в частности.

В статье исследуются современные подходы к определению транспарентности и ее элементов в смежных отраслях права, раскрывается регламентация рассматриваемого явления в отечественном законодательстве. Такой подход позволил выявить и проанализировать указанные элементы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, а также предложить следующую классификацию транспарентности: для неограниченного круга лиц (внешнюю) и участников уголовного судопроизводства (внутреннюю).

Ключевые слова: открытость, транспарентность, обеспечение прав участников уголовного судопроизводства

Для цитирования: Павленков Р. В., Колосович М. С. Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 120—132. doi: 10.25724/VAMVD.A223

**TRANSPARENCY OF ACTIVITIES
OF AUTHORITY SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

Roman Vasilievich Pavlenkov*, **Marina Sergeevna Kolosovich****

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* volakdm@va-mvd.ru

** 270619@mail.ru

Abstract. The authors' interest in transparency is due to the deficit of procedural scientists' attention to this topic, which led to its incomplete demonstration in criminal procedure science, the absence of necessary and targeted normative regulation of the conceptual apparatus and transparency elements, and as a result, insufficient provision to realize the rights of participants in criminal proceedings. It seems that the proper theoretical development of these issues and the corresponding change in legislation will contribute to the openness of the activities of the authority subjects of the criminal process, that means their being controlled by society as a whole and by the participants in criminal proceedings in particular.

The article deals with modern approaches to determining transparency and its elements in related branches of law, demonstrates its regulation in domestic legislation. This approach made it possible to identify and analyze these elements in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as to propose

a classification of transparency for an unlimited number of persons (external one) and participants in criminal proceedings (internal one).

Keywords: openness, transparency, ensuring the rights of participants in criminal proceedings

For citation: Pavlenkov R. V., Kolosovich M. S. Transparency of activities of authority subjects of criminal proceedings. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 120—132, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A223

В последние десятилетия значение прозрачности возросло. Это стало для прогрессивного общества индикатором определения состояния демократии в стране, а также неотъемлемым компонентом эффективности деятельности государственных органов, к которым, в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 9 сентября 2009 г. № 8-ФЗ¹, отнесены органы государственной власти, органы государственной власти субъектов и иные государственные органы, образуемые в соответствии с законодательством России и ее субъектов.

Термин «прозрачность» обозначает прозрачность и ясность, понятность чего-либо, отсутствие секретности, доступность любой информации [1, с. 1339]. Его употребление правоведами можно встретить еще в XVIII в. Например, И. Бентамом он был применен при раскрытии вопросов ясности и прозрачности показаний, данных свидетелем на суде («la transparence») [2, с. 107].

Определение прозрачности как прозрачности, ясности какой-либо деятельности стало отправной точкой для исследований этого правового явления учеными различных отраслей права [3—6]. Данный термин нашел свое место в нормах международного и национального права, в общественно-политическом лексиконе и применялся в контексте открытости, прозрачности² государственной политики.

На современном этапе развития общественных отношений понятие прозрачности отождествляется с понятиями «информация» и «знание» [7], а также рассматривается как доступность информации и информационная открытость власти, позволяющая контролировать публичную деятельность государственных органов со стороны общества [8] и даже участвовать в управлении этой деятельностью [9].

В XX в. беспрепятственное получение информации вне зависимости от сферы жизнедеятельности и границ было закреплено в ч. 2 ст. 19 Всеобщей декларации прав человека³, провозгласившей право каждого на свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ. Право каждого получать, производить и распространять информацию наряду с правом на свободу слова и свободу СМИ закреплено в ст. 29 Конституции Российской Федерации.

Элементы прозрачности усматриваются и в других конституционных положениях, имеющих более предметную сферу реализации: право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды, а в случае допущения экологических нарушений — на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу (ст. 42); наказуемость сокрытия должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей (ч. 3 ст. 41); обеспечение каждому возможности ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, кроме случаев их правомерного ограничения (ч. 2 ст. 24).

Нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и ее размещению в сети Интернет, а также непредоставление должностным лицом либо предоставление неполной или заведомо ложной информации, затрагивающей права и свободы гражданина, являются наказуемыми деяниями. В первом случае ответственность регламентирована в ст. 13.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), во втором — в ст. 140 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: федер. закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Рос. газ. 2009. 13 февр. № 25.

² Лавров: в ОДКБ обеспокоены действиями НАТО в Афганистане. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3027112#> (дата обращения: 11.06.2023).

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2023).

Анализ международных соглашений (договоров), нормативных правовых актов России и зарубежных стран позволил сделать вывод, что независимо от отраслевой принадлежности законодатели в последние годы уделили значительное внимание вопросам транспарентности деятельности государственных органов (а в некоторых вопросах и внегосударственных юридических образований), требуя создания транспарентной среды (ст. 3 и 7 Кодекса надлежащей практики по обеспечению прозрачности в денежно-кредитной и финансовой политике, чч. I–IV Руководства по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере 2007 г.¹), т. е. среды, в которой предоставляется информация, имеющая общественный интерес на основе принципов полноты, понятности, доступности и своевременности (п. 8 ст. III, п. 9 ст. IV Лиссабонского документа 1996 г.²). Вместе с тем предоставляемая информация должна отвечать следующим требованиям:

1) четкость функций и обязанностей, т. е. открытая, точная и исчерпывающая нормативная регламентация структуры, функций и полномочий государственных органов;

2) открытость процессов, т. е. четкие процедуры осуществления деятельности, ее мониторинг и отчетность о ней;

3) доступность информации общественности, т. е. своевременное исчерпывающее информирование о прошлой, текущей и прогнозируемой на будущее деятельности соответствующих государственных органов и ее результатах;

4) гарантии достоверности, т. е. деятельность соответствующих государственных органов подлежит действенному внутреннему и внешнему контролю с одновременным обеспечением защитных механизмов.

Точная формулировка критериев и условий деятельности в нормативных правовых актах рассматривается в том числе как средство, способствующее проверке (контролю) правомерности деятельности государственных органов (п. 2.1 Рекомендации Коллегии Евразийской экономической

комиссии от 21.10.2014 № 14³), обеспечивающее ее стабильность, ясность (п. 48 Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации⁴) и понятность, а значит, недвусмысленность и предсказуемость.

Особую ценность требование о четкости нормативной регламентации процедур приобретает в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку, как справедливо отмечает М. П. Поляков, «тщательное соблюдение уголовно-процессуальной процедуры предполагает, таким образом, получение истинного результата», обеспечивая получение истинного знания о действительности [10]. Таким образом, доверие примененной процедуре презюмирует доверие полученным результатам.

Названные требования созвучны с принципами открытости федеральных органов исполнительной власти, к которым Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 1441-р⁵ отнесло:

1) информационную открытость, заключающуюся в своевременном предоставлении информации о деятельности федеральных органов исполнительной власти, доступ к которой специально не ограничен федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, которая является открытой, общедоступной и достоверной, в формате, удобном для ее поиска, обработки и дальнейшего использования, в том числе в форме открытых данных;

2) понятность, т. е. представление целей, задач, планов и результатов работы федеральных органов

³ О пояснениях по классификации субсидий в соответствии с Соглашением о единых правилах предоставления промышленных субсидий от 9 декабря 2010 года и положениями статьи 93 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года: рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 октября 2014 г. № 14. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.12.2023).

⁴ Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/vsemirnaa-torgovaa-organizacia-vto-/1689273/ (дата обращения: 09.12.2023).

⁵ Об утверждении плана реализации в 2014 году и в плановый период 2015 и 2016 годов государственной программы Российской Федерации «Информационное общество 2011—2020 годы»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 1441-р // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.12.2023).

¹ Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере 2007 г. URL: <http://www.imf.org/external> (дата обращения: 30.01.2022).

² Лиссабонский документ 1996 года. Декларация Лиссабонской встречи на высшем уровне. Лиссабонская декларация о модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.11.2023).

исполнительной власти в форме, обеспечивающей простое и доступное восприятие обществом информации об их деятельности;

3) подотчетность, т. е. раскрытие федеральными органами исполнительной власти информации о своей деятельности с учетом запросов и приоритетов гражданского общества, обеспечение возможности осуществления гражданами, общественными объединениями и предпринимательским сообществом контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти.

Отметим, что сравнительно недавно¹, апеллируя к некоторым решениям суда², было названо еще одно средство достижения транспарентности — документирование всех этапов и юридически значимых действий, выполняемых в процессе осуществления деятельности, позволяющее, по мнению авторов документа, обеспечить возможность реального общественного и государственного контроля за ней.

В уголовном судопроизводстве названное документирование является одной из основных составляющих деятельности должностных лиц правоохранительных органов, позволяющей сначала участникам процесса (пп. 10—13, 17 ч. 2 ст. 42, пп. 10—13, 17 ч. 4 ст. 47, ст. 216, 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ)), а затем и обществу (ч. 3 ст. 8.1, ст. 241 УПК РФ) самостоятельно удостовериться в правомерности проведенного расследования и судебного разбирательства, а при необходимости обжаловать действия в контролирующие и надзирающие государственные органы (ст. 125, 125.1, 127, 389.2, 401.1 и 412.1 УПК РФ). Протоколирование судебных заседаний с принципом прозрачности правосудия связывается и правозащитниками (п. 2.1 доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации³).

¹ Стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований (утв. Протоколом заседания проектного комитета по основному направлению стратегического развития Российской Федерации «Реформа контрольной и надзорной деятельности» от 12.09.2017 № 61(11)) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2017 г. № 09АП-4432/2017 по делу № А40-235632/16 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2023); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10.07.2017 № Ф05-8603/2017 по делу № А40-235632/2016 // Там же.

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 г. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents> (дата обращения: 11.12.2023).

Безусловно, сферы жизнедеятельности имеют свои особенности, накладывающие отпечаток на соответствующие отрасли права, регулирующие их. Не стали исключением и общественные отношения, возникшие в рамках уголовного судопроизводства, где в силу их исключительности транспарентность получила несколько иную нормативную регламентацию. С учетом того что правоохранительные органы являются элементом системы государственных органов, как и в других отраслях права, деятельность государственных органов в рамках уголовного судопроизводства должна быть ясна как общественности, так и участникам этих отношений. В целях реализации права на получение информации и обеспечения общественного контроля за функционированием системы уголовного правосудия шестым принципом Рекомендации Rec (2003) 13 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О предоставлении информации через средства массовой информации в отношении уголовного судопроизводства»⁴ предусмотрена обязанность полицейских служб и судебных органов информировать СМИ об уголовном судопроизводстве, представляющем общественный интерес или получившем особое внимание общественности, а также о соответствующих актах правоохранительных органов, однако в пределах, не наносящих ущерба тайне следствия, не создающих препятствий для судебного разбирательства и не нарушающих принципа неприкосновенности частной жизни.

Как правило, адресатом транспарентности называют общество, общественность, широкую общественность (например, в ст. 36 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ), граждан и организации (например, ст. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2003 г. № 98⁵), имея в виду а priori существующую потребность всех и каждого иметь адекватное представление о легитимности функционирования государственных

⁴ Rec (2003) 13 of the Committee of Ministers to member states on the provision of information through the media in relation to criminal proceedings (Adopted by the Committee of Ministers on 10 July 2003 at the 848th meeting of the Ministers' Deputies) // Council of Europe. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900016805df617 (date of reference: 11.02.2022).

⁵ Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти: постановление Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2003 г. № 98 // Рос. газ. 2003. 15 февр. № 30. (Документ утратил силу).

органов, т. е. безадресно, не конкретному лицу, а каждому, кто интересуется общественно значимой информацией.

Законодатель безразличен к причинам возникшего у лиц интереса к информации (профессиональный интерес; интерес потенциального участника соответствующих отношений; проявление лицом праздного любопытства и т. д.) (ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹).

Между тем значительное количество нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы прозрачности, отразили еще одну группу получателей информации: физических или юридических лиц (и даже государств), являющихся участниками, сторонами и / или правообладателями, — т. е. всех тех, чьи интересы непосредственно затрагиваются деятельностью государственных органов или нормативными правовыми актами, регламентирующими ее, поэтому специально наделенных правом получения информации (например, ст. 11 Руководства по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере²). В таких случаях законодатель, связывая прозрачность именно с отношениями между сторонами, требует точной и понятной информации (например, ст. 156 Принципов корпоративного управления для банков³).

Целью вышеперечисленного является предоставление названным лицам информации, необходимой для осуществления ими контроля и оценки результатов и эффективности деятельности (процесса) государственных органов для обеспечения высокого уровня ответственности ее исполнителей, а также в некоторой степени гарантирующее реализацию прав участников общественных отношений.

Таким образом, нормативно закрепленный принцип прозрачности в конкретной сфере обязует каждого участника, сторону придавать публичности

или делать для других участников общедоступной информацию, которая может повлиять на ход и результаты осуществляемой деятельности, реализацию прав и законных интересов ее участников, сторон и правообладателей.

Можно сделать вывод, что информирование имеет две направленности — внешнюю и внутреннюю, обуславливая дифференциацию прозрачности на два вида. К первому виду, названному нами прозрачностью для неограниченного круга лиц (внешней), отнесена реализация права получения информации о деятельности органов государственной власти каждым лицом без исключения, независимо от того, является оно участником общественных отношений или нет. Ко второму виду прозрачности для участников общественных отношений (внутренней), отнесена реализация права получения информации о деятельности органов государственной власти лишь определенной группой лиц, являющихся участниками общественных отношений, чьи непосредственные интересы затрагиваются или могут быть затронуты этой деятельностью, и в связи с этим наделенных правами и обремененных обязанностями, а также несущих риски и ответственность за нарушение прав или невыполнение обязанностей, обязательств или договоренностей.

Более того, прозрачность (и внешняя, и внутренняя) свойственна всем стадиям уголовного судопроизводства, в рамках которого и общество, и его участники должны быть информированы о действиях государственных правоохранительных и судебных органов, их должностных лиц в связи с осуществляемым расследованием, рассмотрением уголовного дела в суде и исполнением приговора, поскольку в сфере уголовно-процессуальных отношений они являются не только участниками процесса, но и частью системы органов государственной власти. Соответственно, озвученные характеристики прозрачности **должны** распространяться и на деятельность названных органов, т. е. властных субъектов уголовного судопроизводства.

В настоящий момент интенсивное развитие общественных отношений и демократических институтов страны воспитало у гражданского общества потребность в получении достоверной информации о деятельности государственных правоохранительных и судебных органов, их должностных лиц. Федеральные законы и ведомственные нормативные предписания обязывают обеспечить свободный доступ населению к данным:

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (ред. от 09.03.2016): федер. закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Парламентская газета. 2009. 13—19 февр. № 8.

² Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере 2007 г. URL: <http://www.imf.org/external> (дата обращения: 30.11.2023).

³ Руководство Базельского комитета по банковскому надзору «Принципы корпоративного управления для банков» (принято в г. Базеле в июле 2015 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.11.2023).

— о функциях, задачах, структуре, кадровом обеспечении, руководителях, полномочиях, месте расположения, госпрограммах, проектах и планах работы;

— правовых актах, регламентирующих их деятельность, статистических данных и аналитике, об уровне преступности и степени защищенности населения от противоправных посягательств, результатах и эффективности этой деятельности;

— фактах совершения конкретных преступлений, в производстве какого территориального органа находится уголовное дело, какое должностное лицо осуществляет расследование или судебное разбирательство, поддерживает государственное обвинение, кто подсудимый и потерпевший, дата и место судебного разбирательства, адрес его онлайн-транслирования, о вынесенных судом решениях и данных об их обжаловании и многое другое.

Приведенная информация, а соответственно, и транспарентность в уголовном судопроизводстве дифференцирована нами:

1) на общую информацию о государственных судебных и правоохранительных органах как органах государственной власти;

2) информацию о деятельности государственных судебных и правоохранительных органов по конкретному уголовному делу.

Благодаря транспарентности для неограниченного круга лиц (внешняя) потребность общества в такой информации удовлетворяется посредством (рис. 1—3):

— размещения в открытом доступе нормативных правовых актов (проектов), регламентирующих деятельность названных органов;

— систематического и оперативного обнародования данных в официальных печатных изданиях, на официальных веб-сайтах в сети Интернет;

— отчетов (очных выступлений) в законодательных (представительных) органах, перед собранием граждан;

— ответов на запросы граждан, организаций и СМИ, во время личного приема, при проведении мероприятий с участием граждан, по телефонам справочной службы;

— проведения информационно-разъяснительной работы в СМИ;

— обеспечения доступа к архивным фондам и электронным базам текстов судебных актов;

— оснащение помещений указанных органов и других общедоступных мест информационными

памятками, буклетами, письмами, плакатами, баннерами.

Значение предоставления указанных сведений трудно переоценить. Например, о легитимности деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства позволяет судить информация о том, каким правоохранительным органом возбуждено уголовное дело и каким должностным лицом осуществляется расследование или судебное разбирательство, каковы порядок судопроизводства и итоги этой деятельности.

Данные об образовании судьи, стаже работы, возрасте, биографии, отчеты о деятельности органов дисциплинарного типа и т. д. позволяют оценить его профессиональную квалификацию и деловой опыт, соответствие квалификационным требованиям, предъявляемым к занимаемой должности, объективность и беспристрастность осуществляемой деятельности по уголовному делу (рис. 4, 5).

Приведем еще один пример. Возникшие в средствах массовой информации сомнения в возможности принятия объективного и беспристрастного приговора судами Волгоградской области в отношении начальника Судебного департамента Волгоградской области В. Безродного¹, обвиненного в получении взятки, а позже — экс-главы Следственного комитета Волгоградской области М. Музраева, обвиненного в совершении террористического акта, злоупотреблении должностными полномочиями, а также в незаконном приобретении и хранении боеприпасов², способствовали тому, что в целях купирования неуверенности в справедливости правосудия в первом случае уголовное дело было передано на рассмотрение в суд Астраханской области, а во втором — в суд Ростовской области.

Информирование может также осуществляться следователем и дознавателем в рамках п. 2 ч. 4 ст. 161 УПК РФ. Более того, проведенное анкетирование¹ показало, что 47 % опрошенных следователей (дознавателей) и 89 % их руководителей

¹ Голубева Е. Как глава облсуда Николай Подкопаев покрывает шефа суддепартамента Безроднова, арестованного за взяточничество. URL: http://www.compromat.ru/page_36853.htm (дата обращения: 13.12.2023).

² Штурма Я. Серый генерал: за что экс-глава СК по Волгоградской области получил 20 лет. 22 марта 2023. URL: <https://iz.ru/1486897/iana-shturma/seryi-general-za-chto-eks-glava-sk-po-volgogradskoi-oblasti-poluchil-20-let> (дата обращения: 25.11.2023).

указали на систематичность информирования ими через СМИ населения не только о ходе расследования, но и о нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность по уголовному делу, квалификации содеянного, об уровне профессионализма привлеченных к расследованию специалистов и экспертов.

К сожалению, транспарентность для неограниченного круга лиц в отечественном УПК РФ регламентации фактически не получила. Исключением стала ст. 8.1, где в качестве принципа уголовного судопроизводства закреплена обязанность суда размещать на официальном сайте в сети Интернет информацию о поступивших внепроцессуальных обращениях по уголовным делам, находящихся в его производстве.

¹ Опрошено 1 004 сотрудника органов внутренних дел из 75 субъектов Российской Федерации. Из них: 431 следователь, 199 руководителей следственных органов, 225 дознавателей и 149 начальников подразделений дознания.

Между тем, например, в УПК ФРГ² закреплена обязанность федеральных земель и федерального генерального прокурора ФРГ ежегодно предоставлять в Интернете обзор о количестве уголовных производств, в рамках которых был осуществлен негласный контроль телекоммуникаций, о количестве вынесенных соответствующих постановлений и совершенных преступлений, для расследования которых была применена названная мера (§ 101b УПК ФРГ). А в УПК Швейцарии закреплено право прокуратуры и суда, а с их согласия — полиции, информировать население о предстоящем разбирательстве, случившейся аварии или совершенном преступлении в целях исправления неточных сообщений или опровержения слухов³.

² Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия // Сайт Федеративного министерства Федерального управления юстиции по вопросам правосудия. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/_101b.html (дата обращения: 17.11.2023).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19997> (дата обращения: 17.11.2023).

Рис. 1. Помещения территориальных органов внутренних дел, где размещена информация о структуре органа, сотрудниках, правах и обязанностях заявителя, пострадавшего, задержанного и т. д.

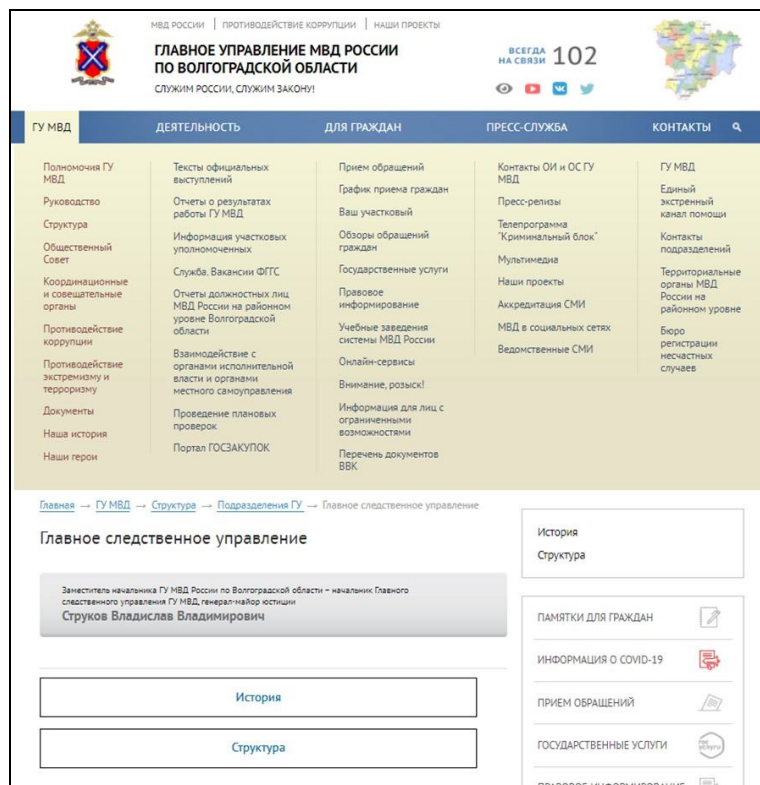

Рис. 2. Скриншот фрагмента сайта ГУ МВД России по Волгоградской области

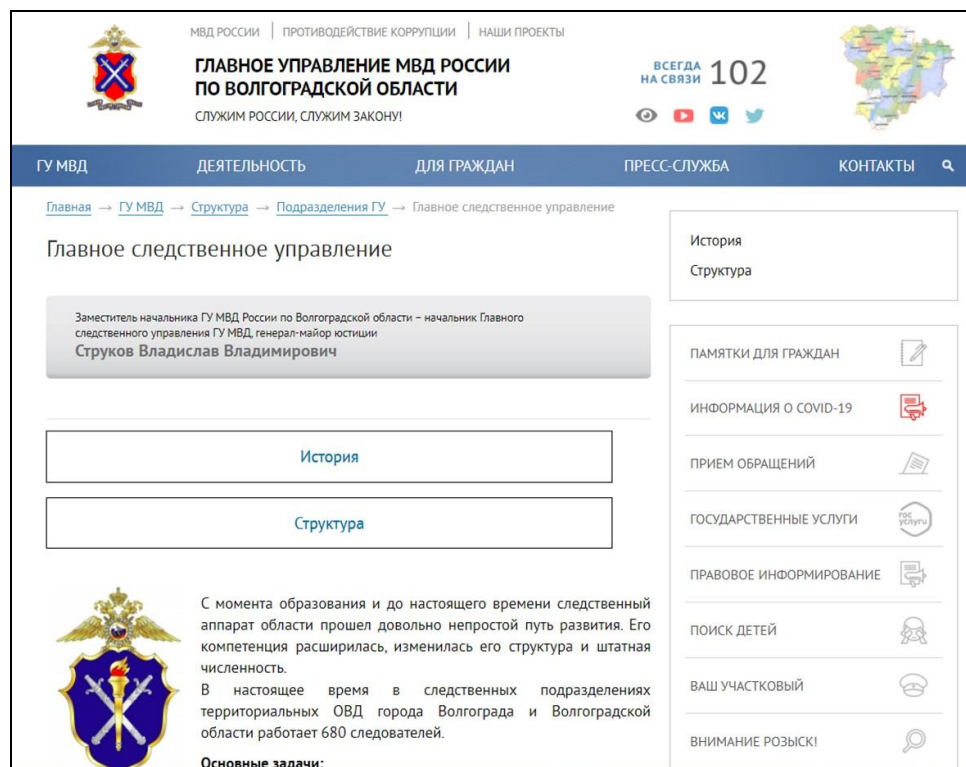

Рис. 3. Скриншот фрагмента сайта ФСБ ГУ МВД России по Волгоградской области

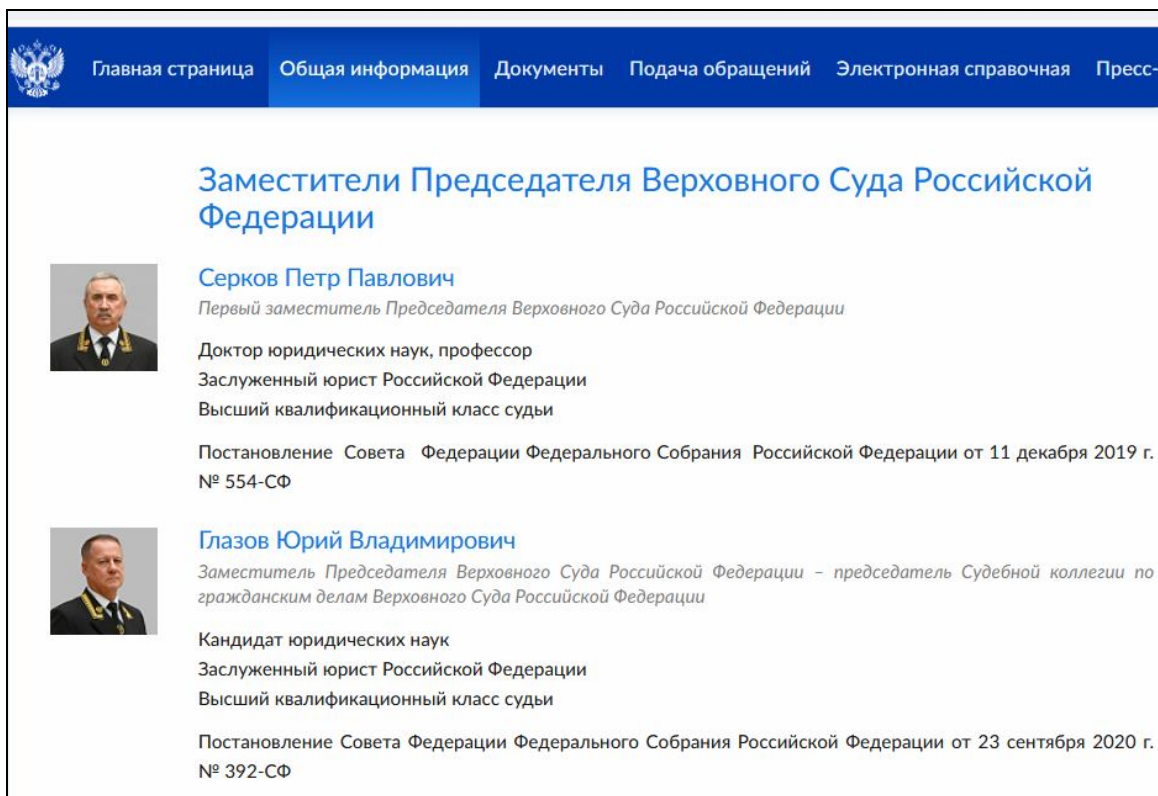

Рис. 5. Скриншот фрагмента официального сайта Верховного Суда Российской Федерации¹

Несколько иная ситуация складывается с транспарентностью для участников уголовного судопроизводства. Хотя прямого закрепления данный вид транспарентности в УПК РФ не получил, в его положениях четко прослеживаются требования законодателя о полноте, понятности, своевременности, доступности предоставления информации для участников процесса о деятельности должностных лиц государственных судебных и правоохранительных органов по уголовному делу, непосредственно затрагивающей их права и законные интересы, а также документировании. Для исполнения названных положений участники уголовного судопроизводства информируются посредством разъяснения, уведомления, извещения и объявления.

В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 11 УПК РФ, обязывающую разъяснять права, обязанности и ответственность каждому участнику уголовного судопроизводства, а также ч. 3 ст. 124 УПК РФ, регламентирующую уведомление о порядке обжалования принятых процессуальных решений.

О дате, времени и месте производства процессуальных действий извещаются участники следственных действий (п. 1 ч. 3 ст. 166, ч. 1 ст. 188 УПК РФ) и судебного разбирательства (ч. 2 ст. 228, ч. 2 ст. 389.11 УПК РФ), о дне предъявления обвинения — обвиняемый (ч. 2—4 ст. 172 УПК РФ).

Подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему объявляется состав следственной группы (ч. 2 ст. 163, ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ); сторонам процесса и присутствующим в зале судебного заседания объявляется состав суда, представляются участники судебного разбирательства (ч. 1 ст. 266, ч. 2 ст. 389.13 УПК РФ).

Между тем указанные разъяснения, уведомления, извещения и объявления неспособны в полной мере реализовать право участников уголовного судопроизводства на получение информации, поскольку в ней нет смысла, если она написана непонятным для них языком, а из их содержания не очевидна правомерность принятого решения. В связи с этим еще одним важным средством

¹ Заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrp.ru/about/structure/?section=supreme&subsection=220> (дата обращения: 20.10.2023).

реализации транспарентности для участников уголовного судопроизводства является обязанность не только донести информацию, но и сделать ее доступной для получателя.

Так, лицо, в производстве которого находится уголовное дело, должно выяснить у подсудимого, понятны ли ему обвинение (ч. 2 ст. 273 УПК РФ) и вопросы (ч. 8 ст. 339 УПК РФ), нормы права, относящиеся к уголовному делу, и порядок их осуществления, понятен ли смысл оглашенных в суде документов и содержащихся в них вопросов и понятий (п. 2 ч. 1 ст. 333, ч. 5 ст. 338, ч. 2 ст. 243, ст. 344 УПК РФ).

Реализация принципа понятности усматривается и в требовании законодателя о разъяснении в постановлении или определении оснований и мотивов принятого решения, их обоснованности (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

К средству обеспечения транспарентности для участников уголовного судопроизводства относим своевременность информирования (например, участника следственного или судебного действия о характере предстоящего мероприятия, дате, времени и месте производства, процессуальном статусе самого участника, а также о последствиях неявки (чч. 2—4 ст. 172, ч. 1 ст. 188, ст. 267—270, ч. 2 ст. 278 УПК РФ)).

Особое место в системе правообеспечительных мер уголовного судопроизводства занимает требование законодателя об информировании участников процесса о должности, фамилии и инициалах лица, производящего процессуальное действие (например, лица, принявшего заявление о правонарушении (ч. 3 ст. 141 УПК РФ), составившего протокол (п. 2 ч. 3 ст. 166 УПК РФ), принявшего процессуальное решение (п. 2 ч. 2 ст. 171, п. 2 ч. 2 ст. 212, п. 2 ч. 2 ст. 223.1 УПК РФ) или осуществляющего производство судебной экспертизы (п. 4 ч. 1 ст. 204 УПК РФ), и т. д.).

Предоставление указанной информации способствует реализации права участников процесса на обжалование действий и решений должностного лица, заявление ему отвода, а также препятствует повторному участию в деле судьи.

Еще одним важным средством обеспечения внутренней транспарентности является ознакомление с материалами уголовного дела. Вручение или направление копии процессуального решения служит механизмом информирования участников о ходе уголовного судопроизводства. Более того, ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации

четко указывает на обязанность должностных лиц государственных органов предоставлять каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Полагаем, что материалы уголовного дела, где зафиксированы процессуальные решения и доказательства вины или невиновности, имеют непосредственное отношение к правам и свободам участников уголовного судопроизводства, соответственно, они наделяются правом ознакомления с материалами уголовного дела, однако в зависимости от их процессуального статуса.

Между тем реализация названных положений невозможна без другого средства транспарентности — документирования всех этапов и юридически значимых действий, выполняемых в процессе осуществления правоохранительными органами деятельности. Принимаемое должностным лицом в пределах его полномочий процессуальное решение оформляется, в соответствии с ч. 2 ст. 474, ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ, в виде постановления или определения на бланках в письменном и (или) электронном виде (например, ч. 1 ст. 42, ч. 1 ст. 44, ч. 2 ст. 186, ч. 2 ст. 227, ч. 2 ст. 236 УПК РФ).

В соответствии с требованиями УПК РФ документированию подлежит и сама деятельность, осуществляемая в ходе следственных и судебных действий на всех стадиях уголовного судопроизводства, посредством составления протокола и прилагающихся к нему результатов фиксирования стенографированием, фотографированием, киносъемкой, аудио- и видеозаписью (ч. 9 ст. 234, ч. 3 ст. 243, ч. 1 ст. 245, ч. 3 ст. 256, ст. 259 и др.).

В ходе предварительного расследования правом ознакомления с протоколом следственного действия непосредственно после его окончания наделен каждый его участник (ч. 6 ст. 166 УПК РФ), а по окончании расследования со всеми материалами уголовного дела, в том числе с протоколами, вправе ознакомиться стороны процесса (ст. 216 и 217 УПК РФ). В судебных стадиях ознакомление сторон процесса с протоколом судебного заседания, получение его копии и право подачи замечаний на его содержание также получили процессуальную регламентацию (чч. 6—8 ст. 259, ст. 260 УПК РФ).

В завершение отметим, что рассмотренные элементы транспарентности получили нормативную регламентацию на всех стадиях уголовного судопроизводства, а невыполнение названных

предписаний может привести к отмене любого решения следователя (дознателя) или суда. Принимая во внимание сказанное, представляется дальновидным замечание М. Т. Аширбековой [11],

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.

2. Bentham J. Traite des preuves judiciaires. Paris: Bossange Freres, Libraires-Editeurs, 1823. 444 p.

3. Гунин Д. И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 174 с.

4. Полиева О. М. Гласность и информационная открытость в деятельности судов общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 28 с.

5. Тарасов А. А. Транспарентность правосудия — важный признак правового государства // Правовое государство: теория и практика. Общественно-политический и научно-правовой журнал. 2013. № 4 (34). С. 15—20.

6. Schill S. Transparency as a global norm in International investment law // Kluwer Arbitration Blog. 2014. 15 September. URL: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2014/09/15/transparency-as-a-global-norm-in-international-investment-law/?print=pdf> (date of reference: 05.02.2022).

7. Кармазина Е. В. Современная персонализация свободы // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 2 (24). С. 94—103.

8. Ковалева Е. В. Обеспечение транспарентности органов местного самоуправления современной России в процессе информатизации политического управления: дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2010. 222 с.

9. Талапина Э. В. Модернизация государственного управления в информационном обществе: информационно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 469 с.

10. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. 442 с.

11. Аширбекова М. Т. Принципы уголовного судопроизводства: их существенные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. В. Гриненко. Москва: МГИМО МИД России, 2016. С. 69—74.

указавшей на основополагающую идею транспарентности как на сущностную черту, способную, дозрев до правового оформления, пополнить собой систему принципов уголовного процесса.

1. Large explanatory dictionary of the Russian language. Chief ed. is S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint; 2000: 1536 (In Russ.).

2. Bentham J. Traite des preuves judiciaires. Paris: Bossange Freres, Libraires-Editeurs; 1823: 444. (In French).

3. Gunin D. I. Transparency and secrecy of information: legal and theoretical aspect. Dissertation of candidate of juridical sciences. Yekaterinburg; 2008: 174. (In Russ.).

4. Polieva O. M. Glasnost and information openness in the activities of courts of general jurisdiction. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2014, 28. (In Russ.).

5. Tarasov A. A. Transparency of justice is an important mark of the law-governed state. Law-governed state: theory and practice. Socio-political and scientific and legal journal, 15—20, 2013. (In Russ.).

6. Schill S. Transparency as a global norm in International investment law. In: Kluwer Arbitration Blog, 15 September 2014. Available from: <http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2014/09/15/transparency-as-a-global-norm-in-international-investment-law/?print=pdf>. Accessed: 5 February 2022. (In Eng.).

7. Karmazina Ye. V. Modern personalization of freedom. Ideas and ideals, 94—103, 2015. (In Russ.).

8. Kovaleva Ye. V. Ensuring transparency of local self-government bodies of modern Russia in the process of informatization of political management. Dissertation of candidate of political sciences. Saratov; 2010: 222. (In Russ.).

9. Talapina E. V. Modernization of public / state administration in the information society: information and legal research. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2015: 469. (In Russ.).

10. Polyakov M. P. Criminal procedural interpretation of the results of detective activities. Dissertation of doctor of juridical sciences. Nizhny Novgorod; 2002: 442. (In Russ.).

11. Ashirbekova M. T. Principles of criminal proceedings: their essential features, properties and system. In: Criminal proceedings: modern state and main directions of improvement. Collection of materials of international scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of doctor of juridical sciences, professor A. V. Grinenko. Moscow: MGIMO University; 2016: 69—74. (In Russ.).

Павленков Роман Васильевич,
начальник
Волгоградской академии МВД России,
кандидат экономических наук, доцент;
volakdm@va-mvd.ru

Pavlenkov Roman Vasilievich,
chief of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of economic sciences, docent;
volakdm@va-mvd.ru

Колосович Марина Сергеевна,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
270619@mail.ru

Kolosovich Marina Sergeyevna,
professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
270619@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 22.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 22.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.1

doi: 10.25724/VAMVD.A224

**ОТЛИЧИЕ ФОРМАЛЬНОЙ ЛОГИКИ ОТ ДИАЛЕКТИКИ
И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС****Геннадий Алексеевич Печников**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, pechnikov_ga@yandex.ru

Аннотация. Автор обосновывает действительное существование материалистической диалектики как объективной закономерности, законы, логику которой необходимо учитывать всегда и в теории, и на практике, и в уголовном процессе. Ядро диалектики составляет закон единства и борьбы противоположностей. Противоречия — корень всякого движения и жизненности.

В статье диалектика четко противопоставляется формальной логике. Это две разные логики. Первая основана на диалектическом противоречии, вторая не допускает противоречия в силу основополагающего закона формальной логики — закона тождества « $A = A$ », означающего запрет противоречия.

Формальная логика — это логика формы, не приемлющей содержания и объективной истины. Диалектика же исходит из органической взаимосвязи формы и содержания и всегда ориентирована на объективную истину. Обе названные логики важны, у каждой из них своя сфера применения. Нельзя идеализировать формальную логику как единственно существующую правильную логику, как абсолютный «закон мышления» и на этом основании отвергать само существование диалектики или мыслить диалектику всего лишь как фрагмент, раздел обычной формальной логики.

Именно такую идею приводит в своих теоретических изысканиях известный логик А. А. Ивин, позиция которого критикуется в статье.

Далее утверждается, что действующий состязательный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в котором процессуальная форма имеет приоритет над задачей установления фактических обстоятельств дела (состязательная процессуальная форма — самоцель судопроизводства), не соответствует научным требованиям диалектики, так как, по сути, состязательный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации основан на формально-логической тавтологии закона тождества: «форма для формы», «состязание для состязания» — победа за сильнейшим.

По делу устанавливается формально-юридическая истина. Такой процесс отличает релятивизм — все относительно, поскольку отличие в нем виновного от невиновного не объективно-истинное, а состязательное (выигрышно-проигрышное), ведь кто сильнее, тот и прав.

По мнению автора статьи, объективно-истинная модель уголовного процесса — это более высокий тип судопроизводства, чем современный состязательный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с его правом и справедливостью сильного, и диалектика не терпит и не может потерпеть краха, поскольку как объективная закономерность она вечна и действие ее законов непреложно.

Ключевые слова: формальная логика, формально-логические законы, закон тождества, тавтология, запрет противоречий, формальная (юридическая) истина, форма, содержание, материалистическая диалектика, объективная закономерность, единство и борьба противоположностей, диалектическое противоречие, диалектическая логика, объективная истина, софисты, «человек — мера всех вещей», софистические уловки, состязательный уголовный процесс (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации), цель, средства, «форма для формы», «состязание для состязания», объективно-истинная модель уголовного судопроизводства

Для цитирования: Печников Г. А. Отличие формальной логики от диалектики и уголовный процесс // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 133—139. doi: 10.25724/VAMVD.A224

**THE ISSUE OF DIFFERING FORMAL LOGICS
FROM DIALECTICS AND CRIMINAL PROCEDURE**

Gennadiy Alexeevich Pechnikov

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

Abstract: The author proves the true existence of materialistic dialectics as a reasonable rule with laws and logic being always necessary to take into account both in theory and practice of criminal procedure. The essence of dialectics is the law of the unity and conflict of opposites. Conflict is the basis of any activity or vitality.

The article strictly opposes dialectics to formal logic, both being different kinds of logic. The former is based on dialectics contradictions whereas the latter does not imply contradictions due to the fundamental law of formal logic, the law of identity "A = A" thus prohibiting any contradiction.

Formal logic is the logic of form excluding content and objective truth. Dialectics, however, relies on natural interconnection of form and content and is always directed to objective truth. Both the above mentioned logics are important and have their unique range of use. Formal logic cannot be treated as the only existing true logic and the supreme "law of thought" thus rejecting the existence of dialectics or regarding dialectics as a mere fragment, a section of common formal logic.

This very idea is being developed by a well-known logician A. A. Ivina in his theoretical search, whose standpoint is discredited in the article.

Further the paper states that the existing adversarial Criminal Procedure Code of the Russian Federation, prioritising the procedural form over the aim of establishing the factual circumstances of the case (adversarial procedural form being the final aim of legal proceedings), does not comply with the dialectics scientific requirements, as in fact the adversarial Criminal Procedure Code of the Russian Federation rests on the formal logic tautology of the law of identity "a form for a form", "a competition for a competition" therefore bringing the victory to the strongest.

The formally legal truth is established as the result of the case investigation. The core issue of the process is relativism: everything is relative, hence the difference between the guilty and the innocent is not rooted in the objective truth but the competition (win-lose), as a result the winner is right.

In the author's opinion, the criminal procedure objective model based on the objective truth is a higher type of legal proceedings than the contemporary adversarial Criminal Procedure Code of the Russian Federation promoting the justice and right of the strongest, therefore dialectics has never been and will never be defeated being an eternal and indisputable objective law.

Keywords: formal logic, formal logic laws, the law of identity, tautology, contradiction ban, formal (legal) truth, form, content, materialistic dialectics, objective law, the law of the unity and conflict of opposites, dialectic contradiction, dialectic logic, objective truth, sophists, "Man is the measure of all things", sophistic tricks, adversarial criminal procedure (the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), aim, means, "a form for a form", "a competition for a competition", criminal procedure model based on the objective truth

For citation: Pechnikov G. A. The issue of differing formal logics from dialectics and criminal procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 133—139, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A224

Нельзя мерить диалектику (диалектическое противоречие, диалектическую логику) законами формальной логики, поскольку это совершенно разные законы, разные виды логик. Ведь формальная логика — это логика лишь одной формы, отвергающей действительное содержание.

Формальной логикой называется наука, которая изучает только формы мышления, интересуется только формальной связью и последовательностью наших мыслей и заключений, не касаясь их правильности, фактически отвлекаясь от их соответствия действительности [1].

Известны четыре закона формальной логики. Первые три закона (тождества, противоречия, исключенного третьего) тождественны между собой и, по существу, в разных вариантах выражают одно и то же, все тот же закон *тождества*: «A = A», или «A есть A». Этот закон тавтологичен, он не допускает противоречия (запрет противоречия). Примеры: Солнце есть Солнце, человек есть человек, Сократ есть Сократ и т. д. Предмет тождественен с самим собой.

Второй основной закон формальной логики — закон противоречия — формулируется так: каждый

объект мысли не может не быть самим собой. Из этой формулировки видно, что это тот же самый закон тождества, но только выраженный в отрицательной форме: «А не есть не А».

Допустим, что А означает: эта роза белая. Следовательно, не-А означает: роза не белая. Роза не может быть одновременно и белая и не белая, и наоборот. Отсюда правило: два противоречащих суждения не могут быть оба истинными; одно из них обязательно будет ложным.

Третий закон формальной логики — *закон исключенного третьего*: если одно суждение утверждает то, что другое суждение отрицает, то истинным будет только одно из этих суждений, а не какое-то третье — «третьего не дано» (*tertium non datur*): А есть или В, или не-В.

Примеры применения этого закона: данная вещь либо деревянная, либо не деревянная; этот человек или умный, или неумный; обвиняемый либо виновен, либо невиновен; одно из этих утверждений будет верным, и именно одно из них, а не какое-либо третье.

Эти три закона формальной логики говорят только о форме, в которой протекает мышление, они говорят только о формальной правильности, но ничего не говорят о правильности наших мыслей, наших утверждений по существу, т. е. они не говорят об их соответствии объективной действительности.

Четвертый закон формальной логики — *достаточного основания* — в известной степени также имеет формальный характер, потому что он утверждает, что наши мысли, наши утверждения должны быть обоснованы, но какое основание в каждом отдельном случае является достаточным или недостаточным, этого закон достаточного основания определить не может [2].

Все законы формальной элементарной логики относятся к явлениям, вещам и событиям как к чему-то неизменному, неподвижному, непротиворечивому. Противоречия в формальной логике исключаются, они недопустимы.

Совсем другое дело материалистическая диалектика — объективная закономерность. Для диалектики окружающий нас мир непрерывно движется и развивается в единстве и борьбе противоположностей. «Развитие есть борьба противоположностей» [3, с. 317].

Тождество противоположностей — это закон объективного мира и закон познания. Противоречия — корень всякого движения и жизненности.

С нашей точки зрения, диалектика обладает всеобщностью и универсальностью, действие ее непреложно, и все ею пронизано. Диалектика находит

свое подтверждение на каждом шагу. Как пишет русский философ А. Ф. Лосев: «Известно, что абсолютное существует, ибо без него невозможно относительное. Допустим, что все относительно. Но это будет значить только то, что у нас абсолютизируется сама эта относительность. И вообще, как белое невозможно без черного, высокое без низкого, правое без левого, точно так же и относительное без абсолютного и абсолютное без относительного» [4, с. 77].

Общие законы мира, тождество бытия и мышления. И практика подтверждает диалектический характер развития мира и человеческого мышления. «Всему познанию человека вообще свойственна диалектика» [3, с. 321].

Логика, теория познания и диалектика для философии диалектического материализма является одним тем же, так что здесь «не надо трех слов: это одно и то же» [3, с. 301].

В основе диалектики лежит диалектическое противоречие, выражаемое формулой «А и не-А». Формальная логика, напротив, исходит из запрета противоречия, выражаемого тавтологической формулой «А = А». Диалектика и формальная логика — это две разные логики, они являют собой противоположности.

Диалектика запрещает стирать различия между противоположностями. Например, между добром и злом, материей и сознанием, белым и черным, а равно между формальной логикой и диалектической логикой. Каждая из названных логик хороша на своем месте, у каждой из них своя сфера применения.

В этом плане, подходя диалектически, мы не можем согласиться с такими утверждениями приверженца формальной логики профессора А. А. Ивина: «В сущности, Гегель так и не прояснил для себя вопрос, можно ли согласовать учение о диалектическом противоречии с логическим требованием непротиворечивости (рационального) мышления... Утвердилась мысль, что формальная логика исследует такие нормативные требования, согласно которым строится любое научное рассуждение и соблюдение которых является необходимым признаком культуры мышления. Формальная логика подчинена принципам диалектики как своему философско-методическому основанию. Вместе с тем диалектика как логика неукоснительно подчинена всем принципам формальной логики. Эти „сложные диалектические соотношения“ диалектической и формальной логики совершенно не ясны. Но уже то, что стороннику диалектики предписывается рассуждать, не нарушая законов формальной логики,

говорит о заметном ослаблении диалектического мышления и даже его кризисе» [5, с. 176].

Возникает вопрос: как можно совместить, согласовать, по сути, стереть различие между диалектическим противоречием и формально логическим запретом противоречия? Ведь это совершенно разные вещи, разные логики.

Фактически, как представляется, теоретическая позиция А. А. Ивина направлена на то, чтобы лишить материалистическую диалектику как объективную закономерность и как науку права на самостоятельное существование, подчинить ее формальной логике.

А. А. Ивин стремится показать, что диалектика не выходит за пределы формальной логики, а значит, ее (диалектики) как таковой нет, не существует вовсе. «Логика Гегеля, — пишет А. А. Ивин, — открытая средневековыми философами, является одним из фрагментов формальной логики» [5, с. 118].

Ту же самую мысль, лишаящую диалектику всякой самостоятельности и подчиняющую ее формальной логике, А. А. Ивин выражает так: «„Логика Гегеля“, являясь одной из довольно необычных систем формальной логики, предполагавшейся чисто интуитивно, но никогда не сформулированной явно. „Формальной“ в том смысле, какой придавал этому слову И. Кант, преподававший логику в Кенигсбергском университете, введший сам термин „формальная логика“ и попытавшийся развить новую, не формальную, а содержательную (трансцендентальную) логику. Формальная логика, как первым указал на это Аристотель и в чем поддержал его спустя тысячелетия Кант, выдвигает в качестве своего основного принципа положение, что логическая правильность рассуждения зависит только от его формы, но не от его содержания. Трансцендентальная логика Канта и диалектическая логика Гегеля замышлялись как некие содержательные логики. Именно на этом основании они прямо противопоставлялись их авторами формальной логике. Это была, конечно, грубая ошибка. Никакой „содержательной логики“ не существует: это была бы внутренне противоречивая „содержательная формальная логика“» [5, с. 117—118].

Отсюда следует, что А. А. Ивин идеализирует, абсолютизирует формальную логику и тем самым отрицает диалектику.

Нельзя согласиться и с утверждением А. А. Ивина о том, что «диалектически правильное мышление должно опираться на свою специфическую логику. И это логика должна быть формальной» [5, с. 208].

Выходит, своей-то диалектической логики у «диалектически правильного мышления» нет, а существует лишь единственная в мире и единственно правильная формальная логика, т. е. логика внешней формы. Но это не так. Формальная логика должна быть поставлена на свое место как наука о необходимых, простейших свойствах мысли, поэтому должна быть отвергнута всякая попытка рассматривать ее как единственную и всеобъемлющую науку о методах мышления и познания, т. е. должно быть четко определено положение формальной логики по отношению к материалистической диалектике [6].

Крупный философ-диалектик Э. В. Ильенков обоснованно исходил из того, что «какой-либо иной логики, могущей выступать наряду с диалектикой, составлять ее „дополнение“ или конкурировать с ней в борьбе за умы ученых, не существует, в силу того обстоятельства, что диалектическое понимание мышления (Логика с большой буквы) в составе своей концепции включает, на правах частных, все те „рациональные зерна“, которые старая чисто формальная логика в себе содержала, но придавала им абсолютно непререкаемое значение „законов мышления“» [7, с. 132].

Характерно также высказывание Г. В. Плеханова о том, что «как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики... есть частный случай диалектического мышления» [8, с. 81]. Действительно, формальная логика «схватывает» вещи в состоянии покоя, диалектическая же — в движении.

По нашему мнению, идеализировать формальную логику — значит основываться, как древнегреческие софисты, на том, что «человек — мера всех вещей», и дальше этого не идти. Следовательно, не признавать существование независимых от человека и человечества объективных диалектических закономерностей, признавать одно субъективное и отрицать объективное, отвергать объективную истину. В своем учении софисты обосновывали лишь субъективность и относительность всякого знания и истины, что неизбежно приводит к позициям субъективизма и релятивизма в познании.

А. А. Ивин совершенно точно выражает сущность формальной логики, когда подчеркивает, «что в основном принципе логики, согласно которому правильность человеческого мышления зависит только от его формы, не фигурирует понятие истины, правильность рассуждения не зависит от того, являются его посылки истинными или ложными» [5, с. 174].

Следовательно, формальная логика безразлична к объективной истине. Диалектика же, наоборот, неразрывно связана с объективной истиной, а объективная истина — с диалектикой.

С позиции диалектики, если есть день, то есть и ночь; если есть добро, то есть и зло; если есть действие, то есть и противодействие, если есть субъективное, то есть и объективное; если есть истина, то есть и заблуждение; если имеется явление, то есть и сущность; если есть логика (логика формы, оторванная от фактического содержания), то есть и диалектическая логика (диалектика), для которой форма органично связана с содержанием, что выражается диалектической формулой «Форма содержательна, содержание оформлено».

Безусловно, формальная логика с ее элементарными правилами значима в известных пределах — формализованных, однако по-настоящему форма приобретает свою подлинную ценность, если она диалектически связана со своим содержанием. Как отмечал К. Маркс, «форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания» [9, с. 159].

Формы, если рассматривать их как формы, отличные от содержания и лишь внешние по отношению к нему (например, закон тождества « $A = A$ »), не способны охватить истину. В то же время несправедливо забывать, что категории формальной логики в познании имеют свою область, где они должны сохранять свое значение, но, как «безразличные формы», они могут быть «орудиями ошибки и софистики», не истины. К мысленному рассмотрению должны быть привлечены не только «внешняя форма», но и «содержание» [3].

А это уже диалектика, принципиально отличная от формальной логики. Ведь форма и содержание — это диалектические противоположности, взятые в их гармоничном единстве. Раздвоение единого и познание противоречивых частей его есть суть диалектики.

Именно такой формы, неразрывно связанной с содержанием, требует диалектика и от уголовного процесса. В этом залог, гарантия его подлинной научности, а значит и объективности, т. е. чтобы он был процессом с объективной истиной (объективно-истинным уголовным процессом).

Однако современный российский уголовный процесс — это процесс состязательного типа, скопированный у Америки, в котором государство на равных противостоит личности в их правовом конфликте, самостоятельная состязательность отрицает объективную истину и состязательная форма превалирует над фактическим содержанием, по сути, оторвана от него.

Состязательный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ), как отмечено в юридической литературе, исходит из «приоритетности установленной законом процедуры по сравнению с задачей установления фактических обстоятельств дела» [10, с. 8—9].

С нашей точки зрения, действующий УПК РФ отвечает требованиям формальной логики, а не материалистической диалектики. По существу он являет собой сколок формальной логики с ее основополагающим тавтологическим законом тождества « $A = A$ », не допускающим противоречия, где форма самоценна, а содержание отвергается вместе с объективной истиной. В состязательном УПК РФ форма первенствует над содержанием, она самодостаточна, самоценна, важна сама по себе. По уголовному делу устанавливается формальная (юридическая) истина («истина победителя состязания сторон»), а объективная истина не приемлется, равно как не приемлется и материалистическая диалектика.

Как представляется, состязательный уголовный процесс построен на тавтологии «форма для формы», «состязание для состязания», состязательность самоцель, кто сильнее в состязательном поединке сторон — тот и прав. Прав как сильный, как победитель, а не как в действительности правый.

С позиции диалектики процессуальная форма не должна замыкаться на себя, не должна быть самоцелью (как состязательная процессуальная форма в УПК РФ), а должна, как необходимое средство, служить достижению высокой цели, обязательно отличной от формы, возвышающейся над формой-средством. Однако в состязательном процессе (УПК РФ) цель и средства, по сути, слились, отождествились, различие между названными противоположностями исчезло.

В результате состязательность (т. е. средство) стала самоцелью всего уголовного судопроизводства, что не научно, поскольку не диалектично.

В том-то и дело, что состязательный уголовный процесс (УПК РФ) не выходит за пределы формально-логической тавтологии «форма для формы», «состязание для состязания», позволяющей выявить сильнейшего в поединке сторон, а не объективную истину, т. е. то, что имело место в действительности.

Из части 2 статьи 16 УПК РФ следует, что подозреваемый и обвиняемый могут защищаться всеми не запрещенными законом (настоящим Кодексом) способами и средствами. А ведь закон софистику не запрещает. Следовательно, можно добиваться

победы над своим процессуальным противником с помощью софистики, например путем «подмены понятия», «введения в заблуждение» или иными софистическими уловками. Неважно при этом, прав ли по существу спорящий или не прав. Важна сама победа в правовом споре (конфликте) сторон.

Именно так и подходили к сути дела древнегреческие софисты, обучавшие искусству спора (эристике), «искусству выигрыша дела». Состязательный УПК РФ отличает, на наш взгляд, релятивизм: все относительно, условно, абсолютных ценностей нет. Отличие виновного от невинного в таком процессе не объективно-истинное, а состязательно-выигрышное.

Не случайно такому релятивизму вполне созвучна теоретическая позиция известных ученых Нижегородской школы процессуалистов А. С. Александрова и В. В. Терехина: «Новая состязательная теория судебных доказательств — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации. Нет истины (объективной). Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилom их является человек. ...Правосудие — это игра, его значимость и социальная ценность в самой игре, ее организации. ...„Истинными“ должны быть порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду надо стремиться не к тому, чтобы познать

„объективную истину“, а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует» [11, с. 12—13].

Из подобной абсолютизации формы исходит и формальная логика, для которой все заключено в самой форме.

Считаем, что настоящим воплощением диалектики, т. е. подлинно научным подходом может быть только объективно-истинная модель уголовного процесса как более высокий и справедливый тип уголовного судопроизводства по сравнению с состязательным уголовным процессом (УПК РФ), утверждающим право и справедливость сильного.

Как представляется, лишь исходя из материалистической диалектики, можно по-настоящему точно понять сущность формальной логики, равнодушной к объективной истине, и сущность действующего состязательного УПК РФ, тяготеющего к формально-логической тавтологии «А = А» — «состязание для состязания».

Сама материалистическая диалектика никоим образом не терпит и не может никогда потерпеть краха, поскольку она вечна как объективная закономерность, не имеет ни начала, ни конца. И ее непреложные правила и логику необходимо учитывать всегда и везде, и в теории и на практике. Движение (а это диалектика) остановить невозможно, оно вечно.

1. Строгович М. С. Лекции по курсу логики. Тема I. Предмет, метод и система науки логики. Москва: Тип. ВЮА РККА, 1941. 19 с.

2. Строгович М. С. Лекции по курсу логики. Тема II. Основные законы логического мышления. Москва: Тип. ВЮА РККА, 1941. 14 с.

3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29: Философские тетради. 5-е изд. Москва: Госполитиздат, 1973. 783 с.

4. Лосев А. Ф. Дерзание духа. Москва: Политиздат, 1988. 366 с.

5. Ивин А. А. Диалектика. От зарождения до триумфа и краха: монография. Москва: Проспект, 2023. 240 с.

6. Строгович М. С. Логика. Москва: Госполитиздат, 1949. 363 с.

7. Ильенков Э. В. Проблема противоречия в логике // Диалектическое противоречие: [сборник]. Москва: Политиздат, 1979. 343 с.

8. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1957. 784 с.

1. Strogovich M. S. Lectures on the course of logic. Theme I. The subject, method and system of logic as a science. Moscow: Red Army Military Law Academy Publishing; 1941: 19. (In Russ.)

2. Strogovich M. S. Lectures on the course of logic. Theme II. The basic laws of logic thinking. Moscow: Red Army Military Law Academy Publishing; 1941: 14. (In Russ.)

3. Lenin V. I. Full collection of works. Volume 29. Philosophical papers. Moscow: Gospolitizdat; 1973: 783. (In Russ.)

4. Losev A. F. Daring the mind. Moscow: Politizdat; 1988: 366. (In Russ.)

5. Ivin A. A. Dialectics. From birth to the triumph and collapse. Monography. Moscow: Prospect; 2023: 240. (In Russ.)

6. Strogovich M. S. Logic. Moscow: Gospolitizdat; 1949: 363. (In Russ.)

7. Ilyenkov E. V. The problem of contradiction in logic. In: Dialectic contradiction. Compilation. Moscow: Politizdat; 1979: 343. (In Russ.)

9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 30 т. Т. 1. 1845—1847. 2-е изд. Москва: Госполитиздат, 1955. 698 с.

10. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. Москва: ТК Велби: Проспект, 2006. 192 с.

11. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник ВолГУ. Сер. 5, Юриспруденция. 2015. № 1 (26). С. 8—14.

8. Plekhanov G. V. Selected philosophical works. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat; 1957: 784. (In Russ.)

9. Marx K., Engels F. Works. Vol. 1. 1845—1847. Moscow: Gospolitizdat; 1955: 678. (In Russ.)

10. Mikhailovskaya I. B. Handbook of a judge in criminal procedure proving. Moscow: TC Velby; Prospect; 2006: 192. (In Russ.)

11. Alexandrov A. S., Terekhin V. V. Five statements from the Russian Criminal Law Critical Legal Research Manifesto. Science journal of VolSU. Jurisprudence, 8—14, 2015. (In Russ.)

Печников Геннадий Алексеевич,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
pechnikov_ga@yandex.ru

Pechnikov Gennadiy Alexeevich,

professor at the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
pechnikov_ga@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 15.01.2023; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13

doi: 10.25724/VAMVD.A225

**СОХРАНЕНИЕ И СОЗИДАНИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ
КАК САМАЯ НАСУЩНАЯ ПРОБЛЕМА
НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

Михаил Петрович Поляков

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, polmihpet@rambler.ru

Аннотация. В науке уголовного процесса есть множество нерешенных и даже вечных проблем, что говорит о значительных сложностях в самом научном сообществе в плане подготовки исследователей, искренне заинтересованных в решении нерешенных и «нерешаемых» научных проблем. Исходя из этого, делается вывод, что очень важная задача науки — создание благотворной среды, в которой должно происходить формирование ученых и осуществляться устойчивая смена научных поколений. Такой средой, по мнению автора, является научная школа. Вместе с тем наука не знает устойчивых подходов и рекомендаций по созданию научных школ, которые бы успешно решали эти задачи. Система критериев и внешних показателей — лишь формальная сторона этого понятия. Но особое значение имеют и формально неопределенные признаки школы: именно они создают особую ауру и дух научной школы. Автор пытается передать собственное понимание и ощущение научной школы и уточнить задачи по созиданию Нижегородской (Томинской) школы процессуалистов.

Ключевые слова: вечные проблемы уголовного процесса, насущные проблемы науки уголовного процесса, научная школа, Нижегородская школа процессуалистов, школа живого уголовного процесса, процессуальные братья и сестры

Для цитирования: Поляков М. П. Сохранение и созидание научных школ как самая насущная проблема науки уголовного процесса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 140—148. doi: 10.25724/VAMVD.A225

**PRESERVATION AND CREATION OF SCIENTIFIC SCHOOLS
AS THE MOST IMPORTANT PROBLEM
OF THE SCIENCE OF CRIMINAL PROCEDURE**

Mikhail Petrovich Polyakov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, polmihpet@rambler.ru

Abstract. There are many open and even eternal problems in the science of criminal procedure, what indicates significant difficulties in the scientific community itself in terms of training research workers who are sincerely interested in solving unresolved and "unsolvable" scientific problems. Based on this, a very important task of science is concluded to create a beneficial environment where the formation of scientists and a sustainable change of scientific generations should take place. Such an environment, according to the author, is a scientific school. At the same time, there are no sustainable approaches and recommendations for creating scientific schools that would successfully solve these problems. The system of criteria and external indicators is only the formal side of this concept. But the formally defined indices of a school are also of particular importance: they create the special aura and genius of a scientific school. The author tries to convey his own understanding and feeling of the scientific school and clarify the tasks of creating the Nizhny Novgorod school of proceduralists (named after V. T. Tomin).

Keywords: eternal problems of criminal procedure, topical problems of the science of criminal procedure, scientific school, the Nizhny Novgorod school of proceduralists, school of practical criminal procedure, procedural brothers and sisters

For citation: Polyakov M. P. Preservation and creation of scientific schools as the most important problem of the science of criminal procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 140—148, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A225

Современная жизнь, изобилующая кризисами и катаклизмами, бесперебойно поставляет уголовно-процессуальной науке огромное количество проблемных ситуаций, требующих неординарного напряжения ума, неподдельного усилия сердца, нефальшивых порывов души. Нет в отечественном уголовном процессе ни угла, ни закоулочка, в котором бы не заявляла о себе та или иная эмпирическая загвоздка, где бы не чувствовался горький привкус дефицита теоретической мысли, не ощущалась недостача живого исследовательского интереса. Все эти объективные и субъективные нюансы активно-практического и созерцательно-кабинетного бытия, сплетаясь в своих видимых признаках и маскируемых приметах, явных и скрытых связях и противоречиях, образуют загадочный гордиев узел уголовно-процессуальной проблематики.

Проблемы с надеждой и отчаянием вызывают к исследователям. И этот «уголовно-процессуальный» выпуск «Вестника Волгоградской академии МВД России», в котором нам посчастливилось обнародовать свои размышления, дает прекрасное представление о сложном и многоярусном мире проблем уголовного судопроизводства. Он и замышлялся вдохновителями и организаторами как крик неравнодушных процессуалистов; как глас вопиющего в пустыне рутинного научного спокойствия, переходящего в безразличие; как луч научного света, выхватывающий из тьмы повседневного неведения самые злободневные темы.

Так уж повелось издревле, что с наличием проблем в уголовном процессе «проблем» не было и нет. Проблем хватает всегда и на всех. Проблемы эти многосторонние, многострадальные, неистребимые и неисчерпаемые и в то же время для науки крайне необходимые. Именно проблемы являются материальным основанием ее существования и процветания. Очевидна и другая важная закономерность: сами проблемы без науки, образно говоря, бесплотны. Проблемы не столько предмет, сколько инструмент науки. Они не живут вне «плоти» человеческой мысли. Их формулируют, над ними размышляют, их решают (или не решают) люди — труженики уголовно-процессуальной науки. С другой стороны, проблемы не есть нечто статичное, дремлющее и спокойно дожидается своего исследователя. Проблемы — это живой и лукавый организм. Если внимательно присмотреться, то можно заметить, что не люди, а проблемы

управляют наукой и заправляют самой научной иерархией. Собственно, главным поводом для присуждения высоких научных степеней и выступает явленная миру в новых красках и оригинально решенная проблема. И всегда загадкой остается вопрос: кто кого первый заметил — исследователь проблему или проблема исследователя?

В науке уголовного процесса люди и проблемы связаны самым изощренным способом, в том числе прочными узами взаимной ответственности. Как бы это мистически ни звучало, но проблемы сами выбирают исследователей. И прочные «научные браки» искателей и проблем совершаются именно на небесах. А из этого неизбежно следует, что в огромном количестве нерешенных практических и теоретических проблем вполне резонно упрекать не только молниеносно меняющиеся жизненные обстоятельства («не мы такие — жизнь такая»), но и интеллектуальную нерасторопность и напускное бессилие ученых, отлынивающих от жизненной миссии.

Если проблемы не заканчиваются и даже не убывают, то можно предположить, что ими совсем не занимаются или же занимаются не совсем ученые, а возможно, и не ученые вовсе. И как-то сам собой актуализируется букет упрекающих вопросов. Какие же мы ученые, если давно набившие оскомину проблемы уголовного процесса не решены до сих пор? Получается, что проблемам не из кого выбирать? Выходит, не родились еще исследователи, достойные этих проблем? И едва ли нам удастся оправдаться тем, что есть в уголовном процессе вечные (неразрешимые) проблемы и проклятые вопросы. Они, естественно, есть. Но куда больше проблем, объяснение нерешенности которых укладывается в канву старого анекдота про «неуловимого Джо», которого никак не поймают, потому что никто не ловит и не собирается ловить.

Этот безликий упрек научному сообществу мы нацелили в большей мере в свой адрес. Не все обязаны принимать его на собственный счет. К слову, не всех он и касается. По сути, это и не упрек вовсе (не по чину нам пенять коллегам), а лишь риторический пролог к гипотезе о том, что решение многочисленных специфических проблем уголовного процесса восходит к главной, центральной, сакральной проблеме науки в целом, сутью которой является воспитание ученого,

созидание исследователя, инициация пламенного процессуалиста. Подобно Диогену, днем с фонарем искавшему человека, нам — представителям уголовно-процессуальной науки — нужно сосредоточить все могущество и благородство научного разума на поиске средств и методов вдохновения и воспитания особого человека — «человека процессуального», точнее, человека, равнодушного к сути уголовного процесса.

Иными словами, это проблема сбережения и созидания научной школы как формы «зачатия» и возвращения особых людей, вечной преемственности и бессмертия научных традиций, волшебного инструмента передачи исследовательского духа и опыта, «возгорания из искры пламени», сохранения науки как сокровища человеческой культуры и средства самосохранения человечества. Нет, на наш взгляд, для современного уголовного процесса более важной и актуальной проблемы. Это, действительно, та проблема, которую можно назвать вечной и проклятой; проблема, от которой не уйти, не отмахнуться ни в ближней, ни в дальней перспективе.

Проблема сбережения и созидания научных школ — это «проблема корней»; все остальное, если вдуматься, — «проблемы желудей» (вспомним известную басню И. А. Крылова). Именно поэтому мы и обратились к этой проблеме, без преувеличения считая ее глобальной и архиважной проблемой уголовного судопроизводства. Но чтобы зреть в корень, необходимо раскрыть существо феномена научной школы и умом, и сердцем.

В решении поразмышлять о научных школах нами двигал не только объективный порыв и высокие научные намерения, но и вполне субъективный мотив. Само приглашение в этот «уголочно-процессуальный» выпуск «Вестника» ко многому обязывало и побуждало. В собрании достойных отечественных процессуалистов, в кругу первых среди равных нам захотелось отметить темой, действительно волнующей и по-настоящему увлекающей нас. Захотелось запомниться процессуальным братьям и сестрам мыслью о том явлении, что в нашем ощущении хранит в себе особую «экзистенцию» и нераскрытую тайну. Захотелось не просто оставить на этих страницах «поляковский автограф» (местами не по делу вычурный), но и презентовать «фирменный» штрих той научной школы, которую основал, одухотворил и доверил нам — процессуальным братьям и сестрам — Великий Учитель профессор Валентин Тимофеевич Томин, 90-летний юбилей которого мы отмечаем в 2024 г.

Но Учитель вручил нам лишь идею школы, вдохнул в нее своим мудрым обаянием первые жизненные нотки, указал надежное место жительства-строительства и заложил первые камни фундамента. Чертежей и сметы он нам не оставил, ибо сам творил Школу сразу и набело, и не столько материей, сколько духом. С нами остался только его бессловесный наказ — строить и оберегать Школу. Самим. И не по наитию, а по науке. Одоблив спонтанно возникшую формулу — «школа живого уголовного процесса», он тем самым намекнул и на идеальный образ научной школы, которая была бы достойная его имени.

И хотя мы не начинатели, а продолжатели, мы должны хотя бы в общих чертах представлять то, что желаем возвести. Для начала просто иметь образ научной школы как общего коллективного понятия, наполняемого разными признаками и оттенками. Но это не просто обзор высказанного и написанного по поводу понятия научных школ. Здесь как раз срабатывает вариант, когда лишнее погружение в понятие приведет лишь к печали. Понятие научной школы нужно заново открыть для себя. Открыть и просиять пониманием.

И в связи с этим позволим себе небольшое вкрапление от первого лица. Один мой знакомый, ныне известный и самобытный процессуалист, в дни нашей научной юности, подбирая метафору к собственному понимаю азов научного ремесла, применил такую формулу: «Я понял принцип постройки сарая, теперь легко могу построить и дворец». Следуя этому принципу, он действительно построил немало разных «сараяв», порой искренне полагая и жарко отстаивая, что это «дворцы». Но вспомнил я своего доброго товарища и процессуального брата не для того, чтобы как-то его принизить или, еще хуже, себя превознести. Мне хватает ума и честности убедить себя в том, что в науке уголовного процесса я далеко не великий зодчий, который готов придумать, спроектировать и тем более построить дворец. Однако способность отличить дворец от большого сарая во мне, опять же, по моему личному разумению, имеется. Как имеется и понимание того, что дворцы можно и должно поднимать коллективными усилиями.

О сараях и дворцах мы вспомнили в русле рассуждений о созидании научной школы. И через это приняли установку, что образ нашей Школы должен представлять собой красивый животворящий храм науки, а не просто просторный навес для обладателей и соискателей ученых степеней. И в русле творения этого образа весьма полезными могут оказаться общие рассуждения о понятии научной школы, на полях которых мы сделаем важные пометки, касающиеся нашей Школы.

Начнем с того, что научная школа — понятие многозначное, многогранное, постигаемое отчасти умом, отчасти сердцем. Этому понятию вполне соответствует образ цветка с яркими лепестками и, что не менее важно, особым ароматом. Всмотримся, вслушаемся, внюхаемся в эту внешне знакомую и вполне привычную формулу — «научная школа». Ум выхватывает первое слово — «школа» и выдвигает свою версию: школа — это место, где учат. Раз речь идет о научной школе, то учат науке; так же как в музыкальной школе обучают азам музыки, в художественной — основам искусств, в спортивной — постулатам спорта. Но очевидно, что школа — это не только место и здание. Место — лишь внешняя форма, материальное воплощение особых условий обучения. Но суть и квинтэссенция понятия школы одним только местом не исчерпываются, даже если это особое место, та точка на карте, где выводят в люди, в мастера, в том числе в научные мастера. Ум понимает, что, в отличие от школ музыкальных, спортивных, средних, высших, мы нигде не встречали зданий с вывеской «Научная школа». Получается, что научные школы есть, но их локации нет. Навигатор, например, никогда не покажет дорогу к Нижегородской школе процессуалистов, хотя безошибочно укажет путь в Нижегородскую академию МВД России. Все эти вопросы и сомнения означают, что научная школа — это нечто особенное, материально-нематериальное, не привязанное жестко к организации, институтам, процедурам и технологиям. Это не просто место, где учат, не просто точка на карте. Это некий организм, для постижения которого требуется особая точка опоры. Ключ к пониманию научной школы находится в чем-то ином, особенном и необыкновенном.

Получается, что ключевой вопрос в понимании научной школы — это не вопрос «где?», это вопрос «как?». Научная школа потому и научная, что учат в ней по-особенному. Но «по-особенному» — это как? Просится ответ — по-научному. Но в этом ответе ответа как раз и нет. Попутно возникает вопрос: а учат ли вообще в научной школе, в том традиционном смысле, который мы вкладываем в слово «обучение»?

Понятно, что обучение в вузе не то же, что обучение в аспирантуре (адъюнктуре), даже несмотря на то, что предпринимаются активные попытки минимизировать эти различия. Важной частью этой научной подготовки и является помещение процесса обучения в нечто «надвузовское», а именно — в ауру научной школы. Именно научная школа, а не аспирантский учебный план, должна произ-

вести на свет настоящего исследователя. Таким образом, научная школа предполагает особое обучение. Обучение же в свою очередь предполагает учеников и учителей, то есть тех, кто учит, и тех, кого учат. И, само собой, всякая школа предполагает еще и учение. Нельзя просто учить: учат всегда чему-то. В научной школе, как ни крути, учат наукам. Открывают ученикам явные и скрытые смыслы загадочной формулировки «заниматься наукой». Это действительно непростая формула, таинственный способ превращения существительного «наука» в глагол, которого русский язык еще не придумал. Слово «любовь» предполагает действие — любить. Вот и таинство, скрывающееся под именем «наука», должно рождать действие особой душевной природы. Научная школа должна раскрывать в исследователе желание и способность «научить» (ударение на первом слоге).

Таким образом, словосочетание «научная школа» в его первой интерпретации научным умом и здравым смыслом неизбежно выводит нас на триаду — учение, учителя и ученики. Учение — это идеи, учителя и ученики — люди. Следовательно, научная школа — это даже не триада, а диада — люди и идеи. Но люди и идеи не сами по себе, а в особой ауре. Научная школа — это особый образ сожительства людей и идей. Некий симбиоз, позволяющий выживать науке и научному сообществу в течение веков и при этом приносить пользу обществу.

Намереваясь созидать и оберегать школу, следует всегда держать в уме и сердце понимание того, что наука создает особый контекст взаимодействия людей и идей и сама же этим контекстом питается и развивается. «Люди и идеи» — эта простая формула и есть ключ к первому шагу понимания сути научной школы, хребет ее характеристики. Именно эта формула незримо присутствует в текстах, объясняющих нам, что же такое научная школа. В этих объяснениях всегда есть люди и идеи. Естественно, что в разных подходах к пониманию научной школы может наблюдаться приоритет идей либо первенство людей. Но все же доминирует подход, который прочно соединяет две эти линии, объединяет учение и людей, скрепляет концепции, личности и коллективы.

По сути, по-другому быть и не может. Научная школа — это всегда люди и идеи: идеи притягивают новых людей, люди притягивают оригинальные идеи. Научная школа и есть способ присоединения, подключения к миру идей, некая коллективная рекомендация, без которой нет прохода в недоступное для одиночек хранилище концептов. В этом

иррациональном понимании симбиоза идей и людей как раз и содержится особый аромат понятия научной школы. «Люди и идеи»: поняв гармонию этих элементов, можно строить научную школу на века. Дух настоящей научной школы позволяет говорить о том, что она работает и на истину, и на дружбу. И в этом смысле Платон порой может оказаться дороже истины.

Двойственный подход заметен в различных трактовках понятия научной школы и объяснениях, которые к этому понятию примыкают. Сами же эти трактовки ставят акценты на разных моментах, проявляя себя необходимыми «лепестками» понятия. В предлагаемых авторами расшифровках феномена научной школы мы встречаем следующие формулировки, претендующие на статус особых признаков понятия, но в итоге выражающие все тот же симбиоз людей и идей.

Проиллюстрируем этот тезис позициями, сложившимися в научной сфере. Научная школа — это: оформленная система научных взглядов, а также научное сообщество, придерживающееся этих взглядов; направление в науке, объединившее интересы группы исследователей; научное направление, возникшее благодаря определенной традиции и охватывающее группу ученых; группа ученых, разрабатывающая под руководством лидера избранную научную программу или проблему [1].

В этот же ряд можно поставить и такое определение: научная школа — ученые, подготовившие под руководством известного ученого диссертации, ставшие кандидатами и докторами наук. Уже само по себе количество этих статусных «выпускников» вроде как предполагает наличие школы. Однако открытым остается вопрос: всех ли этих выпускников плодотворный научный руководитель может назвать учениками и тем более продолжателями и последователями.

Впрочем, вопрос этот риторический. Здесь важнее иное: как сочетаются в понятии научной школы формальное (измеряемое) начало и особый дух школы, приборами не улавливаемый и в наукометрические индексы не упаковываемый. Ясно, что истинное понимание научной школы не может быть формализовано, как бы к этому ни стремились. Все официальные критерии, которые предлагают ведомства, нужны скорее для отчетов, нежели для созидания школы как формы научной общины. Критерии могут быть налицо, а школы не будет и в помине. Но с другой стороны, школа непременно должна проявлять себя эмпирически и статистически, ибо научная школа — это и определенный способ материализации духа. Перефразируя

известную формулу В. Т. Томина о реализации принципа в праве («выражение принципа в праве обязательно, а форма выражения случайна»), можно сказать, что и формы материальной реализации духа научной школы могут быть самыми разнообразными.

Реальная жизнь с ее злободневными проблемами требует от научной школы не только красивых показателей. Это должна быть школа не только по паспорту, но и по физиономии. Это должна быть форма выражения особого содержания бытия. От научной школы ждут эффективных форм образования и самообразования. Научная школа должна быть инструментом воспитания исследовательского стиля мышления, формирования определенного способа, подхода к проблемам, разработки особого поискового метода. И кроме того, научная школа должна формировать добродетельного ученого, способного противостоять ржавчине тщеславия и плесени самохвальства.

Иными словами, настоящая научная школа — это научно-образовательная школа, призванная формировать будущих исследователей, передавать предметное содержание, культурные нормы и ценности научного сообщества от старшего поколения младшему. Это особая форма заботы о научной смене. Специфический питомник по выращиванию талантов и способностей.

Научная школа — это и непрестанная забота о продолжении научного рода. Такая организация воспроизводства, при которой «рождаемость» исследователей превышает их естественный уход. И при этом научная школа не должна быть техническим «инкубатором» для людей и идей. Настоящая научная школа — не разновидность специфической технологии обучения, а специфическая форма жизни. Идеи должны начинаться и вынашиваться во всем своем научном естестве, требующем самобытности, таланта и, опять не побоюсь этого слова, — любви.

Научная школа — это особая среда. Среда формирования научных и мировоззренческих единомышленников. Это не «автобус», в котором случайные попутчики, глубокомысленно погрузившись в себя, едут до своей остановки и смотрят в свое окно. Научная школа — это маленькая страна со своей «конституцией». И в то же время Школа — не катакомбная структура, замкнутая исключительно на себе самой. Научная школа служит не школе, она служит науке и обществу, занимается социально полезными теориями и концепциями, ищет ответы на проблемные вопросы в рамках единого спланированного направления.

Научная школа — это особая организация. Базой научной школы может быть и формальное объединение (вуз, кафедра, лаборатория). Но это может быть и исследовательский коллектив, не привязанный жестко к «казенной» структуре. Более того, это могут быть и распыленные по миру единомышленники (так называемый «незримый колледж»). Нам, например, давно мечтается о братстве пламенных процессуалистов, что тоже представляет собой взгляд на организацию научной школы в самом широком научно-духовном смысле.

И тем не менее, говоря об особом симбиозе людей и идей в рамках понятия научной школы, задумываясь о сочетании формального и неформальных начал в этом понимании, нельзя упускать из виду и вопрос о материальном базисе. Немало сказано о том, что у научной школы есть определенные преимущества перед административными образованиями (кафедра, лаборатория и т. д.) в плане стимулирования творческого импульса. Но нормальная живая научная школа никогда не будет себя отрывать от надежного тыла и тем более возноситься над ним. Когда-то профессор В. Т. Томин сформулировал мудрую мысль, суть которой запомнилась мне примерно так: «Неженатый исследователь способен лишь на холостой научный результат». Это примечание Учителя, суть которого видится в том, что для успешных научных занятий должен быть обеспечен хороший тыл, вспомнилось не без оснований. Настоящие научные школы могут жить и эффективно работать только при качественном тыловом обеспечении. Иными словами, при постоянном и добром внимании администрации того вуза, в котором они родились и возмужали; вуза, который их боготворит.

Научная школа и вуз — это всегда взаимовыгодный союз. Неслучайно МВД России очень внимательно относится к научным школам, постоянно осуществляет мониторинг их деятельности, исследует научные школы как особое явление нашей системы [2]. Подобное внимание в существенной степени способствует созиданию и нашей научной школы нижегородских процессуалистов.

Говоря об образе настоящей научной школы, нельзя обойти стороной вопрос «о роли личности в истории». Многие ученые сходятся во мнении, что научная школа — это сообщество исследователей, интегрированных вокруг ученого — генератора идей, обладающего особыми исследовательскими и, что не менее важно, человеческими качествами. Данную позицию трудно опровергнуть. В ней опять же проявляет себя ядро понимания научной школы — «люди и идеи».

Несомненно, что формирование научной школы происходит под влиянием лидера. Подлинный лидер — это очень важно. Особенно если речь идет о научной школе. Наш жизненный опыт и наблюдения показывают, что слабый научный руководитель диссертации — трагедия для аспиранта. Тем более если руководитель слабее самого соискателя и по эрудиции, и по таланту. Такая диспропорция научных дарований — верный катализатор злокачественной гордости молодого ученого. Когда появляется «на грош амуниции, а на рубль амбиции».

Но в прочной и настоящей научной школе эти недочеты индивидуального взаимодействия начинающих научных руководителей и амбициозных соискателей сглаживаются, при условии, что есть подлинный лидер-основатель: крупный ученый, громадина, великан. Как известно, чтобы далеко видеть, нужно «стоять на плечах гигантов». Признание этого лидерства должно существовать не только на уровне ума или служебной иерархии, но и на уровне сердца. Творческую энергию школе дает только истинное и искреннее признание своего вождя, которое ничего общего не имеет с раболепием. Здесь важно понять, что в дополнение к тем идеям, что пришли в мир через Учителя, нам дается и нечто большее.

Основатель у школы может быть один. Он не меняется при смене руководства кафедры и не аннулируется в связи с переходом основателя в иные миры. Созидание плодотворной научной школы предполагает серьезную научную работу над культом основателя. При этом работу в самом хорошем смысле этого слова. Объективный «культ личности» лидера — обязательное условие существования и процветания научной школы. И в этом смысле такое научное направление, как «Томиноведение», активно развивающееся в рамках нашей Школы, — это не просто красивое длинное слово, а глубокая и ответственная исследовательская задача. «Томиноведение» — это попытка пробиться к мощной энергии завета. Люди умирают, а идеи живут и даруют бессмертие своим проводникам. Через эти идеи происходит и незримое направление школы на Путь, настрой ее на нужные мировоззренческие ноты.

Лидер и окружение — узор этого взаимодействия представляет собой некое внутреннее, потаенное восприятие научной школы. Но не менее важно и внешнее, презентационное ее понимание. Нельзя не признать, что научная школа — это коллектив, завоевавший известность не эпатажем и суесловием, а высоким уровнем исследований, устойчивой репутацией и традициями. Увы, случается и так,

что дурная известность одного шумного деятеля прочно закрепляется за всей научной школой. Таковы парадоксы научного имиджа: на доброе имя Школы работают долго и многие, а дегтем измазать ее в одночасье может и самовлюбленный одиночка. Особенно если этот индивид в своих темных делах, «написанных пером», активно прикрывается именем Школы и вещает от этого имени.

Однако это те исключения, из которых не следует выводить правила. Настоящая научная школа всегда отряхнется от пыли и ржавчины. Высокий уровень культуры исследователей и особое тепло «сердца» Школы быстро смывают всю шелуху. Истинная научная школа умеет самоочищаться и хранить чистоту. И чистоту эту должно быть видно с первых слов, с первых строк ее представителей. И слова должны быть не бранные, а душевные и красивые.

К слову о словах... Важнейшее значение имеет имя научной школы. Это может быть официальное наименование, которое присвоит, например, ученый совет. В протоколе ученого совета наша научная школа поименована так: «Проблемы теоретической разработки и практической реализации принципов уголовного процесса». Но это имя больше применимо для официальных документов.

В широком научном обиходе школа может носить и другое имя, имя, добытое в теоретических трудах и дискуссионных баталиях. Образно говоря, это позывной школы. Так в свое время родилось широко известное ныне имя — «Нижегородская школа процессуалистов». Но имена, как живые существа, порой перерастают себя. Вот и это имя просит уточнения. С некоторых пор мы пишем его чуть длиннее; в этом имени в прямом смысле появилось еще и отчество — «Нижегородская (Томинская) школа процессуалистов».

Жизнь показала, что лучшее название для научной школы — персонифицированное. От имени школ с безликими топографическими наименованиями легче творить пакости и нелепости. Персональные имена школы парализуют подобные агрессивные желания. В чисто «губернских» именах больше холодной топографии, чем теплой атмосферы научного братства. В «учительском» же имени школы всегда есть дух родного дома.

Да, настоящая научная школа — это дом, уютный дом-теремок, где всем есть место. Научная школа — не только средство выживания в научном мире, но и надежный способ процветания в нем. При созидании научной школы упор должен делаться на созидание особой среды, особой благотворной атмосферы, в которой прорастают и вырастают

искатели истины. Но данная среда не даруется свыше, не выдается по талонам и контрамаркам. Она создается ежедневными усилиями самих «школьников». Научная школа — это постоянное строительство. Причем строительство не стен и крыши, а самих строителей. Первейшая задача научной школы — возвращение умных, добрых и душевных людей; воспитание исследовательского духа в атмосфере как минимум радости и как максимум счастья.

Научная школа — это и общее слово, и совместное дело. Дело объединяющее, ободряющее, поощряющее. Забота об общем деле и есть первейшая забота Лидера. Именно общее дело формирует исследователя, влечет его вверх. Дело включает в себя и объединяющее учение как важный фактор создания и процветания научной школы. Дело формирует и особый подход и стиль школы. Хорошая школа не может сложиться спонтанно. Это всегда акт персонального творения Лидера и коллективного творения учеников.

Но общее дело — это не только перепахивание теорий и бурение концепций. Дело включает в себя тесное, постоянное и неформальное общение. По мнению В. Т. Томина, единственный надежный способ подготовки исследователя прост: «Надо просто больше общаться». Общаться учителю и ученику, ученикам друг с другом и всем нам с этим бескрайним миром. Школа — это обмен идеями, горестями и радостями. Дружелюбное и искреннее обсуждение результатов. А иногда и взыскательная критика по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись», но с доброй любовью.

Школа для каждого начинается с первого человека, с первого шага и простирается в бесконечность. Начинаться для будущего исследователя школа должна не в адъюнктуре (аспирантуре), а раньше. Жизнь коротка, наука бесконечна. В нашей Школе есть и начальная, и средняя, и высшая ступень. И отбор должен опираться на принцип «Веры, Надежды и Любви». Нельзя научиться у того, кого не любишь. Но невозможно многому научить и нелюбимого ученика.

Как видим, с каждым новым тезисом тема открытия и раскрытия научной школы становится все более необъятной. Поэтому пора просто остановиться и оглянуться.

Остановились, оглянулись и насчитали, что при размышлении о «самой насущной проблеме науки уголовного процесса» слова «должен» и «должна» прозвучали более десяти раз. Эти слова подчеркивают, что проблема есть, а вот решения пока нет. Но сам факт конкретизации проблемы — это

важнейший шаг, дающий образ цели. Знание должного — это великое знание, мостик к существу. «Делай что должен, и будь что будет». А в процессе делания явится и способ, догонит и результат.

Р. С. В старые-престарые времена была такая не то школа, не то секта — авгугов. Последователи ее принимали пожизненный обет молчания. Но это молчание не было безмолвием мысли; думали они ярко и молчали очень содержательно. И вот когда встречались два авгура, когда они смотрели друг другу в глаза, то глаза их по-братски вещали: «Я знаю, о чем ты молчишь».

В этом коротком эссе я многое сказал, многого не сказал, а о чем-то и просто умолчал. Но я уверен, что мои процессуальные братья и сестры отлично знают то, что было недосказано. Ибо каждый из нас искренне и по-своему строит то большое и нужное здание Научной Школы, имя которой — отечественная наука уголовного процесса (размышления автора о проблеме научных школ были представлены в статьях, см.: [3]).

Vivat Akademia!

Vivant professores!

1. Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3 (74). С. 74—79.

2. Научные школы системы МВД России: монография / А. Л. Ситковский, В. Н. Сизова, С. И. Долгова [и др.]. Москва: Акад. управления МВД России, 2022. 608 с.

3. Поляков М. П. Нижегородская школа процессуалистов как школа живого уголовного процесса // Школы и направления уголовно-процессуальной науки: докл. и сообщения на учредит. конф. Междунар. ассоц. содействия правосудию (Санкт-Петербург, 5—6 окт. 2005 г.) / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург, 2005. С. 37—42; Его же. Нижегородская школа процессуалистов: очередная попытка рационального объяснения // Вестник научных школ Нижегородской академии МВД России: сб. ст. / под науч. ред. М. П. Полякова. Нижний Новгород: НА МВД России, 2011. С. 30—38; Его же. Научная школа профессора В. Т. Томина — Нижегородская школа процессуалистов // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 211—216; Его же. Нижегородская школа процессуалистов: от борьбы противоположностей к сотрудничеству уникальностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 188—189.

1. Akishina E. O., Martishina N. I. Scientific school: essence, status, possibilities of regulation. Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 74—79, 2019. (In Russ.).

2. Sitkovsky A. L., Sizova V. N., Dolgova S. I. (et al.) Scientific schools of the Russian Ministry of Interior system. Monograph. Moscow: Academy of Management of the MIA of Russia; 2022: 608. (In Russ.).

3. Polyakov M. P. Nizhny Novgorod school of proceduralists as a school of practical criminal procedure. In: Schools and directions of criminal procedural science: reports and abstracts of founding conference on the creation of the International Association for the Advancement of Justice, 5—6 October 2005, Saint Petersburg, Russia. Ed. by A. V. Smirnov. Saint Petersburg; 2005: 37—42. (In Russ.); Idem. Nizhny Novgorod school of proceduralists: another attempt at a rational explanation. In: Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Digest of articles. Ed. by M. P. Polyakov. Nizhny Novgorod: Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2011: 30—38 (In Russ.); Idem. Scientific school named after Professor V. T. Tomin — Nizhny Novgorod school of proceduralists. Gaps in Russian legislation, 211—216, 2014. (In Russ.); Idem. Nizhny Novgorod school of proceduralists: from the struggle of opposites to the cooperation of uniqueness. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 188—189, 2017. (In Russ.).

Поляков Михаил Петрович,

профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
polmihpet@rambler.ru

Polyakov Mikhail Petrovich,

professor at the department of criminal procedure
of Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
polmihpet@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 30.11.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 30.11.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.13
doi: 10.25724/VAMVD.A226

**ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПЕРЕДАЧИ
ЛИЦА, ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ,
ДЛЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕ,
ГРАЖДАНИНОМ КОТОРОГО ОНО ЯВЛЯЕТСЯ
(ГЛАВА 55 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Ираида Вячеславовна Смолькова

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, SmolkovaIV@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является. Данный институт представляет собой одну из форм международного сотрудничества гуманитарного характера, преследует цель быстрой социализации осужденных к лишению свободы, в связи с чем им предоставлено право отбывать назначенное судом лишение свободы в стране своего гражданства, поскольку процесс социализации будет более эффективным и быстрее приведет к исправлению. С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации данный институт получил уголовно-процессуальный статус. В практике международного сотрудничества он до недавнего времени достаточно интенсивно развивался, но с начала проведения специальной военной операции передача осужденных существенно сократилась, прежде всего в связи с тем, что ряд европейских стран объявил нам санкции в различных сферах осуществления контактов, в том числе в данном вопросе.

В уголовно-процессуальной науке высказаны различные мнения относительно правовой природы анализируемого института. Автор исходит из того, что передача осужденного к лишению свободы, в отличие от выдачи для исполнения приговора, как один из видов экстрадиции, представляет собой самостоятельное направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, имеет свою специфическую правовую природу, регламентацию самостоятельными нормами международного и национального права и собственную определенную цель. В статье поддерживается идея передачи осужденных не только к лишению свободы, но и к другим видам наказания в страны их гражданства.

Ключевые слова: международное сотрудничество; передача осужденного к лишению свободы для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является; выдача лица для исполнения приговора

Для цитирования: Смолькова И. В. Правовая природа передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (глава 55 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 149—156. doi: 10.25724/VAMVD.A226

**LEGAL NATURE TO TRANSFER A CONVICTED PERSON
TO SERVE HIS / HER SENTENCE IN THE STATE,
WHOSE CITIZEN HE / SHE IS
(CHAPTER 55 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE
OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Iraida Vyacheslavovna Smolkova

Baikal State University, Irkutsk, Russia, SmolkovaIV@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the institute of transferring a convicted person to serve his sentence in the state according to the citizenship of which he is a citizen. This institution is a form of international cooperation of a humanitarian nature and aims at the rapid socialization of prisoners sentenced to imprisonment, therefore they are entitled to serve their sentences of imprisonment in their country of nationality, as the socialization process will be more effective and lead more quickly to correction. The adoption of the Code of Criminal

Procedure of the Russian Federation gave this institution criminal procedural status. In the practice of international cooperation it has been quite intensively developed until recently, but since the start of the special military operation, the transfer of convicts has been significantly reduced, first of all, due to the fact that a number of European countries have announced sanctions against us in various areas of contacts, including this issue.

In the science of criminal procedure there are different opinions regarding the legal nature of the analyzed institute. The author proceeds from the fact that the transfer of a convicted person to imprisonment, unlike extradition for the execution of a sentence, as a type of extradition, is an independent direction of international cooperation in the field of criminal proceedings, has its own specific legal nature, regulation by independent norms of international and national law and its own specific purpose. The article supports the idea of transferring convicted persons not only to imprisonment but also to other types of punishment to the countries of their citizenship.

Keywords: international cooperation; transfer a convicted person to serve his / her sentence in the state, whose citizen he / she is; extradition of a person for the execution of a sentence

For citation: Smolkova I. V. Legal nature to transfer a convicted person to serve his / her sentence in the state, whose citizen he / she is (chapter 55 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 149—156, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A226

Передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является (далее — передача осужденного), — относительно новое направление международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства, получившее уголовно-процессуальную «прописку» в главе 55 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Хотя в практике международного сотрудничества передача осужденных известна и применяется достаточно давно.

О значимости такой передачи шла речь на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (26 августа — 6 сентября 1985 г.), в Резолюции которого было отмечено, что содействие как можно более скорому возвращению лиц, осужденных за совершенное преступление за рубежом, в страну их гражданства или постоянного места жительства для отбывания наказания способствует возвращению правонарушителей к нормальной жизни в обществе¹.

В Конвенции государств — участников СНГ о передаче осужденных к лишению свободы лиц для дальнейшего отбывания наказания² (далее —

Конвенция государств — участников СНГ 1998 г.) также отмечается, что отбывание осужденными наказания в виде лишения свободы в государствах, гражданами которых они являются, соответствует принципу гуманности и способствует более эффективному достижению цели исполнения наказания.

Передача осужденного относится к актам гуманитарного характера, поскольку процесс социализации и реинтеграции осужденного при отбывании им наказания в государстве своего гражданства будет более эффективным, быстрее достигнет результата его исправления.

24 февраля 2022 г. на Конференции участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности в подготовленном ее Секретариатом рабочей группы Справочном документе отмечается значительный рост числа заключенных-иностранцев (около полумиллиона иностранцев находятся в заключении за пределами своих стран). Соответственно, осужденные иностранцы часто сталкиваются с особыми сложностями в силу таких факторов, как языковые и культурные различия, разные обычаи и религии. Дополнительное бремя для администрации мест лишения свободы создают проблемы общения с такими осужденными, необходимость учитывать их особые потребности и трудности. В связи с этим все большее значение в сфере международного сотрудничества приобретает передача осужденных³.

Немаловажным фактором является и экономическая сторона данной проблемы, а именно возможность возложить бремя содержания осужденных

¹ VII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Италия, 26 авг. — 6 сент. 1985 г.) // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк, 2016. С. 403—408.

² Конвенция государств — участников СНГ о передаче осужденных к лишению свободы лиц для дальнейшего отбывания наказания: принята государствами — членами СНГ 6 марта 1998 г. // СЗ РФ. 2011. № 43. Ст. 5978. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 13 октября 2009 г. № 235-ФЗ.

³ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. URL: https://CTOC_COP_WG.3_2022_2Rpdт (дата обращения: 22.10.23).

на государства, гражданами которых они являются, что позволит достичь экономии бюджетных средств. Так, на начало 2023 г. в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации находилось 25,7 тыс. иностранных граждан и более 3 тыс. человек без гражданства¹, содержание которых обходится государству в 13 млрд руб. в год (содержание каждого составляет 500 тыс. руб. в год)².

По причине выхода из Совета Европы Россией денонсирован ряд Европейских конвенций, регулировавших в том числе вопросы осужденных: о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, от 19 мая 1978 г.³; о передаче осужденных лиц (ETS № 112) от 21 марта 1983 г.⁴. Это существенно повлияло на процесс передачи осужденных.

По статистическим данным ФСИН России, в 2021 г. в Российскую Федерацию поступило 30 453 ходатайства о передаче иностранных граждан, осужденных судами РФ к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве их гражданства, из них было рассмотрено 24 838, удовлетворено 16 430 (54 %), отклонено 8 408 (27 %)⁵. В 2022 г. эти цифры серьезным образом снизились по причине усложнения международной политической обстановки в связи с проводимой специальной военной операцией на Украине. По состоянию на 30 августа 2022 г. из РФ в другие государства передано 92 осужденных, принято в РФ — 15⁶.

Вопрос о правовой природе анализируемого института в уголовно-процессуальной литературе носит дискуссионный характер. Мнения ученых-

процессуалистов по данному вопросу разделились на две позиции.

Представители *первой* из них включают его в институт выдачи лица для исполнения приговора либо в качестве его отдельного субинститута [1; 2]; либо в качестве самостоятельного вида (формы) выдачи для исполнения приговора на том основании, что перед ними стоят общие цели и задачи [3; 4].

Сторонники *второй* позиции, наоборот, противопоставляя передачу осужденного выдаче для исполнения приговора, исходят из того, что в настоящее время какие-либо виды перевода осужденных лиц из одного государства в другое, кроме выдачи для исполнения приговора и передачи осужденного, международными конвенциями и договорами не предусмотрены. На этом основании передачу осужденного и выдачу для исполнения приговора они рассматривают как самостоятельные правовые институты, существенным образом различающиеся между собой [5; 6], одновременно при этом оговаривая, что передача осужденного хотя и представляет собой отдельный самостоятельный институт, все-таки имеет смежный характер с выдачей для исполнения приговора [7].

Оспаривая *первую* точку зрения, А. С. Гришин полагает, что отнесение передачи осужденного к выдаче для исполнения приговора необоснованно в силу принципиальных различий этих институтов: в первую очередь тем, что передача осужденного возможна только по инициативе выдаваемого лица, а выдача для исполнения приговора осуществляется принудительно вне зависимости от его желания [8; 9].

Л. Л. Евсичева также обращает внимание на отличие рассматриваемых институтов, которое, по ее мнению, заключается в том, что при выдаче для исполнения приговора имеется приговор, вынесенный судом запрашивающего государства в отношении лица, оказавшегося на территории запрашиваемого государства, но не имеющего его гражданства, являющегося либо гражданином запрашивающего государства, либо гражданином третьего государства, либо лицом без гражданства. При передаче же осужденного все обстоит иначе: имеется приговор, вынесенный судом государства в отношении лица, совершившего преступление, подпадающее под юрисдикцию этого государства, но являющегося гражданином другого государства, которое выражает согласие или намерение принять осужденного гражданина в целях отбывания им наказания в виде лишения свободы [10].

¹ Статистика ФСИН России за 2023 г. URL: <https://fsin.gov.ru/> (дата обращения: 15.10.2023).

² Дорогие сидельцы. URL: <https://360tv.ru/text/obchestvo/dorogie-sideltsy> (дата обращения: 15.10.2023).

³ Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются, от 19 мая 1978 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 33. Ст. 539. Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 апреля 1979 г. № 9063-IX.

⁴ Конвенция о передаче осужденных лиц (ETS № 112): принята государствами — членами Европейского Союза 21 марта 1983 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 45. Ст. 5150. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 206-ФЗ.

⁵ URL: <https://Stat/anu-пресс.рф/stats/ug/t/15/s/13> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶ URL: https://Fsin.gov.ru/structure/execution_department/OVPOG (дата обращения: 15.10.2023).

Полагаем, что передача осужденного представляет самостоятельное направление международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в силу того, что регламентируется самостоятельными нормами международного и национального права, имеет свою специфическую правовую природу, индивидуальное содержание и собственную определенную цель, отличную от целей выдачи для исполнения приговора. Последняя представляет собой один из видов института экстрадиции, к которой передача осужденного не относится.

Действительно, передача осужденного и выдача для исполнения приговора имеют много общего: прежде всего, они направлены на обеспечение права индивида подлежать юрисдикции государства, гражданином которого он является.

В связи с этим П. А. Смирнов справедливо отмечает, что особенность передачи осужденного и выдачи для исполнения приговора, в отличие от иных направлений международного сотрудничества по уголовным делам (в частности, от выдачи для уголовного преследования), состоит в «глубине» перехода уголовно-процессуальной юрисдикции от одного государства к другому — при выдаче для исполнения приговора и передаче осужденного, по его мнению, эта «глубина» значительно меньше, поскольку как уголовное дело, так и практически все важнейшие (влияющие на движение уголовного судопроизводства) полномочия в уголовной и в уголовно-процессуальной сферах неизменно остаются у государства — инициатора этих процедур [11]. На самом деле при передаче осужденного и выдаче для исполнения приговора переход уголовно-процессуальной юрисдикции от одного государства к другому не носит столь существенного характера, как при выдаче для уголовного преследования.

Между рассматриваемыми институтами определенное сходство состоит и в том, что в обоих случаях речь идет о перемещении лиц, в отношении которых вынесен обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, в целях отбывания уже назначенного наказания. В основе обеих ситуаций лежит взаимное признание приговоров и юрисдикции другой стороны. Взаимное признание юрисдикции сторон выражается в установлении осужденному лицу национального режима для отбывания наказания по иностранному приговору и признании за каждой из сторон исключительного права на пересмотр своего приговора.

Как при передаче осужденного, так и при выдаче для исполнения приговора одно государство пере-

дает для отбывания наказания другому государству его гражданина, осужденного за деяние, признаваемое преступлением в обоих государствах. Выдача лица для исполнения приговора состоит в выдаче лица, осужденного иностранным судом и скрывшегося от отбывания наказания, но задержанного на территории другого государства.

Наряду с общими чертами передача осужденных, в сравнении с выдачей для исполнения приговора, имеет целый ряд существенных отличий и особенностей. Рассмотрим их подробнее.

1. Данные виды международного сотрудничества регулируются разными международными актами, в которых они не объединяются общим понятием. Международными актами, на основе которых в настоящее время возможна передача осужденного, являются:

— Типовое соглашение о передаче заключенных-иностранцев и рекомендациях в отношении обращения с заключенными-иностранцами от 29 ноября 1985 г.¹;

— Конвенция государств — членов СНГ 1998 г.

Вопросы передачи осужденного, а также признания приговора суда иностранного государства регулируются не только многосторонними, но и двусторонними международными договорами РФ о передаче осужденных.

Кроме того, вопросы передачи осужденных рассматриваются и в договорах, регулирующих межгосударственное сотрудничество в борьбе с отдельными видами преступлений. Так, в п. 12 ст. 6 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.² предусмотрено, что стороны могут рассматривать возможность заключения двусторонних или многосторонних соглашений специального или общего характера в отношении передачи лиц, осужденных к тюремному заключению

¹ Типовое соглашение о передаче заключенных-иностранцев и рекомендациях в отношении обращения с заключенными-иностранцами: принято VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, одобрено Резолюцией 40/32 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. // Сборник стандартов и норм ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. С. 403—408.

² О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: конвенция ООН: принята Конференцией ООН 20 декабря 1988 г. URL: http://un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/drugs.shtml (дата обращения: 20.10.2023). Ратифицирована Постановлением Верховного Совета СССР от 9 октября 1990 г. № 1711-I.

или другим видам лишения свободы за правонарушения, к которым применяется настоящая статья, их странам с тем, чтобы они могли отбывать оставшийся срок наказания в этих странах.

В Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.¹ содержится отдельная ст. 45 «Передача осужденных лиц», в которой предусмотрена возможность заключения государствами-участниками двусторонних или многосторонних соглашений или договоренностей о передаче лиц, осужденных к тюремному заключению или другим видам лишения свободы за преступления, признанные таковыми указанной Конвенцией.

2. Рассматриваемые институты регулируются разными главами УПК РФ: выдача для исполнения приговора — главой 54; передача осужденного — главой 55.

3. Цели передачи осужденных и выдачи для исполнения приговора не совпадают. *Целью* передачи осужденного является передача последнего для отбывания назначенного наказания в виде лишения свободы в стране его гражданства, исполнение наказания в отношении осужденного в другом государстве. *Цель* выдачи для исполнения приговора — исполнение в отношении подсудимого или осужденного вынесенного приговора.

4. Передача осужденного осуществляется из государства вынесения приговора в государство, гражданином которого он является, он может быть передан только государству его гражданства. Выдача для исполнения приговора осуществляется из государства, на территории которого лицо находится, в государство, судом которого оно осуждено безотносительно его гражданства.

5. Лицом, в отношении которого осуществляется передача в страну его гражданства, является только осужденный к лишению свободы, в отношении которого обвинительный приговор вступил в законную силу и находится в стадии исполнения. В момент реализации процедуры передачи осужденный отбывает наказание в местах лишения свободы. К лицам, выдаваемым для исполнения приговора, относятся подсудимый, осужденный, в отношении которых приговор не вступил в силу или вступил в силу, но по ряду причин не может быть исполнен.

6. Инициатором передачи осужденного может быть как государство, суд которого вынес приговор,

так и государство исполнения приговора. Инициатором же выдачи для исполнения приговора является государство, под уголовную юрисдикцию которого подпадает выдаваемое лицо. Инициатива в этом случае может исходить и от государства, вынесшего приговор, но не имеющего возможности его исполнить ввиду нахождения осужденного в другом государстве.

7. Передача осужденного может инициироваться им самим, необходимым ее условием является наличие его свободного волеизъявления, которое состоит в добровольном письменном согласии через заявление ходатайства. Однако в любом случае отношение осужденного к процедуре его передачи является определяющим. Требование о добровольном волеизъявлении осужденного призвано гарантировать соблюдение его прав и законных интересов и недопущение принудительного его перемещения в государство, в которое он по каким-либо причинам не хочет возвращаться (например, из-за опасения, что условия отбывания наказания будут худшими).

Выдача для исполнения приговора, напротив, является принудительной процедурой, для которой требуется только согласие запрашиваемого государства, поскольку речь идет о лице, заочно осужденном запрашиваемым государством либо скрывшемся после осуждения в целях уклонения от отбывания наказания.

8. Решение о передаче осужденного может принимать только суд (ч. 1 ст. 470 УПК РФ), а решение о выдаче для исполнения приговора в РФ уполномочен принимать Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель (ч. 4 ст. 462 УПК РФ).

9. Передача осужденного касается только той страны, гражданином которой он является. Выдача для исполнения приговора возможна как в государство гражданства выдаваемого лица, так и в любое другое государство, которое имеет свой собственный интерес в уголовном преследовании этого лица либо исполнении приговора. Выдача для исполнения приговора не всегда касается гражданина запрашивающего государства, лицо может быть выдано любому государству, установившему в отношении него свою юрисдикцию.

10. Передача осужденного может быть осуществлена только в отношении лиц, осужденных к лишению свободы. Для выдачи для исполнения приговора вид уголовного наказания не имеет решающего значения, выдано может быть лицо, осужденное к любому виду наказания.

¹ Против коррупции: конвенция ООН: принята Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780. Ратифицирована РФ Федеральным законом от 8 марта 2003 г. № 40-ФЗ.

11. Существенным образом отличаются основания отказа в передаче осужденного от оснований отказа в выдаче для исполнения приговора. Первые предусмотрены в ст. 471 УПК РФ, вторые — в ст. 464 УПК РФ.

В юридической литературе высказано мнение о передаче не только осужденных к лишению свободы, но и осужденных к лишению свободы условно; осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; осужденных, к которым применены иные меры уголовно-правового характера, с учетом того, что предписания гл. 55 УПК РФ снижают потенциал и искусственно сужают реальные возможности передачи осужденных [9].

В этот перечень можно было бы включить и осужденных к лишению свободы пожизненно, естественно, с учетом существования такового в другом государстве. В данном случае экономия государственных средств будет довольно значительной.

Сложившаяся международная практика, однако, идет по пути передачи осужденных только к лишению свободы, и ни к каким иным видам наказания. Вместе с тем государствами — участниками СНГ 11 октября 2019 г. принята Конвенция о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы¹, в которой указывается, что такая передача способствует более скорому возвращению этих граждан к нормальной жизни в обществе, сохранению социальных связей и быстрому достижению целей исполнения наказания. В 2020 г. в России насчитывалось 3,8 тыс. иностранцев, осужденных к наказаниям, не связанным с лише-

нием свободы, являвшихся гражданами государств — подписантов Конвенции².

В целях реализации положений данной Конвенции, подписанной Российской Федерацией, 21 апреля 2022 г. в Государственную Думу Российской Федерации внесен Законопроект № 111665-8, который предлагает внести изменения в УПК РФ, предусматривающие порядок передачи исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания наказания в государствах, гражданами которых являются осужденные. В законопроекте предложено дополнить ст. 397 УПК РФ пунктом 20.1, наделяющим суды полномочиями рассматривать возможность такой передачи³. С учетом вышеназванных причин данный законопроект следует поддержать.

Представляется, что развитие института передачи осужденных в направлении расширения наказаний, не связанных с лишением свободы, позволит совершенствовать практику международного сотрудничества в этой сфере в направлении гуманизации и, в конечном итоге, оптимального достижения целей наказания, в которых заинтересованы все демократические государства мира.

Резюмируя изложенное, отметим, что передача осужденных является самостоятельным правовым институтом, хотя и имеющим общие черты с институтом выдачи для исполнения наказания, однако не совпадающим с ним в силу регламентации разными международными и национальными актами, преследующими различные цели и осуществляющимися в различном правовом режиме.

¹ Конвенция о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы: принята государствами — членами СНГ 11 октября 2019 г. // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://Basa.garant.ru> (дата обращения: 15.10.2023).

² Россия начнет выдавать осужденных за нетяжкие преступления. URL: <https://ria.ru/20220408/prestupniki-1782564165/> (дата обращения: 29.10.2023).

³ Кабмин внес в Думу законопроект о передаче исполнения наказаний для иностранцев за границу. URL: <https://tass.ru/politika/> (дата обращения: 26.10.2023).

1. Ижнина Л. П., Гришин А. С. Соотношение терминов «правовая помощь по уголовным делам», «экстрадиция» и «выдача преступников» в российском уголовном процессе // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. № 1. С. 369—372.

2. Решетнева Т. В. К вопросу об определении понятия «экстрадиция» и его правовом оформлении в законодательстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3 (7). С. 151—154.

1. Izhnina L. P., Grishin A. S. Correlation of the terms "legal assistance in criminal cases", "extradition" and "extradition of criminals" in the Russian criminal process. "Black holes" in the Russian legislation, 369—372, 2008. (In Russ.).

2. Reshetneva T. V. On the question of the definition of the concept of "extradition" and its legalisation in the legislation of the Russian Federation. Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia, 151—154, 2010. (In Russ.).

3. Якубович Н., Быкова Е., Коротеев Б. Проект Федерального закона Российской Федерации «О выдаче (экстрадиции)» // Уголовное право. 2000. № 3. С. 58—62.

4. Вениаминов А. Г., Грудинин Н. С., Лопатин А. В. Экстрадиция. Проблемы понятия и отраслевой принадлежности // Nauka-rastudent. 2015. № 13. URL: <http://nauka-rastudent.ru/13-2015> (дата обращения: 09.08.2023).

5. Милинчук В. В. Взаимная помощь по уголовным делам: общие условия оказания и формы (действующая практика и перспективы развития): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 24 с.

6. Абдрашитова Р. З. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: проблемы становления и дальнейшего развитие // Право и политика. 2006. № 2. С. 103—118.

7. Крымов А. А. Передача осужденных лиц для дальнейшего отбывания наказания как межотраслевой комплексный институт права // Lex Russica. 2014. Т. XCIV, № 9. С. 1114—1119.

8. Гришин А. С. К вопросу о понятии выдачи лиц в целях осуществления уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиции) // Matters of Russian and International Law (Вопросы российского и международного права). 2014. № 1—2. С. 30—49.

9. Шаталов А. С., Санташова Л. Л. Сущность и правовая природа передачи осужденных для отбывания наказания в государство, гражданами которого они являются // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1—4), № 2. С. 141—147.

10. Евсичева Л. Л. Правовая природа института передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве гражданина // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН: Преступление. Наказание. Исправление. 2013. № 1. С. 29—33.

11. Смирнов П. А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 31—36.

3. Yakubovich N., Bykova E., Koroteev B. Draft Federal Law of the Russian Federation "On extradition (extradition)". Criminal Law, 58—62, 2000. (In Russ.).

4. Veniaminov A. G., Grudinin N. S., Lopatin A. V. Extradition. Problems of the concept and sectoral affiliation. Nauka-rastudent. URL: <http://nauka-rastudent.ru/13-2015> (date of reference: 09.08.2023). (In Russ.).

5. Milinchuk V. V. Mutual assistance in criminal cases: general conditions of rendering and forms (current practice and prospects of development). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2001: 24. (In Russ.).

6. Abdrashitova R. Z. International cooperation in the sphere of criminal proceedings: problems of formation and further development. Law and Politics. 103—118, 2006. (In Russ.).

7. Krymov A. A. Transfer of convicted persons for further serving of sentence as an inter-branch complex institute of law. Lex Russica, 1114—1119, 2014. (In Russ.).

8. Grishin A. C. On the issue of the concept of extradition of persons for the purpose of criminal prosecution or execution of a sentence (extradition). Matters of Russian and International Law, 30—49, 2014. (In Russ.).

9. Shatalov A. S., Santashova L. L. The essence and legal nature of the transfer of convicted persons to serve their sentence in the state whose citizens they are. Human: Crime and Punishment, 141—147, 2018. (In Russ.).

10. Yevsicheva L. L. Legal nature of the institute of transfer of a person sentenced to imprisonment to serve his sentence in the state of citizenship. Bulletin of the VILE of the FPS of Russia: Crime. Punishment. Correction, 29—33, 2013. (In Russ.).

11. Smirnov P. A. Problems of procedural-legal position of a person within the framework of extradition legal relations. Gaps in Russian legislation, 31—36, 2017. (In Russ.).

Смолькова Ираида Вячеславовна,

профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; SmolkovalV@mail.ru

Smolkova Iraida Vyacheslavovna,

professor at the department of criminal procedure and prosecutor's supervision of the Baikal State University, doctor of juridical sciences; full professor, honoured lawyer of the Russian Federation; SmolkovalV@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.132
doi: 10.25724/VAMVD.A227

СЛЕДСТВЕННЫЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Александр Алексеевич Тарасов

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
aatar@mail.ru

Аннотация. Следственные группы как объединения нескольких следователей для проведения предварительного следствия по уголовным делам большого объема и повышенной сложности со второй половины 1980-х гг. получили в отечественной следственной практике широкое распространение и тогда же в условиях весьма схематичной нормативно-правовой регламентации привлекли к себе повышенное внимание в научной литературе. Широкое обсуждение не только организационных, но и правовых проблем «бригадного метода» расследования, обобщение большого массива практики его использования повлекло появление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации специальной статьи 163, посвященной следственным группам. Часть не решенных ранее процессуальных вопросов в этой статье была решена, для некоторых из них были обозначены ориентиры решения, другие остались за рамками процессуального регулирования. Автор утверждает, что в период действия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации интерес к следственным группам в литературе еще какое-то время сохраняется, но после самого масштабного современного реформирования предварительного следствия в июне 2007 г. постепенно снижается, и в настоящее время практически сведен на нет. Практика создания следственных групп не настолько интересна, чтобы стимулировать научные исследования в этой области.

Ключевые слова: следственные группы; бригадный метод расследования; следственно-оперативные группы; руководитель следственной группы; предварительное следствие; взаимодействие следователей с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность

Для цитирования: Тарасов А. А. Следственные группы в современном уголовном процессе России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 157—162. doi: 10.25724/VAMVD.A227

INVESTIGATIVE GROUPS IN THE MODERN CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

Alexander Alexeevich Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, aatar@mail.ru

Abstract. Investigative groups as associations of some investigators to conduct preliminary investigation in criminal cases of great amount and advanced difficulty have been widespread in the national investigative practice since the second half of the 1980s and at the same time in conditions of quite schematic normative-legal regulation attracted special attention in the scientific literature. Extensive discussion of not only organizational but also legal problems of the "teamwork" of investigation, generalization of a large body of practice of its use led to the appearance in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of a special article 163, devoted to investigative groups. A part of the procedural issues which have not been solved earlier was settled in this article, for some of them guidance for solution was defined, others remained outside of procedural regulation. The author states that during the period of the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation the interest in investigative groups in literature for some time still remains, but after the most extensive modern reforming of the preliminary investigation in June 2007 gradually decreases, and at present is practically nullified. The practice of creating investigative groups is not so interesting to stimulate scientific research in this sphere.

Keywords: investigative groups; teamwork of investigation; investigative-operative groups; the head of the investigative group; preliminary investigation; interaction of investigators with bodies carrying out operational and investigative activities.

For citation: Tarasov A. A. Investigative groups in the modern criminal procedure of Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 157—162, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A227

Анализ современной научной литературы по проблемам досудебного производства по уголовным делам позволяет заключить, что из числа широко обсуждаемых с середины 2000-х гг. исчез вопрос о следственных группах. Указанное обстоятельство обращает на себя внимание потому, что примерно с середины 1980-х гг., на заре перестройки руководство советского государства демонстрировало особую решимость в борьбе с организованной преступностью, в которую широко вовлекались представители самих властных, в том числе правоохранительных структур. Наиболее ярко эта демонстрация в эпоху гласности проявлялась в широком освещении в средствах массовой информации работы следственных групп с обсуждением многих процессуальных и организационных подробностей, а нередко и сведений, которые в обычное время должны считаться тайной предварительного расследования. Масштабы этого явления были настолько велики, что целые регионы разных союзных республик периодически становились местами дислокации следственных групп, сформированных центральными аппаратами Прокуратуры Союза ССР и Министерства внутренних дел СССР и включавших в свои составы до нескольких десятков, а то и сотен следователей. Подобные следственные группы иногда формировались на первоначальных этапах расследования крупных и резонансных транспортных аварий для производства большого объема неотложных следственных действий, массовых беспорядков в местах межэтнических конфликтов, крупных хищений и экономических преступлений, привлечших внимание общественности серийных убийств, особенно если они совершались в течение длительного времени на большой территории.

Нормативно-правовая регламентация деятельности групп следователей в УПК РСФСР 1960 г. отличалась лаконизмом и фрагментарностью. Советский законодатель в течение длительного времени не относился к следственным группам как к какому-то особому уголовно-процессуальному явлению, да и специального термина для их обозначения не использовал. В части 3 ст. 129 УПК РСФСР («Начало производства предварительного следствия») было наряду с прочим сказано: «В случае сложности дела или его большого объема пред-

варительное следствие может быть поручено нескольким следователям. Об этом указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела или выносится отдельное постановление. Один из следователей принимает дело к производству и руководит действиями других следователей. В этом случае подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику при разъяснении права на отвод объявляется весь состав следователей».

Понятно, что при столь схематичном нормативно-правовом регулировании в отношении широко распространенных на практике следственных бригад, групп следователей, следственных групп (названия тоже рождались практикой) вопросов сугубо процессуального свойства возникало немало. Например, что представляет собою следователь, не принявший уголовное дело к своему производству, не получивший отдельного поручения на производство конкретного следственного действия, который при этом проводит множество следственных действий на «своем участке расследования», выделенном ему руководителем этой следственной группы вне каких-либо процессуальных форм, и принимает по нему процессуальные решения? Возможно ли совместное производство одного следственного действия, значимого для нескольких участков расследования, одновременно несколькими следователями, что в УПК РСФСР не предусмотрено и может вызвать протест у других участников этого следственного действия или организационно-тактические разногласия между самими следователями, по разному воспринявшими промежуточные результаты проводимого совместно следственного действия? Если между следователями и руководителем следственной группы возникли разногласия, что в следственной работе случается, в каком порядке должны разрешаться эти разногласия без ущерба для расследования и для процессуальной самостоятельности каждого из спорящих следователей? Обладает ли следователь, работающий в следственной группе, вообще процессуальной самостоятельностью, может ли он оценивать доказательства по внутреннему убеждению, которое, как известно, формируется в индивидуальном сознании каждого субъекта оценки доказательств? Вправе ли следователь, не являющийся

руководителем следственной группы, принимать процессуальные решения по этому делу, и если вправе, то какие? Закон ответов на эти вопросы не давал, и толкование его системного смысла ясности не добавляло. В теории подходы были очень разными, и одного их анализа хватало для самостоятельного монографического исследования [1]. Но при всем разнообразии теоретических суждений в реальной практике расследование зависело, главным образом, от уровня квалификации руководителя группы и от его личного авторитета, как правило неформального, среди других следователей. Правовая основа этих отношений неизбежно отступала на задний план.

Важно подчеркнуть, что со второй половины 1980-х гг. и вплоть до принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее — УПК РФ) проблемы деятельности больших следственных групп, а также следственно-оперативных групп, в которых сотрудничали одновременно несколько следователей (а иногда и несколько их десятков) и несколько сотрудников, осуществлявших оперативно-разыскное сопровождение работы следственной группы, не сходили со страниц печати. В начале 1990-х диссертационные исследования полностью посвящены «бригадному методу расследования» в том или ином варианте, а практически все диссертации по проблемам предварительного расследования касались работы следственных групп. Интерес юридической общественности к этой проблематике трудно было переоценить.

Сказанное не в последнюю очередь определило появление в новом УПК РФ 2001 г. специальной ст. 163 «Производство предварительного следствия следственной группой». Поставленные выше и многие другие процессуальные вопросы получили в ней понятное разрешение, а если прямо и не были разрешены, то ответ на них теперь можно было определить системным толкованием всего закона. Так, замена прежнего прямого указания в ст. 129 УПК РСФСР о том, что уголовное дело принимает к производству только «один из следователей», на слово «руководитель» в этом же контексте дало косвенные основания считать, что факт включения в состав руководимой им следственной группы — одна из форм принятия какой-то части данного дела к своему производству каждым ее участником без вынесения специального постановления об этом. Вопрос о применимости в отношении таких следователей всего набора полномочий, перечисленных в ст. 38 УПК РФ, как минимум стал менее навязчивым, чем ранее. Возможность участия

в любых процессуальных действиях, производимых по данному делу, для всех участников следственной группы теперь была прямо предусмотрена законом. То же касалось и указания в законе на возможность принятия каждым участником следственной группы процессуальных решений, предусмотренных в УПК РФ.

Очевидный позитивный заряд заключался и в отнесении прямо перечисленных в законе процессуальных решений к исключительной компетенции следователя — руководителя группы. Собственный опыт работы автора в составе двух больших следственных групп, созданных в следственной части Прокуратуры РСФСР в 1988—1989 гг., давал основания утверждать, что факт последующего механического «монтажа» обвинительного заключения из фрагментов, составленных разными людьми, да еще и на основе анализа собранных лично ими доказательств, да еще и после самостоятельного формулирования и предъявления лично ими обвинения, порождал немало негативных эмоций внутри следственных групп. В худшем варианте этот факт способствовал формированию обстановки «коллективной безответственности», когда составители фрагментов понимали, что своей подписи они под общим документом не ставят, а руководитель группы наивно полагал, что уж его-то следователи точно никогда не подведут. Теперь не только обвинительное заключение, но и постановление о привлечении в качестве обвиняемых всех лиц, подвергающихся уголовному преследованию по данному делу, законом было признано объектом персональной ответственности руководителя следственной группы. Разумеется, это не могло решить главной проблемы работы любой следственной группы — часть доказательств все равно не собиралась лично руководителем, а воспринималась им в интерпретации собиравшего их следователя. Но это было той естественной издержкой «бригадного метода» расследования, которой необходимо и можно было пренебречь.

Нерешенные вопросы после появления специальной нормы о следственных группах тоже, разумеется, остались. Так, «внутригрупповые разногласия» по-прежнему считались решаемыми организационными мерами, т. е. не процессуальным вопросом. К тому же приобретшие новый процессуальный вес руководители следственных подразделений, еще до крупной реформы следственного аппарата в июне 2007 г., своими силами могли не допускать возникновения разногласий, а уж если они случились, разбираться с ними вне процессуальных форм.

Организационным же всегда считался вопрос, отчасти получивший в ст. 163 УПК РФ процессуальное решение, — о прикреплении к следственной группе на постоянной основе группы должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Потребность в таком прикреплении была всегда, поскольку поручениями в порядке ст. 38 УПК РФ организовать взаимодействие с оперативно-разыскными службами было фактически невозможно — привлекаемые оперуполномоченные должны были быть в курсе всего расследования и иметь отношение к оперативному сопровождению данного дела на постоянной основе. Этот вопрос, конечно, в значительной степени организационный, однако применительно к следственным группам неизбежно возникал и ряд процессуальных вопросов. Во-первых, только ли руководитель следственной группы имеет право вступать в непосредственный контакт с этими сотрудниками, если даже при индивидуальном расследовании этот контакт формально опосредован обращением к руководителю органа дознания, а вовсе не к самим оперуполномоченным? Во-вторых, если расследование поделено между самими следователями на относительно обособленные участки, должна ли структура группы оперативных работников дублировать такое же деление? В-третьих, если каждый следователь, входящий в следственную группу, обладает всеми полномочиями следователя, указанными в ст. 38 УПК РФ, то может ли он сам обратиться с поручениями о производстве оперативно-разыскных мероприятий к прикрепленным сотрудникам либо к органу дознания вообще? Попутно заметим, что в ст. 38 УПК РФ 2001 г. допущена очевидная, на наш взгляд, терминологическая неточность. Следователь обращается к органу дознания за оперативно-разыскным содействием, не определяя конкретных оперативно-разыскных мероприятий, которые тот обязан произвести. Такая конкретизация — вне процессуальной компетенции следователя. В статье 127 УПК РСФСР аналогичное полномочие следователя определялось словами «поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий», т. е. фактически следователь ставил перед органами дознания значимую для расследования розыскную задачу, а они сами определяли, какими способами ее решать. По сути, все то же самое характерно и для взаимодействия между следователями, работающими в группе, и оперативно-разыскными подразделениями. Однако здесь все сложнее в силу необходимости постоянно согласовывать не только

следственную работу нескольких следователей, но и связанную с нею оперативно-разыскную деятельность. Некоторые авторы не без оснований считали такую организацию взаимодействия следователей и оперативных работников теоретически небезупречной, а практически — чреватой многими негативными последствиями [2]. Не случайно актуальной с 1970-х гг. остается позиция по этому вопросу, сформулированная и обоснованная известным в то время следователем А. Н. Балашовым: объединение в одной группе следователей и оперативных работников — это согласованная, но организационно изолированная друг от друга, т. е. параллельная деятельность двух групп — следователей и оперативных работников с собственными руководителями в своих подструктурах. Только так можно было избежать смешения процессуальных и непроцессуальных форм собирания важной для расследования информации по уголовному делу [3].

В научной литературе всегда уделялось немало внимания разграничению понятий «следственная группа» и «следственно-оперативная группа». И не без оснований [4].

Важно отметить, что в самом начале применения нового УПК РФ 2001 г. интерес к следственным группам в теории уголовного процесса сохраняется. В одном из изданий «Руководства для следователей» 2005 г. под общей редакцией В. В. Мозякова, который возглавлял на тот момент Следственный комитет при МВД России, заслуженно получившего очень широкое признание и на практике, и в системе ведомственного образования, следственным группам посвящен объемный и подробный раздел. В этом разделе «Руководства» анализируются положения ст. 163 УПК РФ 2001 г. Хотя в контексте звучит более распространенная в течение десятилетий и более привычная на практике терминология «бригадный метод», «следственная бригада» и т. п., по содержанию текста видно, что комментарий действующего на момент издания книги закона — не главная и даже не одна из главных задач. Авторы обобщают опыт использования разных вариантов «бригадного метода», от групп с участием 1—2 следователей до «супербригад», насчитывающих несколько сотен следователей [5].

В этом тексте нетрудно заметить отсутствие стремления авторов к четкому разграничению процессуальных и организационных вопросов деятельности следственных групп. Здесь как сугубо организационные вопросы анализируются разные варианты взаимодействия следователей и сотрудников оперативно-разыскных служб. Полагаем также,

что весьма обстоятельное и информационно насыщенное изложение очень ценного с теоретической и практической точек зрения материала в этом «Руководстве» отражает и ведомственную подчиненность как авторов раздела о следственных группах, так и общего руководства авторского коллектива. Авторы как бы вовсе исключают наличие межведомственных барьеров в организации взаимодействия следователей и оперативных работников. Сказать, что эта «безбарьерная среда» характерна для работы всех следственных ведомств, нельзя, поэтому в литературе и высказывались опасения негативных последствий неправильно организованного взаимодействия.

Реформа следственного аппарата, произошедшая в июне 2007 г. и повлекшая за собой сначала структурное отделение следственных подразделений от прокуратуры, а затем и создание самостоятельного Следственного комитета Российской Федерации, затронула и нормативно-правовое регулирование деятельности следственных групп. Юридическое ограничение участия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам с оставлением за ним только надзорных полномочий автоматически лишило его права на создание следственных групп. Теперь правом создавать эти группы обладает только руководитель следственного органа, и включать в них он вправе только тех следователей, которые работают в возглавляемом им подразделении. В рамках одного ведомства круг следователей, включаемых в группу, может варьироваться за счет вертикали власти и подчинения — в группы могут направляться следователи из разных территориальных подразделений. Что касается межведомственных следственных групп, которые практиковались довольно широко в советские и первые постсоветские годы, то раньше их создавал прокурор, а после 2007 г. этот процессуальный механизм в действующем законе перестал существовать.

Трудно судить, насколько связаны эти два явления, но нельзя не констатировать, что после 2007 г. теоретический интерес к следственным группам постепенно, но неуклонно снижается. В не менее известном, чем ранее названное, «Руководстве для следователей» 2008 года издания тоже есть раздел, посвященный следственным группам, однако он представляет собой простой пересказ текста ст. 163 УПК РФ, даже без каких-либо комментариев внесенных в эту статью изменений [6].

Выборочное изучение практики дает основание для гипотезы, что и в реальном расследовании

следственные группы как специфическое процессуальное формирование с внутренней организационной структурой, распределением относительно самостоятельных участков работы между следователями, совместным или согласованным планированием расследования, совместной работой над итоговыми процессуальными документами расследования в настоящее время уже рассматриваются как явление прошлого. Нами выявлены случаи создания следственных групп на время так называемых «реализаций», когда на основе полученных оперативно-разыскных данных необходимо произвести одновременно большое количество обысков в подпольных игорных домах или сутенерских агентствах или задержать с поличным одновременно несколько наркоторговцев. Уголовное дело в таких случаях — как «до», так и «после» — фактически остается в производстве единственного следователя. Подобные временные следственные группы создавались и в эпоху их массового распространения в 1980-е — 1990-е гг. — на период одновременного производства большого количества следственных действий. Но в этих следственных группах прикомандированные следователи сознавали временный характер своего сотрудничества и ощущали себя, скорее, помощниками в работе по чужому делу, выполняющими свою работу на основаниях, близких к отдельному поручению. Строго говоря, правила ст. 163 УПК РФ на следственные группы такого рода распространялись в наименьшей степени. При изучении практики выявлены единичные случаи их создания и вовсе без предусмотренных для этого оснований. Так, будучи объединенными в следственную группу, следователи, в производстве которых находятся совершенно отдельные дела, получали формальную возможность подменять друг друга (например, при рассмотрении их ходатайств о заключении обвиняемых под стражу в судах), т. е. участвовать в рассмотрении одновременно нескольких таких ходатайств. Такая форма «рационализации» совместной работы в следственном подразделении тоже никакого отношения к правилам ст. 163 УПК РФ не имеет.

Полагаем, что тема следственных групп и раскрытие их практического потенциала незаслуженно обходится сегодня вниманием исследователей. Использование таких групп в современной правоприменительной практике позволяет выявлять и решать многие назревшие проблемы функционирования отечественного следственного аппарата.

1. Тарасов А. А. Расследование преступлений группой следователей: процессуальные и тактико-психологические проблемы. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2000. 132 с.

2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Н. Башкатов, Б. Т. Безлепкин [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: ТК Велби: Проспект, 2008. 736 с.

3. Балашов А. Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений. Москва: Юрид. лит., 1979. 110 с.

4. Кучкина В. Г. Сравнительный анализ следственных и следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2011. № 24. С. 2—5.

5. Руководство для следователей / под общ. ред. В. В. Мозякова. Москва: Экзамен, 2005. 912 с.

6. Руководство по расследованию преступлений: науч.-практ. пособие / отв. ред. А. В. Гриненко. 2-е изд., пересмотр. и доп. Москва: Норма, 2008. 768 с.

Тарасов Александр Алексеевич,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Уфимского университета науки и технологий,
доктор юридических наук, профессор;
aatar@mail.ru

1. Tarasov A. A. Investigation of crimes by a group of investigators: procedural and tactical-psychological problems. Samara: Publishing house of Samara University; 2000: 132. (In Russ.).

2. Bashkatov L. N., Bezlepkina B. T. (et al.) Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article). Ed. by I. L. Petrukhin. 6th ed., rev. and expanded. Moscow: TC Velby; Prospect; 2008: 736. (In Russ.).

3. Balashov A. N. Interaction of investigators and bodies of inquiry in the investigation of crimes. Moscow: Juridical literature; 1979: 110. (In Russ.).

4. Kuchkina V. G. Comparative analysis of investigative and investigative-operative groups. Russian investigator, 2—5, 2011. (In Russ.).

5. Manual for investigators. Ed. by V. V. Mozyakov. Moscow: Ekzamen; 2005: 912. (In Russ.).

6. Guide to the investigation of crimes. Scientific and practical manual. Ed. by A. V. Grinenko. 2nd ed., rev. and expanded. Moscow: Norma; 2008: 768. (In Russ.).

Tarasov Alexander Alexeevich,
head of the department
of criminal law and procedure
of the Ufa University of Science and Technology,
doctor of juridical sciences, full professor;
aatar@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 27.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

УДК 343.125
doi: 10.25724/VAMVD.A228

**ИЗБРАНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ:
О ПРОБЛЕМЕ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ЕЕ ПРАВИЛЬНОГО ВЫБОРА**

Ольга Викторовна Химичева*, **Игорь Борисович Тутынин****
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
* olga-him@mail.ru
** tutig@rambler.ru

Аннотация. На основе позиции научной школы кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя по фундаментальным вопросам обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в статье представлено отношение к некоторым теоретическим и практическим аспектам избрания по уголовным делам меры пресечения. Авторы — представители названной научной школы — обращаются к проблеме формулирования и процессуального установления основания избрания меры пресечения. Через анализ мыслительных этапов принятия решения, через буквальное толкование закона об основаниях избрания меры пресечения делается умозаключение, что установление правоприменителем возможности скрыться подозреваемому (обвиняемому), продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу затруднено, маловероятно, а часто в принципе невозможно. Причинами тому являются объективные и субъективные препятствия. В частности, подчеркивается, что предположение о вероятном ненадлежащем поведении подозреваемого (обвиняемого) не должно носить абстрактный характер, подкрепляться тем, что позволит избежать чрезмерного нарушения прав и интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения.

Помимо общепризнанных и часто встречаемых процессуальных средств доказывания обоснованности избрания меры пресечения предлагается шире использовать специальные познания в области классической психологии и нейропсихологии.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, основания избрания меры пресечения, обоснованность и мотивированность решения о мере пресечения, специальные познания в психологии

Для цитирования: Химичева О. В., Тутынин И. Б. Избрание меры пресечения: о проблеме оснований для ее правильного выбора // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1 (68). С. 163—169. doi: 10.25724/VAMVD.A228

**DETERMINING A MEASURE OF RESTRAINT:
ON THE ISSUE RELATED TO THE REASONS
FOR ITS CORRECT SOLUTION**

Olga Viktorovna Khimicheva*, **Igor Borisovich Tutynin****
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
* olga-him@mail.ru
** tutig@rambler.ru

Abstract. Taking into account the point of view of the scientific school of the Criminal Procedure Department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia related to the fundamental issues on ensuring the rights and legitimate interests of the participants in the criminal proceedings, the article deals with some theoretical and practical aspects of determining a measure of restraint in criminal cases. The authors of the article, the members of the mentioned scientific school, examine the problem to formulate and impose

the reasons for determining a measure of restraint. Through an analysis of the mental stages of decision-making, through a literal interpretation of the law on the grounds for determining a measure of restraint, the authors conclude that it is difficult by a law enforcer to establish the possibility of a suspect (accused) to escape, to continue engaging in criminal activity, to threaten participants in the criminal proceedings, to destroy evidence or to otherwise impede criminal proceedings is unlikely and often impossible on the whole. The reasons for this are objective and subjective obstacles. In particular, the authors emphasize that the assumption on probable improper behavior of the suspect (accused) should not be of an abstract nature but should be ensured that it will avoid excessive violation of the rights and interests of persons involved in the criminal and procedural relations.

In addition to the generally accepted and frequently encountered procedural means of proving validity of determining a measure of restraint, the authors propose to apply special knowledge wider in the field of classical psychology and neuropsychology.

Keywords: criminal and procedural coercion, measures of restraint, reasons for determining a measure of restraint, validity and motivation of the decision on a measure of restraint, special knowledge in psychology

For citation: Khimicheva O. V., Tutynin I. B. Determining a measure of restraint: on the issue related to the reasons for its correct solution. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 163—169, 2024. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A228

В отечественной теории уголовного процесса принятие процессуального решения рассматривается как этап собирания и оценки информации, приводящей к выводу о наличии (отсутствии) определенных обстоятельств и признаков, необходимых для решения, когда существующая информация сравнивается с правовыми условиями принятия решения и ожидаемыми в ходе его исполнения целями [1].

Безусловно, принятие решения для его субъекта имеет творческий характер, требует интеллектуальных усилий и специфического проникновения в психологические особенности правовой ситуации в попытке установить мотивацию поведения человека. Вместе с тем очевидно, что в нормативном акте вынужденно предлагается использовать усмотрение правоприменителя, когда законом предоставляется возможность в той или иной степени выбирать рамки предстоящего решения, его количественные и (или) качественные характеристики. Так, при избрании мер уголовно-процессуального пресечения речь идет о подборе и применении характера и степени принуждения, целесообразного для конкретной практической ситуации.

В ходе такого подбора правоприменитель обращается к нормам права. Исходя из деления юридических норм на абсолютно-определенные (категоричные предписания), относительно-определенные (предполагающие определенные варианты в предусмотренных пределах) и неопределенные (позволяющие правоприменителю по своему усмотрению принимать то или иное решение), для мер пресечения в уголовном судопроизводстве предпочтительны первые. Действительно, такие меры могут максимально ограничивать конституционные права и интересы человека, потому, казалось бы, должно

презюмироваться минимальное усмотрение правоприменителя. Но на самом деле это не совсем так, а часто совсем не так. В первую очередь это касается вопросов доказывания, а именно его предмета и предела, а также прилагаемого правового арсенала достижения уголовно-процессуальной цели при применении мер пресечения.

Предписанная ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) установка на то, что обязаны учитывать при избрании меры пресечения дознаватель, следователь, суд, несмотря на уже проверенное временем устоявшееся применение, может быть поставлена под сомнение. Формулировка «при наличии достаточных оснований полагать», что обвиняемый, подозреваемый может совершить неблагоприятные для правосудия действия, содержит явные и значительные дискреционные полномочия ввиду используемых оценочных категорий [2].

Да, в теории этот вопрос глубоко исследовался, предлагалось множество теоретических конструкций и объяснений, обращений к теории управления в социологии и теории доказательств [3]; формулировался стандарт доказывания при избрании мер пресечения [4]. Известно утверждение об ошибочности названия ст. 97 УПК РФ, которое не всегда соответствует ее содержанию (п. 2 и 3 ч. 1) [5].

То, что подозреваемый (обвиняемый) скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью и (или) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу (пп. 1—3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), необходимо устанавливать. Но возможно ли это объективно?

Во-первых, используемое выше указание на «иных участников», «иным путем воспрепятствовать» уже предоставляет правоприменителю значительный выбор действовать широкомасштабно и в соответствии с собственным пониманием. Изучение судебных решений о применении мер пресечения позволило прийти к выводу: п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ создал не предусмотренное законом основание — «применяю без осознания» [6, с. 25]. Справедливо мнение, что фраза «иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» противоречит сама себе, так как все возможные пути воспрепятствованию производства по уголовному делу уже указаны в пп. 1—3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ [7].

Во-вторых, по сравнению с основаниями задержания подозреваемого (ст. 91 УПК РФ), доказать необходимость избрания меры пресечения — более сложная задача. Задержание проводится, когда лицо уже совершило установленные законом действия, в то время как трудность доказывания при избрании меры пресечения в том, что это именно предположения. Вследствие этого возникает противопоставление достоверности и вероятности соответствующих сведений, носящих доказательно-прогностический характер.

В-третьих, не все просто с вопросом, что именно можно использовать для установления «внутреннего мира» лица, вероятно планирующего учинить противодействие предварительному расследованию и правосудию. Ведь это возлагается на плечи правоприменителя, которому легче пойти по пути наименьшего сопротивления, не утруждая себя деятельностью по доказыванию оснований избрания меры пресечения, в том числе положиться на мнение, предложенное сотрудниками, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность. Производить по этому поводу следственные и иные процессуальные действия не всегда эффективно. Возможно, что поэтому в правоприменении безраздельно господствует использование в качестве основания (что не соответствует закону, так как не является основанием, а служит одним из обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения) тяжести вменяемого преступления.

В-четвертых, каковы измерения достаточности сведений, необходимых для избрания той или иной меры пресечения, в особенности когда решение требуется на начальном этапе предварительного расследования и в кратчайшие сроки, например в отношении подозреваемого?

Еще в начале действия УПК РФ было замечено, что в своих процессуальных решениях об избрании мер пресечения следователи и суды не обосновывали свои предположения о том, что подозреваемый, обвиняемый скроется, может уничтожить доказательства и др., а в постановлениях далеко не всегда присутствовала оценка данных для принятия решения в конкретном случае, как правило, повторялось перечисление указанных в законе оснований (например, «подозреваемый может скрыться от следствия») без подтверждения наличия этих оснований какими-либо доказательствами [1].

Указанная ситуация не меняется. В литературе тому достаточно примеров и доказательств [8]. Верховному Суду Российской Федерации пришлось разъяснять судам, что мера пресечения не должна избираться, если не установлены достаточные данные полагать, что подозреваемый или обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, а также наличие иных обстоятельств, предусмотренных пп. 1—3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ¹.

Отвечая на поставленные вопросы, предположим, что однозначные и исчерпывающие ответы получить вряд ли возможно. В то же время предложим следующие размышления.

В нашей стране основания избрания меры пресечения предопределяются фразой «наличие достаточных оснований полагать» (ч. 1 ст. 97 УПК РФ) без уточнения и расшифровки того, при помощи чего это наличие должно быть установлено. По требованию УПК Республики Беларусь (ч. 1 ст. 117) и УПК Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 102) такая достаточность оснований полагать должна быть установлена именно доказательствами.

Согласимся, что основания избрания мер пресечения по своей природе должны быть именно доказательствами, отвечать установкам закона об их допустимости, достоверности, относимости и достаточности.

Более того, используемая в законе конструкция, согласно которой доказательства не указаны как главный, а точнее единственный, вариант обоснования позиции об избрании меры пресечения, способствует невыполнению правоприменителем требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности процессуального решения.

Более того, используемая в законе конструкция, согласно которой доказательства не указаны как главный, а точнее единственный, вариант обоснования позиции об избрании меры пресечения, способствует невыполнению правоприменителем требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ о законности, обоснованности и мотивированности процессуального решения.

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2024).

Для нас очевидно, что пределы доказывания оснований избрания различных мер пресечения не одинаковы. Меры пресечения отличны по содержанию в них степени принуждения (по строгости / суровости). Чем менее строгая мера, тем меньше неблагоприятных последствий для человека принесет ее действие, поэтому, не игнорируя стремления достичь цели, стоящей перед обеспечительными мерами, необходимо дозированно и экономно использовать количественные показатели правоограничения. Недостаточное количество и качество доказательств обоснованности избрания самой строгой из мер пресечения не запрещает избрать другую, менее строгую меру. Это правило используется на практике с «продолжением». Следователи в личных беседах признавались, что разный уровень доказанности обвинения приводил к отказу от использования строгих мер пресечения в пользу самых «лайтовых». Не случайно Верховный Суд Российской Федерации допускает при рассмотрении вопроса об избрании заключения под стражу в отношении подозреваемого обращаться к доказанности подозрения¹.

Выражая солидарность с мнением, что избрание любой меры пресечения носит безотлагательный характер, иначе ее применение, скорее всего, утратит всякий смысл, что приводит, по сути, к обязанности следователя предъявлять обвинение в самом начале уголовного преследования данного лица [9], считаем востребованными рекомендации установить в законе новые правила. Согласимся с предложением о том, что факт предъявления обвинения автоматически должен приводить в действие меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, а применение других мер пресечения следует допустить при «ином уровне доказанности предположения о совершении обвиняемым (подозреваемым) действий, указанных в ст. 97 УПК» [8].

Как указано выше, сама по себе тяжесть совершенного деяния не является основанием для избрания меры пресечения, но она влияет на выбор характера и степени принуждения. То же самое следует сказать и относительно наличия судимости, отрицательной характеристики обвиняемого, других так называемых гуманитарных обстоя-

тельств. Данные обстоятельства могут повлиять на вид и размер назначаемого уголовного наказания, если обвиняемого признают виновным, и это учитывается при избрании меры пресечения. Согласимся с О. В. Качаловой в том, что тяжесть предъявленного обвинения, безусловно, должна учитываться при избрании заключения под стражу, но с учетом риска побега лица, причем не как единственное обстоятельство, а в достаточной совокупности с другими [10, с. 61].

Проблематика доказанности оснований избрания меры пресечения обширна. В связи с этим предлагаем такой пример из правоприменительной практики.

В момент совершения квартирной кражи трое граждан были застигнуты на месте. Очевидцы заблокировали входную дверь. Один из трех злоумышленников при помощи провода от электродрели спустился с балкона на этаж ниже, вернулся к входной двери квартиры, где находились соисполнители, и пытался их вызволить, но был остановлен соседями и скрылся. Заблокированных в квартире задержали, привлекли к уголовной ответственности и осудили. На допросах они не раскрыли личность сбежавшего.

Через несколько лет удалось установить личность и задержать этого третьего. Это был гр. Ф. Выделенное в отношении него уголовное дело поступило в производство одному из авторов данной статьи. У предварительного расследования не было в избытке доказательств, подтверждающих виновность Ф. в совершении ряда преступлений. Каково было удивление следователя, когда при первой непосредственной встрече выяснилось, что у Ф. отсутствует кисть руки. Он рассказал, что лишился ее еще в детстве. Возник вопрос: как это возможно — здоровые соучастники не пытались спуститься с 7-го на 6-й этаж, а инвалид Ф. решился, успешно это сделал и даже вступил в рукопашную схватку с одним из соседей, который не позволил разблокировать дверь?

Следствию пришлось проделать значительную работу, чтобы доказать то обстоятельство, что Ф. мог совершить указанное. Следственный эксперимент или проверку показаний на балконе проводить незаконно. Других доказательств крайне мало. Но на помощь пришла возможность, которая не была сразу очевидной.

Дело в том, что Ф. обучался в областном институте физической культуры и спорта, был победителем первенства по рукопашному бою. Именно из беседы со специалистом по психологии, который лично знал Ф., стало ясно: будучи склонным к риску

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020).

и обладая иными индивидуально-психологическими особенностями, обвиняемый в стрессовой ситуации действительно мог пойти на решительный поступок. Данные сведения в совокупности с другими доказательствами позволили на предварительном следствии избрать правильную меру пресечения, а районному суду согласиться с предварительным следствием о виновности Ф.

Как видим, специальные познания в области психологии могут быть широко использованы на предварительном расследовании, в том числе при обосновании избрания мер пресечения. Предположение о предстоящем поведении обвиняемого, который может противодействовать правосудию, в той или иной мере должно быть основано на использовании познаний в области человеческих душ, а точнее на изучении потребностно-мотивационных характеристик личности.

Потребности человека часто еще не являются побуждением к деятельности. Их много. Они разнообразны и не одинаковы по силе действия. Чтобы потребность выполнила роль движущей силы поведения, необходимо наличие особого «пускового механизма» в виде мотива. Для инициации деятельности необходимо соотнесение потребности с предметом, который способен данную потребность удовлетворить. Мотив «опредмечивает» потребность, находит для нее объект, пригодный для употребления. Далее вступает осознание потребности, которое приводит к оживлению в памяти представления о предметах или ценностях, способных удовлетворить данную потребность — благо. После определения блага, способов овладения им и оценки его привлекательности возникает намерение действовать [11, с. 115].

Такой многоакторный механизм поведения сложен и по-своему загадочен. Прогнозирование возможного поведения участника процесса — это одна из возможностей, которая пока не оценена в должной мере в уголовном судопроизводстве, в частности при избрании мер пресечения, впрочем, как и иных мер уголовно-процессуального принуждения.

Информация, положенная в обоснование избрания меры пресечения, черпается из результатов производства следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, которые далеко не всегда прямо указывают на возможность обвиняемого скрыться, помешать расследованию. Даже избрание мер пресечения в виде заключения под стражу нередко основано на сведениях, лишь косвенным образом указывающих на его намерения [12, с. 230].

А что, если предположить специалисту в области психологии решить уравнение «потребность, мотив, благо, действие» с прицелом на установление возможности предположить поведение при альтернативах качественных и количественных показателей (характер и степень) принуждения? Показательным в этом случае будет место принуждения имущественного характера.

В одной публикации есть красочное обращение к произведению Н. В. Гоголя «Мертвые души», в котором психологический портрет Плюшкина является ориентиром в выборе характера принуждения при избрании меры пресечения. Если смыслом жизни человека является накопление материальных ценностей, то даже незначительный размер залога обеспечит необходимое его поведение [7, с. 188].

При использовании специальных познаний в области психологии при применении мер пресечения, иных мер процессуального принуждения, в первую очередь имущественного характера, можно обратиться к идеям А. Маслоу, который утверждал, что потребности и желания человека — не единственные детерминанты его поведения. Поэтому исследование психической (психологической) сущности человека в прогнозировании поведения участника уголовного судопроизводства должно осуществляться через призму моральных самоограничений и имущественного фактора. Вместе с тем необходимо учитывать влияние на поведение человека корыстного мотива, его «повелительность» для лица, изменчивость при различных жизненных ситуациях и др. Для этого могут быть разработаны специальные методики, «считывающие» влияние имущественного правоограничения на поведение.

Например, имеются потребности выяснить возможности психологии как науки в определении эффективности принуждения имущественного характера (окажет ли оно действенное влияние, а также какая степень принуждения (количественный показатель) необходима в конкретной ситуации). В связи с этим одним из вопросов специалисту (эксперту) будет: «Как влияет размер имущественного взыскания на вариативность поведения?». Это поможет установить влияние отношения человека к имуществу на выбор его дальнейшего поведения. Иными словами, выкристаллизовываются два направления вопросов: диагностирующие (значимость имущества для личности) и идентификационные (достаточно ли конкретное значение (количество рублей, определенная вещь) для преодоления противодействию расследованию).

Но и заключение / показания эксперта (специалиста) как доказательства, применяемые при обосновании избрания мер пресечения, не единственная возможность использования специальных познаний. Помимо непосредственной постановки вопросов специалисту (эксперту), перспективно применение детектора лжи для определения возможной эффективности принуждения (к примеру, имущественного характера); «на подходе» польза от искусственного интеллекта, нейротехнологий и нейроинтерфейсов, которые могут уменьшить субъективизм при принятии решений о мерах пресечения в уголовном судопроизводстве.

Ратую за расширение использования специальных познаний в уголовном процессе, в том

числе при выборе мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, призванных обеспечить надлежащий порядок производства, нельзя забывать о повышении гарантий достоверности такого рода доказательств, установлении дополнительных обязанностей и ответственности экспертов и специалистов, дающих заключения, которыми могут быть обоснованы самые существенные ограничения прав участников процесса. И конечно, принятие любого процессуального решения, тем более о мере пресечения, не может основываться только на суждениях «сведущих лиц», а требует совокупности иных доказательств.

1. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, Инфра-М, 2010. 240 с.

2. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. Москва, 2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2023).

3. Уголовный процесс. Схемы и таблицы: учебник / под ред. О. В. Химичевой, Н. В. Угольниковой. Москва: Эксмо, 2023. 688 с.

4. Чикулина А. Р. Стандарт доказывания при избрании мер пресечения, избираемых судом // Российский судья. 2023. № 9. С. 39—41.

5. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Е.К. Антонович, Т.Ю. Вилкова, Л. М. Володина [и др.]; отв. ред. Л. Н. Масленникова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, Инфра-М, 2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.12.2023).

6. Арсентьева С. С., Савченко А. Н. Основание для избрания меры пресечения «возможность иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу» имеет свой самостоятельный смысл // Российский судья. 2021. № 2. С. 24—28.

7. Барабаш А. С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184—190.

8. Корнуков В. М., Вершинина С. И. Проблемы объективации оснований применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Законы

1. Lupinskaya P. A. Decisions in the criminal proceedings: theory, legislation, practice. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Norma, Infra-M; 2010: 240. (In Russ.).

2. Practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Manual. Ed. by V. M. Lebedeva. 7th ed., rev. and add. Moscow; 2016. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru>. Accessed: 5 December 2023.

3. Criminal procedure. Schemes and tables. Textbook. Ed. by O. V. Khimicheva, N. V. Ugolnikova. Moscow: Eksmo; 2023: 688. (In Russ.).

4. Chikulina A. R. Standard of proving while determining a preventive measures imposed by the court. Russian Judge, 39—41, 2023. (In Russ.).

5. Antonovich E. K., Vilkova T. Yu., Volodin L. M. (et al.) Proving and decision-making in adversarial criminal proceedings. Monograph. Resp. ed. L. N. Maslennikova. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Norma, Infra-M; 2022. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru>. Accessed: 5 December 2023.

6. Arsent'yeva S. S., Savchenko A. N. The reasons for determining a preventive measure "the possibility of obstructing otherwise the proceedings in a criminal case" has its own independent meaning. Russian judge, 24—28, 2021. (In Russ.).

7. Barabash A. S. Goals and grounds for choosing a preventive measure in criminal proceedings. Acting problems of Russian law, 184—190, 2015. (In Russ.).

8. Kornukov V M., Vershinina S.I. Problems of objectification of the grounds for applying preventive measures in criminal proceedings. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 19—23, 2018. (In Russ.).

России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 19—23.

9. Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 30—36.

10. Качалова О. В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // *Судья*. 2019. № 9. С. 60—64.

11. Каверин С. Б. Мотивация труда. Москва: Изд-во Ин-та психологии РАН, 1998. 224 с.

12. Карцева А. И. К вопросу о классификации оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // *Общество и право*. 2008. № 3. С. 229—232.

9. Rossinsky S. B. Legal conditions for the application of measures of criminal procedural suppression lead to haste and unfounded accusations. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 30—36, 2018. (In Russ.).

10. Kachalova O. V. Consideration by the court of the reasons and conditions for the use of remand in custody as a preventive measure. *Judge*, 60—64, 2019. (In Russ.).

11. Kaverin S. B. Labor motivation. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 1998: 224. (In Russ.).

12. Kartseva A. I. On the issue of classification of reasons for determining a preventive measure as detention. *Society and law*, 229—232, 2008. (In Russ.).

Химичева Ольга Викторовна,

начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;
olga-him@mail.ru

Khimicheva Olga Victorovna,

head of the department of criminal procedure
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
honored worker of higher school
of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, full professor;
olga-him@mail.ru

Тутынин Игорь Борисович,

профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент;
tutig@rambler.ru

Tutyin Igor Borisovich,

professor at the department of criminal procedure
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
tutig@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 10.01.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 10.01.2024; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 15.02.2024.

* * *

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России. Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров. ISSN 2074-8183

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

— представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;

— представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;

— информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

— обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;

— аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.

2. Уголовный процесс.

3. Криминалистика.

4. Оперативно-разыскная деятельность.

5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

— по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;

— содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;

— предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

— заголовок на русском и английском языке;

— аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);

— ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, дей-

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- пристрастный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте mkolosovich@mvd.ru;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

E-mail: mkolosovich@mvd.ru

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

ствующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
 прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.
2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.
3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).
4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).
5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, перечню сведений, подлежащих засекречиванию МВД России, утвержденному приказом МВД России от 10 сентября 2018 г. № 580 дсп, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».
6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.
7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20____ *подпись* *фамилия, инициалы³*

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.